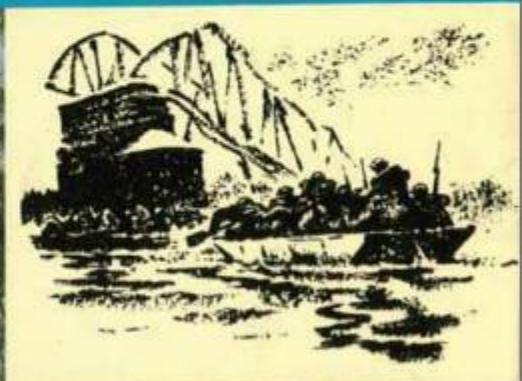

Г.С. Меркин

ЛИТЕРАТУРА

СРЕДА, 26

ВЛАДИМИР

КАПЕЛЛЫ

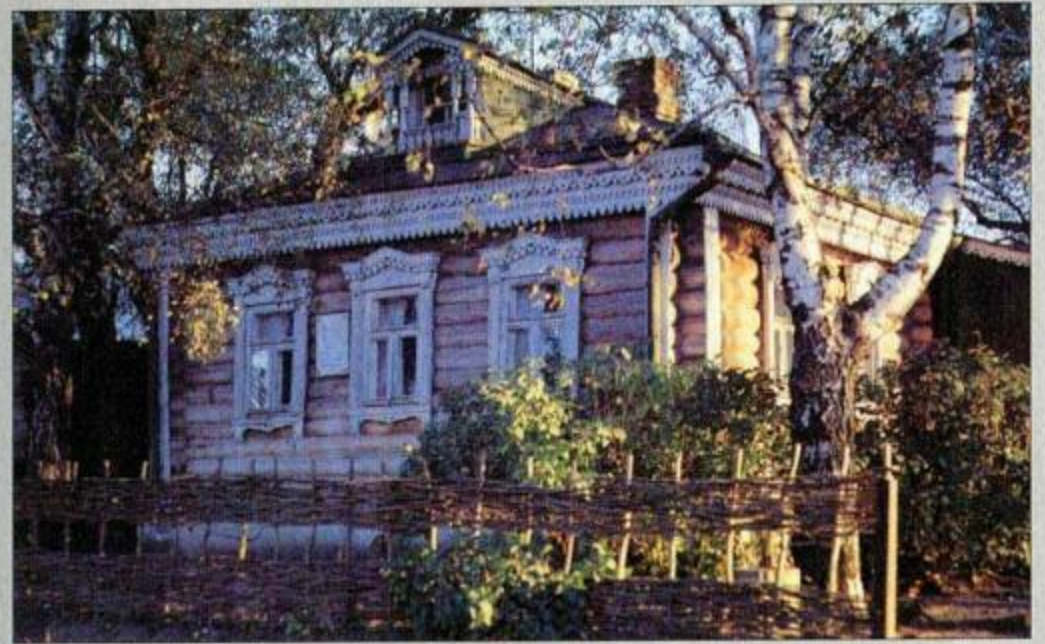
МАЯКОВСКИЙ

- 1. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 2. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 3. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 4. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 5. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 6. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 7. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 8. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 9. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 10. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР

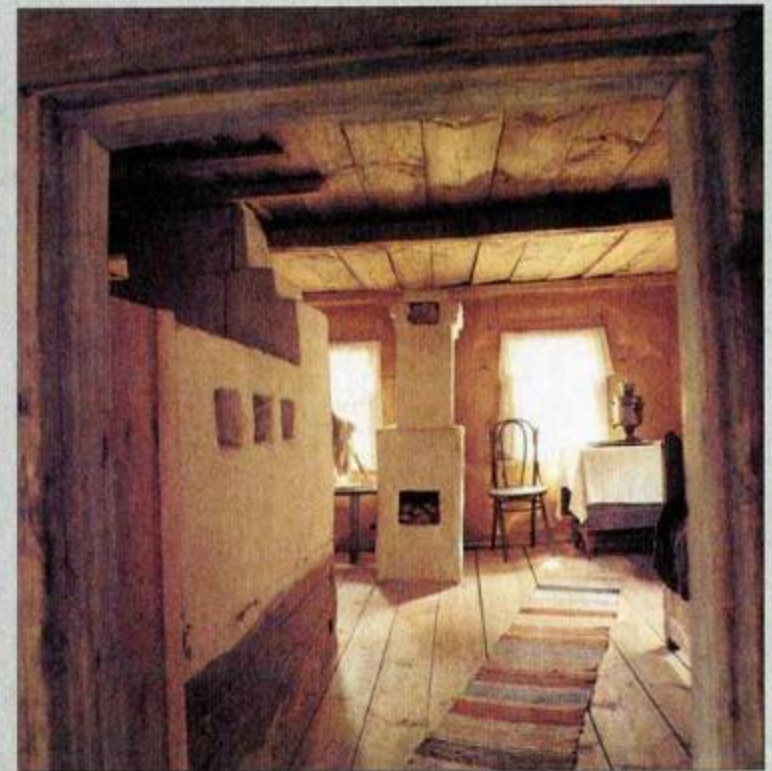

- 11. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 12. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 13. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 14. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 15. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 16. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 17. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 18. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 19. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР
- 20. МАЯКОВСКИЙ, ВЛАДИМИР

7 КЛАСС

*Дом-музей С.А. Есенина в селе Константинове
Рязанской области*

Одна из комнат дома-музея С.А. Есенина

песня о собаке.

Утром в ржаноме такути,
из заятаго рогати вьрда,
бесмерных оценила сука
рыжих и бесмерных ценила.

До вечера она их мала
притесивая языком,
и струила слезы под током,
под током ее живого.

А ветером, когда кури
обесивают мисе току
вышел хозяин и мури
и всех их покормил
по серебряной бляхе.
А песня ваяла заны: блях.

Автограф
стихотворения
С.А. Есенина
«Песнь о собаке»

Предметы
чернильного
прибора,
принадлежавшие
поэту

Афиша
поэтического вечера
с выступлением
С.А. Есенина

Литература

7 класс

Учебник
для общеобразовательных
учреждений

В двух частях
Часть II

Автор-составитель
Г.С. Меркин

6-е издание, исправленное
и дополненное

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

(экспертиза РАН и РАО 2007 г.)

Москва
«Русское слово»
2008

Л 64 **Литература. 7 класс:** Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 2 / Авт.-сост. Г.С. Меркин. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2008. — 344 с.

ISBN 978-5-9932-0104-7 (ч. 2)
ISBN 978-5-9932-0102-3

Учебник «Литература. 7 класс» соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

ББК 83.я721

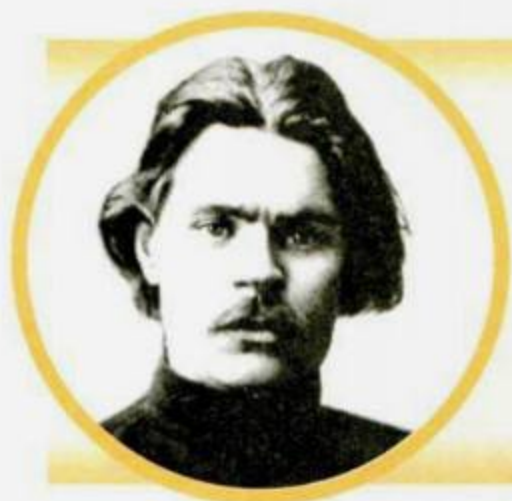
ISBN 978-5-9932-0104-7 (ч. 2) © ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2003, 2008
ISBN 978-5-9932-0102-3 Все права защищены

Из русской литературы XX века

В этом разделе представлены произведения русских писателей XX в. — бурной, драматичной и героической эпохи нашей истории и культуры. Лучшие творения этой эпохи, сохраняя свою связь со временем, говорят нам о вечных, актуальных и по сей день темах: дома и семьи, веры и любви, Родины и природы, мира и войны.

Независимость авторской позиции, художественная достоверность и правдивость изображения жизни в разных ее проявлениях помогали писателям XX столетия найти новые ответы на вопрос о смысле бытия.

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
1868—1936

Горького я впервые увидел в Петрограде зимою девятьсот пятнадцатого года.

Спускаясь по лестнице к выходу в одном из громадных домов, я засмотрелся на играющих в вестибюле детей. В это время в парадную с улицы легкой и властной походкой вошел насупленный мужчина в серой шапке. Лицо у него было сердитое и даже как будто злое. Длинные усы его обледенели (на улице был сильный мороз), и от этого он казался еще более сердитым. В руке у него был тяжелый портфель огромных, невиданных мною размеров.

Детей звали спать. Они расшалились, не шли. Человекглянул на них и сказал, не замедляя шагов:

Даже кит
Ночью спит!

В эту секунду вся его угрюмость пропала, и я увидел горячую синеву его глаз. Взглянув на меня, он опять насупился и мрачно зашагал по ступеням.

Позже, когда я познакомился с ним, я заметил, что у него на лице чаще всего бывают эти два выражения.

Одно — хмурое, тоскливо-враждебное. В такие минуты казалось, что на этом лице невозможна улыбка, что там и нет такого материала, из которого делаются улыбки.

И другое выражение, всегда внезапное, всегда неожиданное: празднично-застенчиво-умиленно-влюбленное. То есть та самая улыбка, которая за секунду до этого казалась немыслимой. <...>

Неожиданной чертой его личности оказалось его безжалостное, я бы сказал — свирепое отношение к себе. Многие со сто-

роны полагали, что он у нас лишь номинальный председатель¹, а между тем он был чернорабочий, не брезговавший самым невзрачным и нудным трудом. После каждого заседания он уносил с собою полный портфель чужих рукописей, которые мы просили его «просмотреть», но он не только «просматривал» их, а все перерабатывал заново, до неузнаваемости исчеркивал каждую рукопись своими поправками.

С удивлением разглядывали мы эти рукописи. Иногда в них сотни страниц, требующих многодневной работы. Все плохое аккуратно вычеркнуто синим карандашом, и над каждой неудачной строкой лепятся старательные, отрывистые и четкие буквы, которые так характерны для почерка Горького. И в каждую такую рукопись вложена написанная его рукою рецензия — результат столь же большого труда.

К.И. Чуковский

Для вас, любознательные

К.И. Чуковский рассказал, как М. Горький редактировал рукописи авторов издательства «Всемирная литература». Мемуарист² приводит некоторые сохранившиеся у него собственноручные записи Горького. Обратите внимание, насколько серьезно относился М. Горький к работе над словом.

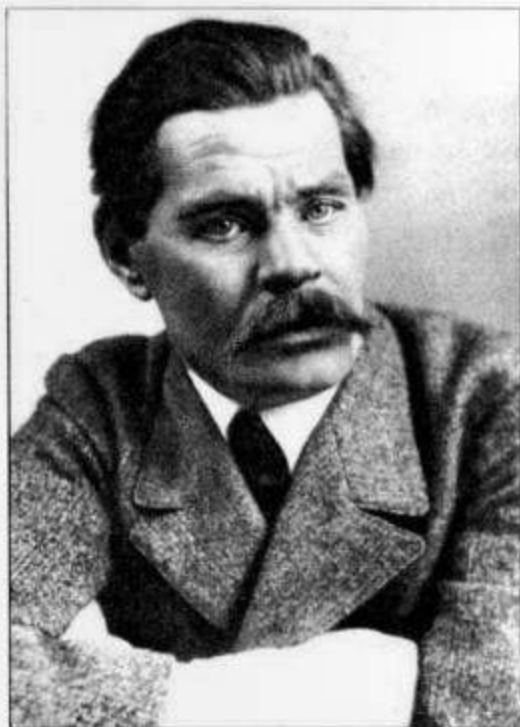
1. «Частое употребление союза «и» придает фразе визгливый характер, а глагол «быть», употребляемый хотя бы и разнообразно, обязательно создает бормотание «бы-бы-бы-бы». «Должно бы быть».

2. «Прочитав еще раз адрес, он скомкал записку и, закулив папиросу, сунул ее в карман жилета...»

«Когда читатель представит себе человека, который идет... с закуреной папиросой в кармане жилета, — читатель истерически захохочет. Это — в лучшем случае, если читатель человек здоровый и уравновешенный».

¹ Речь идет об издательстве «Всемирная литература», которое основал Горький в 1918 г.

² Мемуарист — автор мемуаров (воспоминаний).

М. Горький. 1912 г.

Чуковский отмечал, что он печатает эти записи «как живое свидетельство того, какие строгие требования предъявлял Горький к художественной прозе — своей и чужой — и какое у него было чуткое ухо к звучанию написанных слов».

Столь же требовательным он был и к литераторам — маститым и начинающим. И в этой требовательности проявилось и уважение к писательскому труду, и удивительное чувство слова.

Приводим некоторые фрагменты из книги И. Макарьева «Пометки Горького на книгах начинающих писателей». Проверьте, не допускаете ли вы в своей письменной речи ошибки и недочеты такого же рода.

1. После фразы: «Небо, казал о с ь, трескал о с ь от жары. От жары и усталости туманил о с ь в глазах», — Горький, подчеркнув трех «лосей», пишет: «Плохо».

Как вы думаете, почему?

2. «Черными точками маячат до з о р ы. А кругом южная равнина. Уперлась она в Кавказские г о р ы». «Эх, б р а т и шка, дай доб р а т ь с я»... «Сквозь огненный г р а д свинца и г р а н а т прошли свой путь полки».

Подчеркнув рифмующиеся слова в приведенных фразах, Горький пишет на полях книжки: «В прозе надобно избегать рифмующих слов, не ставить их рядом в одной фразе».

На какую стилистическую погрешность указал Горький?

3. «Вот он подсакивает с койки, прильнув к стене, и душе-раздирающе кричит». Против этой фразы Горький... пишет: «Нельзя «подскочить», «прильнув к стенке». Автор не там поставил союз «и».

Где же нужно поставить этот союз?

4. «Пыль назойливая, [как мухи], серая пыль. Лезет [она] в глаза, за воротник, в рот. [И мы пылим... Упорно, неудержимо]». Заключенные в квадратные скобки слова Горький выбрасывает и пишет на полях: «Зачем эти слова?»

После правок, внесенных Горьким, весь отрывок уместается в одну фразу, внимание не задерживается на лишние слова.

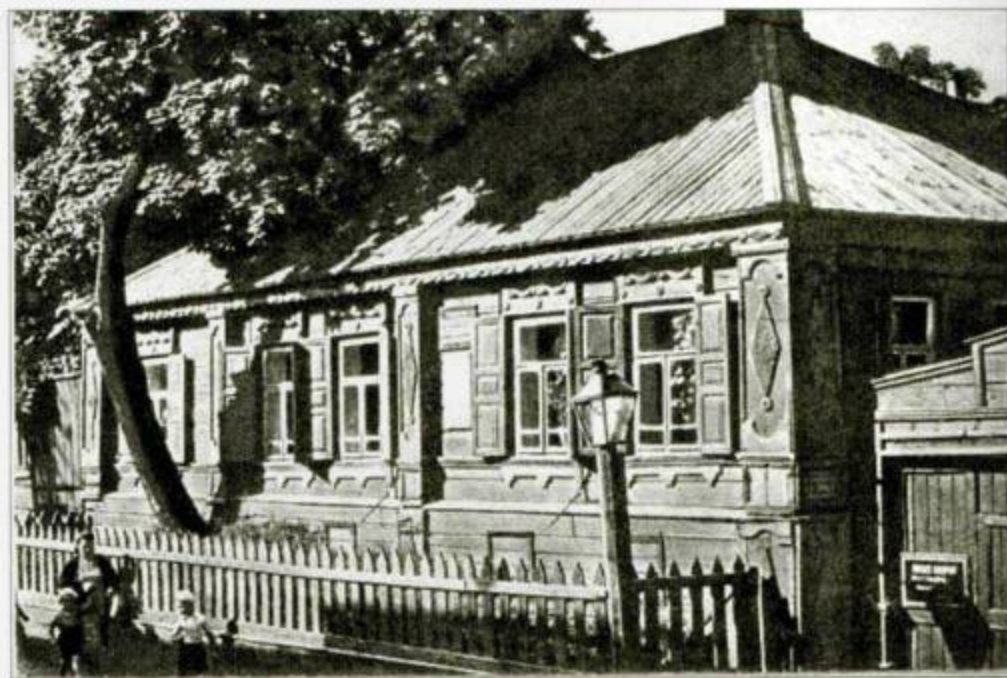
Прочитайте свои творческие работы. Не нуждаются ли они в подобных сокращениях?

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 14 марта 1869¹ года в Нижнем Новгороде. Отец — сын солдата, мать — мещанка. Дед со стороны отца был офицером, разжалован Николаем Первым за жестокое обращение с нижними чинами. Это был человек настолько крутой, что мой отец с десятилетнего возраста до семнадцати лет пять раз бегал от него. Последний раз отцу удалось убежать из семьи своей навсегда, — он пешком пришел из Тобольска в Нижний и здесь поступил в ученики к драпировщику. Очевидно, у него были способности и он был грамотен, ибо уже двадцати двух лет пароходство Колчина (ныне Карповой) назначило его управляющим своей конторой в Астрахань, где в 1873 году он и умер от холеры, которой заразился от меня. По рассказам бабушки, отец был умный, добрый и очень веселый человек. Дед со стороны матери начал свою карьеру бурлаком на Волге, через три путины был уже приказчиком на караване балахнинского купца Заева, потом занялся окраской пряжи, разжился и открыл в Нижнем

¹ Документально установлено, что М. Горький родился в 1868 г.

красильное заведение на широких началах. Вскоре он имел в городе несколько домов и три мастерских для набойки и окраски материи, был выбран в цеховые старшины, служил в этой должности три трехлетия, после чего отказался, оскорбленный тем, что его не выбрали в ремесленные головы. Он был очень религиозен, до жестокости деспотичен и болезненно скуп. Жил девяносто два года и за год перед смертью сошел с ума, в 1888 году. Отец и мать обвинялись «самокруткой», ибо дед не мог, конечно, выдать свою любимую дочь за безродного человека с сомнительным будущим. Мать моя на мою жизнь никакого влияния не имела, ибо, считая меня причиной смерти отца, не любила меня и, вскоре выйдя замуж второй раз, уже совершенно сдала меня на руки деда, который и начал мое воспитание с Псалтири и Часослова. Потом, семи лет, меня отдали в школу, где я учился пять месяцев. Учился плохо, школьные порядки ненавидел, товарищей тоже, ибо всегда я любил уединение. Заразившись в школе оспой, я кончил учение и более уже не возобновлял его. В это время мать моя умерла от скоротечной чахотки, дед же разорился. В семье его, очень большой, так как с ним жили два сына, женатые и имев-

Дом Кашириных. Ныне — музей детства А.М. Горького
«Домик Каширина».
Нижний Новгород, Почтовый съезд, д. 21

А.М. Пешков.
Нижний Новгород,
1891 г.

Василий Каширин
с сыном — дед и дядя
Алексея Пешкова

шие детей, меня никто не любил, кроме бабушки, изумительно доброй и самоотверженной старухи, о которой я всю жизнь буду вспоминать с чувством любви и уважения к ней. Дядья мои любили жить широко, то есть много и хорошо пить и есть. Напившись, обыкновенно дрались между собой или с гостями, которых у нас всегда бывало много, или же били своих жен. Один дядя вколотил в гроб двух жен, другой — одну. Иногда и меня били. Среди такой обстановки о каких-либо умственных влияниях не может быть и речи, тем более что все мои родственники — народ полуграмотный. Восьми лет меня отдали «в мальчики» в магазин обуви, но месяца через два я сварил себе руки кипящими щами и был отослан хозяином вновь к деду. По выздоровлении меня отдали в ученики к чертежнику, дальнему родственнику, но через год, вследствие очень тяжелых условий жизни, я убежал от него и поступил на пароход в ученики к повару. Это был гвардии отставной унтер-офицер, Михаил Антонов Смурый, человек сказочной физической силы, грубый, очень начитанный; он возбудил во мне интерес к чтению книг. Книги и всякую печатную бумагу я ненавидел до

Алеша читает повару Смурому.
Иллюстрация Б.А. Дехтерева

этой поры, но побоями и ласками мой учитель заставил меня убедиться в великом значении книги, полюбить ее. Первая понравившаяся мне до безумия книга — «Предание о том, как солдат спас Петра Великого». У Смурого был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томиками в кожаных переплетах, и это была самая странная библиотека в мире. Эккерттаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом «Современника», тут же была «Искра» за 1864 год, «Камень веры» и книжки на малорусском языке. С этого момента моей жизни я начал читать все, что попадало под руку; десяти лет начал вести дневник, куда заносил впечатления, выносимые из жизни и книг. Дальнейшая жизнь очень пестра и сложна: из поварят я снова возвратился к чертежнику, потом торговал иконами, служил на Грязе-Царицынской железной дороге сторожем, был крендельщиком, булочником, случа-

лось жить в трущобах, несколько раз отправлялся пешком путешествовать по России. В 1888 году, живя в Казани, впервые познакомился со студентами, участвовал в кружках самообразования; в 1890 году я почувствовал себя не на своем месте среди интеллигенции и ушел путешествовать. Шел из Нижнего до Царицына, Донской областью, Украиной, зашел в Бессарабию, оттуда вдоль южного берега Крыма на Кубань, в Черноморье. В октябре 1892 года жил в Тифлисе, где в газете «Кавказ» напечатал свой первый очерк «Макар Чудра». Меня много хвалили за него, и, переехав в Нижний, я попробовал писать маленькие рассказы для казанской газеты «Волжский вестник». Их охотно принимали и печатали. Послал очерк «Емельян Пиляй» в «Русские ведомости» — тоже приняли и напечатали. Мне, пожалуй, следует заметить здесь, что легкость, с которой провинциальные газеты печатают произведения «начинающих», воистину изумительна, и я полагаю, что она должна свидетельствовать или о крайней доброте господ редакторов или же о полном отсутствии у них литературного чутья. В 1895 году в «Русском богатстве» (книга 6) напечатан мой рассказ «Челкаш» — о нем отозвалась «Русская мысль» — не помню в какой книге. В том же году в «Русской мысли» помещен мой очерк «Ошибка» — отзывов не было, кажется. В 1896 году в «Новом слове» очерк «Тоска» — отзыв в сентябрьской книге «Образования». В марте текущего года в «Новом слове» очерк «Коновалов». До сей поры еще не написал ни одной вещи, которая бы меня удовлетворяла, а потому произведений моих не сохраняю — ergo¹: прислать не могу. Замечательных событий в жизни моей, кажется, не было, а впрочем, я неясно представляю себе, что именно следует подразумевать под этими словами.

Вопросы и задания

?

1. М. Горький написал «Автобиографию» в 1897 г. На какие факты своей жизни он обращает внимание?
2. Как вы поняли слова писателя о том, что «замечательных событий» в его жизни не было?

¹ Следовательно (лат.).

ДЕТСТВО (Избранные главы)

[Алеше было четыре года, когда умер его отец. После похорон отца Алеша его мать и бабушка, которая приехала к ним в Астрахань, решили вернуться в Нижний Новгород, где жил дед Алеша.]

I

...Пароход снова бухал и дрожал, окно каюты горело, как солнце. Бабушка, сидя около меня, чесала волосы и морщилась, что-то нашептывая...

Говорила она, как-то особенно выпевая слова, и они легко укреплялись в памяти моей, похожие на цветы, такие же ласковые, яркие, сочные. Когда она улыбалась, ее темные, как вишни, зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо приятным светом, улыбка весело обнажала белые крепкие зубы, и, несмотря на множество морщин в темной коже щек, все лицо казалось молодым и светлым. Очень портил его этот рыхлый нос с раздутыми ноздрями и красный на конце. Она нюхала табак из черной табакерки, украшенной серебром. Вся она — темная, но светилась изнутри — через глаза — неугасимым, веселым и теплым светом. Она сутула, почти горбатая, очень полная, а двигалась легко и ловко, точно большая кошка, — она и мягкая такая же, как этот ласковый зверь.

До нее как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала все вокруг меня в непрерывную нить, сплела все в разноцветное кружево и сразу стала на всю жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком, — это ее бескорыстная¹ любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни.

Сорок лет назад пароходы плавали медленно; мы ехали до Нижнего очень долго, и я хорошо помню эти первые дни насыщения красотой.

¹ *Бескорыстный* — не стремящийся к личной выгоде, наживе; корысть — выгода, нажива.

Установилась хорошая погода; с утра до вечера я с бабушкой на палубе, под ясным небом, между позолоченных осенью, шелками шитых берегов Волги. Не торопясь, лениво и гулко бухая плечами¹ по серовато-синей воде, тянется вверх по течению светло-рыжий пароход, с баржой на длинном буксире. Баржа серая и похожа на мокрицу. Незаметно плывет над Волгой солнце; каждый час все вокруг ново, все меняется; зеленые горы — как пышные складки на богатой одежде земли; по берегам стоят города и села, точно пряничные издаты; золотой осенний лист плывет по воде.

— Ты гляди, как хорошо-то! — ежеминутно говорит бабушка, переходя от борта к борту, и вся сияет, а глаза у нее радостно расширены.

Часто она, заглядевшись на берег, забывала обо мне: стоит у борта, сложив руки на груди, улыбается и молчит, а на глазах слезы. Я дергаю ее за темную, с набойкой цветами, юбку.

— Ась? — встрепнется она. — А я будто задремала да сон вижу.

— А о чем плачешь?

— Это, милый, от радости да от старости, — говорит она, улыбаясь. — Я ведь уж старая, за шестой десяток лета-весны мои перекинулись-пошли.

И, понюхав табак, начинает рассказывать мне какие-то дикие истории о добрых разбойниках, о святых людях, о всяком зверье и нечистой силе.

Сказки она рассказывает тихо, таинственно, наклоняясь к моему лицу, заглядывая в глаза мне расширенными зрачками, точно вливая в сердце мое силу, приподнимающую меня. Говорит, точно поет, и чем дальше, тем складней звучат слова. Слушать ее невыразимо приятно. Я слушаю и прошу:

— Еще!

— А еще вот как было: сидит в подпечке старичок-домовой, занозил он себе лапу лапшой, качается, хнычет: «Ой, мышеньки, больно, ой, мышата, не стерплю!»

Подняв ногу, она хватается за нее руками, качает ее на весу и смешно морщит лицо, словно ей самой больно.

Вокруг стоят матросы — бородатые, ласковые мужики, — слушают, смеются, хвалят ее и тоже просят:

— А ну, бабушка, расскажи еще чего!

¹ *Плечи* — лопасти парового колеса.

Потом говорят:

— Айда ужинать с нами!..

Помню детскую радость бабушки при виде Нижнего. Дергая за руку, она толкала меня к борту и кричала:

— Гляди, гляди, как хорошо! Вот он, батюшка, Нижний-то! Вот он какой, Богов! Церкви-те, гляди-ка ты, летят будто!

И просила мать, чуть не плача:

— Варюша, погляди, чай, а? Поди, забыла ведь! Порадуйся! Мать хмуро улыбалась.

Когда пароход остановился против красивого города, среди реки, тесно загроможденной судами, ошестинившейся сотнями острых мачт, к борту его подплыла большая лодка со множеством людей, подцепилась багром к спущенному трапу, и один за другим люди из лодки стали подниматься на палубу. Впереди всех быстро шел небольшой сухонький старичок, в черном длинном одеянии, с рыжей, как золото, бородкой, с птичьим носом и зелеными глазками.

— Папаша! — густо и громко крикнула мать и опрокинулась на него, а он, хватая ее за голову, быстро глядя щеки ее маленькими красными руками, кричал, взвизгивая:

— Что-о, дура? Ага-а! То-то вот... Эх вы-и...

Бабушка обнимала и целовала как-то сразу всех, вертясь, как винт; она толкала меня к людям и говорила торопливо:

— Ну, скорее! Это — дядя Михайло, это — Яков... Тетка Наталья, это — братья, оба Саши, сестра Катерина, это все наше племя, вот сколько!

Дедушка сказал ей:

— Здорова ли, мать?

Они троекратно поцеловались. Дед выдернул меня из тесной кучи людей и спросил, держа за голову:

— Ты чей таков будешь?

— Астраханский, из каюты...

— Чего он говорит? — обратился дед к матери и, не дождавсь ответа, отодвинул меня, сказав:

— Скулы-те отцовы... Слезайте в лодку!

Съехали на берег и толпой пошли в гору, по съезду¹, мощенному крупным булыжником, между двух высоких откосов, покрытых жухлой, примятой травой.

¹ Съезд — здесь: спуск к реке.

Иллюстрации к повести «Детство» —
художник Б.А. Дехтерев

Дед с матерью шли впереди всех. Он был ростом под руку ей, шагал мелко и быстро, а она, глядя на него сверху вниз, точно по воздуху плыла. За ними молча двигались дядя: черный гладковолосый Михаил, сухой, как дед; светлый и кудрявый Яков, какие-то толстые женщины в ярких платьях и человек шесть детей, все старше меня и все тихие. Я шел с бабушкой и маленькой теткой Натальей. Бледная, голубоглазая, с огромным животом, она часто останавливалась и, задыхаясь, шептала:

— Ой, не могу!

— Нашто они тревожили тебя? — сердито ворчала бабушка. — Эко неумное племя!

И взрослые и дети — все не понравились мне, я чувствовал себя чужим среди них, даже и бабушка как-то померкла, отдалась.

Особенно же не понравился мне дед; я сразу почуял в нем врага, и у меня явилось особенное внимание к нему, опасливое любопытство.

Дошли до конца съезда. На самом верху его, прислонясь к правому откосу и начиная собою улицу, стоял приземистый одноэтажный дом, окрашенный грязно-розовой краской, с нахлобученной низкой крышей и выпученными окнами. С улицы он показался мне большим, но внутри его, в маленьких полутемных комнатах, было тесно; везде, как на пароходе перед пристанью, сустились сердитые люди, стаяй вороватых воробьев метались ребятишки, и всюду стоял едкий, незнакомый запах.

Я очутился на дворе. Двор был тоже неприятный: весь завешан огромными мокрыми тряпками, заставлен чанами¹ с густой разноцветной водою. В ней тоже мокли тряпицы. В углу, в низенькой полуразрушенной пристройке, жарко горели дрова в печи, что-то кипело, булькало, и невидимый человек громко говорил странные слова:

— Сандал² — фуксин³ — купорос...

II

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пестрая, невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением⁴. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю,

¹ Чан — деревянная или металлическая бочка.

² Санда́л — здесь: название красителя, извлекаемого из древесины сандала.

³ Фу́ксин — красная краска.

⁴ Ге́ний — здесь: талантливый сказочник.

а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил, — да и по сей день живет, — простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие. Впоследствии из рассказов бабушки я узнал, что мать приехала как раз в те дни, когда ее братья настойчиво требовали у отца раздела имущества. Неожданное возвращение матери еще более обострило и усилило их желание выделиться¹. Они боялись, что моя мать потребует приданого, назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж «самокруткой», против его воли. Дядья считали, что это приданое должно быть поделено между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг с другом о том, кому открыть мастерскую в городе, кому — за Окой, в слободе Кунавине.

Уже вскоре после приезда, в кухне во время обеда, вспыхнула ссора: дядья внезапно вскочили на ноги и, перегибаясь через стол, стали выть и рычать на дедушку, жалобно скаля зубы и встряхиваясь, как собаки, а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко — петухом — закричал:

— По миру пушу!²

Болезненно искривив лицо, бабушка говорила:

— Отдай им все, отец, — спокойней тебе будет, отдай!

— Цыц, потатчица! — кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно.

Мать встала из-за стола и, не торопясь отойдя к окну, повернулась ко всем спиною.

Вдруг дядя Михаил ударил брата наотмашь по лицу; тот взвыл, сцепился с ним, и оба покатались по полу, хрипя, охая, ругаясь.

Заплакали дети; отчаянно закричала беременная тетка Наталья; моя мать потащила ее куда-то, взяв в охапку; веселая рябая нянька Евгенийя выгоняла из кухни детей; падали стулья; молодой широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину дяди Михаила, а мастер Григорий Иванович, плешивый, бородатый человек в темных очках, спокойно связывал руки дяди полотенцем.

¹ Вы́делиться — жить отдельно, самостоятельно.

² По ми́ру пушу! — заставлю жить подаяннем, сделаю нищим.

Вытянув шею, дядя терся редкой черной бородою по полу и хрипел страшно, а дедушка, бегая вокруг стола, жалобно вскрикивал:

— Братья, а! Родная кровь! Эх вы-и...

Я еще в начале ссоры, испугавшись, вскочил на печь и оттуда в жутком изумлении смотрел, как бабушка смывает водою из медного рукомойника кровь с разбитого лица дяди Якова; он плакал и топал ногами, а она говорила тяжелым голосом:

— Окаянные, дикое племя, опомнитесь!

Дед, натягивая на плечо изорванную рубаху, кричал ей:

— Что, ведьма, родила зверья?

Когда дядя Яков ушел, бабушка сунулась в угол, потрясая ще воя:

— Пресвятая Мати Божия, верни разум детям моим!

Дед встал боком к ней и, глядя на стол, где все было опрокинуто, пролито, тихо проговорил:

— Ты, мать, гляди за ними, а то они Варвару-то изведут, чего доброго...

— Полно, Бог с тобой! Сними-ка рубаху-то, я зашью...

И, сжав его голову ладонями, она поцеловала деда в лоб; он же, — маленький против нее, — ткнулся лицом в плечо ей:

— Надо, видно, делиться, мать...

— Надо, отец, надо!

Они говорили долго; сначала дружелюбно, а потом дед начал шаркать ногой по полу, как петух перед боем, грозил бабушке пальцем и громко шептал:

— Знаю я тебя, ты их больше любишь! А Мишка твой — езуит¹, а Яшка — фармазон²! И пропьют они добро мое, промотают...

Неловко повернувшись на печи, я свалил утюг; загремев по ступеням влаза³, он шлепнулся в лохань с помоями.

Дед впрыгнул на ступень, стащил меня и стал смотреть в лицо мне так, как будто видел меня впервые.

— Кто тебя посадил на печь? Мать?

— Я сам.

— Врешь.

— Нет, сам. Я испугался.

Он оттолкнул меня, легонько ударив ладонью в лоб.

— Весь в отца! Пошел вон...

Я был рад убежать из кухни.

Я хорошо видел, что дед следит за мною умными и зоркими зелеными глазами, и боялся его. Помню, мне всегда хотелось спрятаться от этих обжигающих глаз. Мне казалось, что дед злой; он со всеми говорит насмешливо, обидно, подзадоривая и стараясь рассердить всякого.

— Эх вы-и! — часто восклицал он; долгий звук «и-и» всегда вызывал у меня скучное, зябкое чувство.

В час отдыха, во время вечернего чая, когда он, дядя и работники приходили в кухню из мастерской, усталые, с руками, окра-

¹ Езуит (правильно: иезуит) — здесь: хитрый, изворотливый, жестокий.

² Фармазон (правильно: франкмасон) — здесь: безбожник, вольнодумец, нарушитель порядка.

³ Влаз — ступеньки, по которым взбираются на русскую печь.

шенными сандалом, обожженными купоросом, с повязанными тесемкой волосами, все похожие на темные иконы в углу кухни, — в этот опасный час дед садился против меня и, вызывая зависть других внуков, разговаривал со мною чаще, чем с ними. Весь он был складный, точеный, острый. Его атласный, шитый шелками, глухой жилет был стар, вытерт, ситцевая рубаша измята, на коленях штанов красовались большие заплатки, а все-таки он казался одетым и чище и красивей сыновей, носивших пиджаки, манишки и шелковые косынки на шеях.

Через несколько дней после приезда он заставил меня учить молитвы. Все другие дети были старше и уже учились грамоте у дьячка Успенской церкви; золотые главы ее были видны из окон дома.

Меня учила тихонькая, пугливая тетка Наталья, женщина с детским личиком и такими прозрачными глазами, что, мне казалось, сквозь них можно было видеть все сзади ее головы.

Я любил смотреть в глаза ей подолгу, не отрываясь, не мигая; она щурилась, вертела головою и просила тихонько, почти шепотом:

— Ну, говори, пожалуйста: «Отче наш, иже еси...»

И если я спрашивал: «Что такое — яко же?» — она, пугливо оглянувшись, советовала:

— Ты не спрашивай, это хуже! Просто говори за мною: «Отче наш»... Ну?

Меня беспокоило: почему спрашивать хуже? Слово «яко же» принимало скрытый смысл, и я нарочно всячески искажал его:

— «Яков же», «я в коже»...

Но бледная, словно тающая тетка терпеливо поправляла голосом, который все прерывался у нее:

— Нет, ты говори просто: «яко же»...

Но и сама она и все ее слова были не просты. Это раздражало меня, мешая запомнить молитву.

Однажды дед спросил:

— Ну, Олешка, чего сегодня делал? Играл! Вижу по желваку на лбу. Это не велика мудрость желвак нажить! А «Отче наш» заучил?

Тетка тихонько сказала:

— У него память плохая.

Дед усмехнулся, весело приподняв рыжие брови.

— А коли так, — высечь надо!

И снова спросил меня:

— Тебя отец сек?

Не понимая, о чем он говорит, я промолчал, а мать сказала:

— Нет, Максим не бил его, да и мне запретил.

— Это почему же?

— Говорил, битьем не выучишь.

— Дурак он был во всем, Максим этот, покойник, прости Господи! — сердито и четко проговорил дед.

Меня обидели его слова. Он заметил это.

— Ты что губы надул? Ишь ты...

И, погладив серебристо-рыжие волосы на голове, он прибавил:

— А я вот в субботу Сашку за наперсток пороть буду.

— Как это пороть? — спросил я.

Все засмеялись, а дед сказал:

— Погоди, увидишь...

Притаившись, я соображал: пороть — значит расшивать платья, отданные в краску, а сечь и бить — одно и то же, видимо. Бьют лошадей, собак, кошек; в Астрахани будочники бьют персиян, — это я видел. Но я никогда не видал, чтоб так били маленьких, и хотя здесь дядя щелкали своих то по лбу, то по затылку, — дети относились к этому равнодушно, только почесывая ушибленное место. Я не однажды спрашивал их:

— Больно?

И всегда они храбро отвечали:

— Нет, нисколько!

Шумную историю с наперстком я знал. Вечерами, от чая до ужина, дядя и мастер сшивали куски окрашенной материи в одну «штуку» и пристегивали к ней картонные ярлыки. Желая пошутить над полуслепым Григорием, дядя Михаил велел девятилетнему племяннику накаливать на огне свечи наперсток мастера. Саша зажал наперсток щипцами для снятия нагара со свеч, сильно накалил его и, незаметно подложив под руку Григория, спрятался за печку, но как раз в этот момент пришел дедушка, сел за работу и сам сунул палец в каленый наперсток.

Помню, когда я прибежал в кухню на шум, дед, схватившись за ухо обожженными пальцами, смешно прыгал и кричал:

— Чье дело, басурмане?

Дядя Михаил, согнувшись над столом, гонял наперсток пальцем и дул на него; мастер невозмутимо шил; тени прыга-

ли по его огромной лысине; прибежал дядя Яков и, спрятавшись за угол печи, тихонько смеялся там; бабушка терла на терке сырой картофель.

— Это Сашка Яковов устроил, — вдруг сказал дядя Михаил.

— Врешь! — крикнул Яков, выскочив из-за печи.

А где-то в углу его сын плакал и кричал:

— Папа, не верь. Он сам меня научил!

Дядья начали ругаться. Дед же сразу успокоился, приложил к пальцу тертый картофель и молча ушел, захватив с собою меня.

Все говорили — виноват дядя Михаил. Естественно, что за чаем я спросил — будут ли его сечь и пороть?

— Надо бы, — проворчал дед, искоса взглянув на меня.

Дядя Михаил, ударив по столу рукою, крикнул матери:

— Варвара, уйми своего щенка, а то я ему башку сверну!

Мать сказала:

— Попробуй, тронь...

И все замолчали.

Она умела говорить краткие слова как-то так, точно отталкивала ими людей от себя, отбрасывала их, и они умялись¹.

Мне было ясно, что все боятся матери; даже сам дедушка говорил с нею не так, как с другими, — тише. Это было приятно мне, и я с гордостью хвастался перед братьями:

— Моя мать — самая сильная!

Они не возражали.

Но то, что случилось в субботу, надорвало мое отношение к матери.

До субботы я тоже успел провиниться.

Меня очень занимало, как ловко взрослые изменяют цвета материй: берут желтую, мочат ее в черной воде, и материя делается густо-синей — «кубовой»; полощут серое в рыжей воде, и оно становится красноватым — «бордо». Просто, а — непонятно.

Мне захотелось самому окрасить что-нибудь, и я сказал об этом Саше Яковову, серьезному мальчику; он всегда держался на виду у взрослых, со всеми ласковый, готовый всем и всячески услужить. Взрослые хвалили его за послушание, за ум, но дедушка смотрел на Сашу искоса и говорил:

— Экой подхалим!

¹ Умяться — делаться незаметным, уменьшаться.

Худенький, темный, с выпученными, рачьими глазами, Саша Яковов говорил торопливо, тихо, захлебываясь словами, и всегда таинственно оглядывался, точно собираясь бежать куда-то, спрятавшись. Карие зрачки его были неподвижны, но, когда он возбуждался, дрожали вместе с белками.

Он был неприятен мне. Мне гораздо больше нравился мало-заметный увалень Саша Михайлов, мальчик тихий, с печальными глазами и хорошей улыбкой, очень похожий на свою кроткую мать. У него были некрасивые зубы; они высовывались изо рта и в верхней челюсти росли двумя рядами. Это очень занимало его; он постоянно держал во рту пальцы, раскачивая, пытаясь выдернуть зубы заднего ряда, и покорно позволял щупать их каждому, кто желал. Но ничего более интересного я не находил в нем. В доме, битком набитом людьми, он жил одиноко, любил сидеть в полутемных углах, а вечером у окна. С ним хорошо было молчать — сидеть у окна, тесно прижавшись к нему, и молчать целый час, глядя, как в красном вечернем небе вокруг золотых луковиц Успенского храма вьются-мечутся черные галки, взмывают высоко вверх, падают вниз и, вдруг покрыв угасающее небо черною сетью, исчезают куда-то, оставив за собою пустоту. Когда смотришь на это, говорить ни о чем не хочется, и приятная скука наполняет грудь.

А Саша дяди Якова мог обо всем говорить много и солидно, как взрослый. Узнав, что я желаю заняться ремеслом красильщика, он посоветовал мне взять из шкапа белую праздничную скатерть и окрасить ее в синий цвет.

— Белое всего легче красится, уж я знаю! — сказал он очень серьезно.

Я вытащил тяжелую скатерть, выбежал с нею на двор, но когда опустил край ее в чан с «кубовой», на меня налетел откуда-то Цыганок, вырвал скатерть и, отжимая ее широкими лапами, крикнул брату, следившему из сеней за моей работой:

— Зови бабушку скорее!

И, зловеще качая черной, лохматой головою, сказал мне:

— Ну, и попадет же тебе за это!

Прибежала бабушка, заохала, даже заплакала, смешно ругая меня:

— Ах ты, пермяк, солены уши! Чтоб те приподняло да шлепнуло!

Потом стала уговаривать Цыганка:

— Уж ты, Ваня, не сказывай дедушке-то! Уж я спрячу дело; авось обойдется как-нибудь...

Ванька озабоченно говорил, вытирая мокрые руки разноцветным передником:

— Мне что? Я не скажу; глядите, Сашутка не наябедничал бы!

— Я ему семишник¹ дам, — сказала бабушка, уводя меня в дом.

В субботу, перед всенощной², кто-то привел меня в кухню; там было темно и тихо. Помню плотно прикрытые двери в сени и в комнаты, а за окнами серую муть осеннего вечера, шорох дождя. Перед черным челом печи на широкой скамье сидел сердитый, не похожий на себя Цыганок; дедушка, стоя в углу у лохани, выбирал из ведра с водою длинные прутья, мерил их, складывал один с другим и со свистом размахивал ими по воздуху. Бабушка, стоя где-то в темноте, громко нюхала табак и ворчала:

— Ра-ад... мучитель...

Саша Яковов, сидя на стуле среди кухни, тер кулаками глаза и не своим голосом, точно старенький нищий, тянул:

— Простите Христа ради...

Как деревянные, стояли за стулом дети дяди Михаила, брат и сестра, плечом к плечу.

— Высеку — прощу, — сказал дедушка, пропуская длинный влажный прут сквозь кулак. — Ну-ка, снимай штаны-то!..

Говорил он спокойно, и ни звук его голоса, ни возня мальчика на скрипучем стуле, ни шарканье ног бабушки — ничто не нарушало памятной тишины в сумраке кухни, под низким закопченным потолком.

Саша встал, расстегнул штаны, спустил их до колен и, поддерживая руками, согнувшись, спотыкаясь, пошел к скамье. Смотреть, как он идет, было нехорошо, у меня тоже дрожали ноги. Но стало еще хуже, когда он покорно лег на скамью вниз лицом, а Ванька, привязав его к скамье под мышки и за шею широким полотенцем, наклонился над ним и схватил черными руками ноги его у щиколоток.

— Лексей, — позвал дед, — иди ближе!.. Ну, кому говорю?.. Вот гляди, как секут... Раз!..

¹ Семішник — так называли прежде двухкопеечную монету.

² Всенощная — вечерняя служба в церкви.

Невысоко взмахнув рукой, он хлопнул прутком по голому телу. Саша взвизгнул.

— Врешь, — сказал дед, — это не больно! А вот этак больней!

И ударил так, что на теле сразу загорелась, вспухла красная полоса, а брат протяжно завыл.

— Не сладко? — спрашивал дед, равномерно поднимая и опуская руку. — Не любишь? Это за наперсток!

Когда он взмахивал рукой, в груди у меня все поднималось вместе с нею; падала рука — и я весь точно падал.

Саша визжал страшно тонко, противно:

— Не буду-у... Ведь я же сказал про скатерть... Ведь я сказал... Спокойно, точно Псалтырь читая¹, дед говорил:
— Донос — не оправданье! Доносчику первый кнут. Вот тебе за скатерть!

Бабушка кинулась ко мне и схватила меня на руки, закричав:

— Лексея не дам! Не дам, изверг!
Она стала бить ногою в дверь, призывая:
— Варя, Варвара!..

Дед бросился к ней, сшиб ее с ног, выхватил меня и понес к лавке. Я бился в руках у него, дергал рыжую бороду, укусил ему палец. Он орал, тискал меня и наконец бросил на лавку, разбив мне лицо. Помню дикий его крик:

— Привязывай! Убью!..

Помню белое лицо матери и ее огромные глаза. Она бегала вдоль лавки и хрипела:

— Папаша, не надо!.. Отдайте...

Дед засек меня до потери сознания, и несколько дней я хворал, валяясь вверх спиной на широкой жаркой постели в маленькой комнате с одним окном и красной неугасимой лампадой в углу пред киотом² со множеством икон.

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой.

Прежде всего меня очень поразила ссора бабушки с матерью: в тесноте комнаты бабушка, черная и большая, лезла на мать, заталкивая ее в угол, к образам, и шипела:

— Ты что не отняла его, а?
— Испугалась я.
— Эдакая-то здоровенная! Стыдись, Варвара! Я — старуха, да не боюсь! Стыдись!..
— Отстаньте, мамаша: тошно мне...
— Нет, не любишь ты его, не жаль тебе сироту!
Мать сказала тяжело и громко:

¹ Точно Псалтырь читая — читая монотонно.

² Киот — место для икон в углу комнаты.

— Я сама на всю жизнь сирота!

Потом они обе долго плакали, сидя в углу на сундуке, и мать говорила:

— Если бы не Алексей, ушла бы я, уехала! Не могу жить в аду этом, не могу, мамаша! Сил нет...

— Кровь ты моя, сердце мое, — шептала бабушка.

Я запомнил: мать — не сильная; она, как все, боится деда. Я мешаю ей уйти из дома, где она не может жить. Это было очень грустно. Вскоре мать действительно исчезла из дома. Уехала куда-то гостить.

Как-то вдруг, точно с потолка спрыгнув, явился дедушка, сел на кровать, пощупал мне голову холодной, как лед, рукою:

— Здравствуй, сударь... Да ты ответь, не сердись!.. Ну, что ли?..

Очень хотелось ударить его ногой, но было больно пошевелиться. Он казался еще более рыжим, чем был раньше; голова его беспокойно качалась; яркие глаза искали чего-то на стене. Вынув из кармана пряничного козла, два сахарных рожка, яблоко и ветку синего изюма, он положил все это на подушку, к носу моему.

— Вот, видишь, я тебе гостинца принес!

Нагнувшись, поцеловал меня в лоб; потом заговорил, тихо поглаживая голову мою маленькой, жесткой рукой, окрашенной в желтый цвет, особенно заметный на кривых, птичьих ногтях.

— Я тебя тогда перетово, брат. Разгорячился очень; укусил ты меня, царапал, ну, и я тоже рассердился! Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, — в зачет пойдет! Ты знай: когда свой, родной бьет, — это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего! Ты думаешь, меня не били? Меня, Олеша, так били, что ты этого и в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, поди-ка, сам Господь Бог глядел — плакал! А что вышло? Сирота, нищей матери сын, я вот дошел до своего места, — старшиной цеховым сделан, начальник людям.

Привалившись ко мне сухим, складным телом, он стал рассказывать о детских своих днях словами крепкими и тяжелыми, складывая их одно с другим легко и ловко.

Его зеленые глаза ярко разгорелись, и, весело ошестинившись золотым волосом, сгустив высокий свой голос, он трубил в лицо мне:

— Ты вот пароходом прибыл, пар тебя вез, а я в молодости сам, своей силой супротив Волги баржи тянул. Баржа — по во-

де, я — по бережку, бос, по острому камню, по осыпям, да так от восхода солнца до ночи! Накалит солнышко затылок-то, голова, как чугунок, кипит, а ты, согнувшись в три погибели, — косточки скрипят, — идешь да идешь, и пути не видать, глаза потом залило, а душа-то плачется, а слеза-то катится, — эхма, Олеша, помалкивай! Идешь, идешь, да из лямки-то и вывалишься, мордой в землю — и тому рад; стало быть, вся сила чисто вышла, хоть отдыхай, хоть издыхай! Вот как жили у Бога на глазах, у милостивого Господа Иисуса Христа!.. Да так-то я трижды Волгу-мать вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова, да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, — в этом многие тысячи верст! А на четвертый год уж и водоливом пошел¹, — показал хозяину разум свой!..

Говорил он и — быстро, как облако, рос предо мною, превращаясь из маленького, сухого старичка в человека силы сказочной, — он один ведет против реки огромную серую баржу...

Иногда он соскакивал с постели и, размахивая руками, показывал мне, как ходят бурлаки в лямках, как откачивают воду; пел баском какие-то песни, потом снова молодо прыгал на кровати и, весь удивительный, еще более густо, крепко говорил:

— Ну, зато, Олеша, на привале, на отдыхе, летним вечером, в Жигулях, где-нибудь, под зеленой горой поразложим, бывало, костры — кашницу варить, да как заведет горевой бурлак сердечную песню, да как вступится, грянет вся артель, аж мороз по коже дернет, и будто Волга вся быстрее пойдет, — так бы, чай, конем и встала на дыбы, до самых облаков! И всякое горе — как пыль по ветру; до того люди запевались, что, бывало, и каша вон из котла бежит; тут кашевара по лбу половником надо бить: играй как хошь, а дело помни!

Несколько раз в дверь заглядывали, звали его, но я просил:

— Не уходи!

Он, усмехаясь, отмахивался от людей:

— Погодите там...

Рассказывал он вплоть до вечера, и, когда ушел, ласково простясь со мной, я знал, что дедушка не злой и не страшен. Мне до слез трудно было вспоминать, что это он так жестоко избил меня, но и забыть об этом я не мог.

Посещение деда широко открыло дверь для всех, и с утра до

¹ *Водоливом пошел* — стал старшиной в артели бурлаков.

вечера кто-нибудь сидел у постели, всячески стараясь позабавить меня, помню, что это не всегда было весело и забавно. Чаще других бывала у меня бабушка; она и спала на одной кровати со мной; но самое яркое впечатление этих дней дал мне Цыганок. Квадратный, широкогрудый, с огромной кудрявой головой, он явился под вечер, празднично одетый в золотистую шелковую рубаху, плисовые¹ штаны и скрипучие сапоги гармоникой. Блестели его волосы, сверкали раскосые веселые глаза под густыми бровями и белые зубы под черной полоской молодых усов, горела рубаха, мягко отражая красный огонь неугасимой лампы.

— Ты глянь-ка, — сказал он, приподняв рукав, показывая мне голую руку, до локтя в красных рубцах, — вон как разнесло! Да еще хуже было, зажило много! Чуешь ли: как вошел дед в ярость, и вижу, заперет он тебя, так начал я руку эту подставлять, ждал — переломится прут, дедушка-то отойдет за другим, а тебя и утащит бабана али мать! Ну, прут не переломился, гибок, моченый! А все-таки тебе меньше попало, — видишь, насколько? Я, брат, жуликоватый!..

Он засмеялся шелковым, ласковым смехом, снова разглядывая вспухшую руку, и, смеясь, говорил:

— Так жаль стало мне тебя, аж горло перехватывает, чую! Беда! А он хлещет...

Фыркая по-лошадиному, мотая головой, он стал говорить что-то про деда, сразу близкий мне, детски простой.

Я сказал ему, что очень люблю его, — он незабвенно-просто ответил:

— Так ведь и я тебя тоже люблю, — за то и боль принял, за любовь! Али я стал бы за другого за кого! Наплевать мне...

Потом он учил меня тихонько, часто оглядываясь на дверь:

— Когда тебя вдругорядь сечь будут, ты гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, — чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтоб оно мягко было, — киселем лежи! И не надувайся, дыши вовсю, кричи благим матом, — ты это помни, это хорошо!

Я спросил:

— Разве еще сечь будут?

— А как же? — спокойно сказал Цыганок. — Конечно, будут! Тебя, поди-ка, часто будут драть...

¹ *Плисовые* — из хлопчатобумажного бархата.

— За что?

— Уж дедушка сыщет...

И снова озабоченно стал учить:

— Коли он сечет с навеса, просто сверху кладет лозу, — ну, тут лежи спокойно, мягко; а ежели он с оттяжкой сечет, — ударит да к себе потянет лозину, чтобы кожу снять, — так и ты виляй телом к нему, за лозой, понимаешь? Это легче!

Подмигнув темным, косым глазом, он сказал:

— Я в этом деле умнее самого квартального¹! У меня, брат, из кожи хоть голицы² шей!

Я смотрел на его веселое лицо и вспоминал бабушкины сказки про Ивана-царевича, про Иванушку-дурачка.

III

Когда я выздоровел, мне стало ясно, что Цыганок занимает в доме особенное место; дедушка кричал на него не так часто и сердито, как на сыновей, а за глаза говорил о нем, жмурясь и покачивая головою:

— Золотые руки у Иванка, дуй его горой! Помяните мое слово: не мал человек растет!

Дядя тоже обращались с Цыганком ласково, дружески и никогда не «шутили» с ним, как с мастером Григорием, которому они почти каждый вечер устраивали что-нибудь обидное и злое: то нагреют на огне ручки ножниц, то воткнут в сиденье его стула гвоздь вверх острием или подложат, полуслепому, разноцветные куски материи, — он сошьет их в одну «штуку», а дедушка ругает его за это.

Однажды, когда он спал после обеда в кухне на полатах, ему накрасили лицо фуксином, и долго он ходил смешной, страшный: из серой бороды тускло смотрят два круглых пятна очков, и уныло опускается длинный багровый нос, похожий на язык.

Они были неистощимы в таких выдумках, но мастер все сносил молча, только кричал тихонько да прежде, чем дотронуться до утюга, ножниц, щипцов или наперстка, обильно смачивал пальцы слюною. Это стало его привычкой; даже за обедом, перед тем как взять нож или вилку, он мусолил пальцы,

¹ *Квартальный* — полицейский, под надзором которого находилась часть города (квартал).

² *Голицы* — рукавицы из грубой кожи и без подкладки.

возбуждая смех детей. Когда ему было больно, на его большом лице являлась волна морщин и, странно скользнув по лбу, приподняв брови, пропадала где-то на голом черепе.

Не помню, как относился дед к этим забавам сыновей, но бабушка грозила им кулаком и кричала:

— Бесстыжие рожи, злыдни!

Но и о Цыганке за глаза дядя говорили сердито, насмешливо, порицали его работу, ругали вором и лентяем.

Я спросил бабушку, отчего это.

Охотно и понятно, как всегда, она объяснила мне.

— А видишь ты, обоим хочется Ванюшку себе взять, когда у них свои-то мастерские будут, вот они друг перед другом и хают его: дескать, плохой работник! Это они врут, хитрят. А еще боятся, что не пойдет к ним Ванюшка, останется с дедом, а дед — своенравный, он и третью мастерскую с Иванкой завести может, — дядьям-то это невыгодно будет, понял?

Она тихонько засмеялась:

— Хитрят всё, Богу на смех! Ну, а дедушка хитрости эти видит да нарочно дразнит Яшу с Мишей: «Куплю, — говорит, — Ивану рекрутскую квитанцию¹, чтобы его в солдаты не забрали: мне он самому нужен!» А они сердятся, им этого не хочется, и денег жаль, — квитанция-то дорогая!

Теперь я снова жил с бабушкой, как на пароходе, и каждый вечер перед сном она рассказывала мне сказки или свою жизнь, тоже подобную сказке. А про деловую жизнь семьи — о выделе детей, о покупке дедом нового дома для себя — она говорила посмеиваясь, отчужденно, как-то издали, точно соседка, а не вторая в доме по старшинству.

Я узнал от нее, что Цыганок — подкидыш; раннею весной, в дождливую ночь, его нашли у ворот дома на лавке.

— Лежит, в запон² обернут, — задумчиво и таинственно сказывала бабушка, — еле попискивает, зачоченел уж.

— А зачем подкидывают детей?

— Молока у матери нет, кормить нечем; вот она узнает, где недавно дитя родилось да померло, и подсунет туда своего-то.

Помолчав, почесавши голову, она продолжала, вздыхая, глядя в потолок:

¹ *Рекрутская квитанция* — документ, освобождающий от военной службы.

² *Запон* — фартук, передник.

— Бедность все, Олеша; такая бывает бедность, что и говорить нельзя!.. Дедушка хотел было Ванюшку-то в полицию нести, да я отговорила: возьмем, мол, себе; это Бог нам послал в тех место¹, которые померли. Ведь у меня восемнадцать было рожено; кабы все жили, — целая улица народу, восемнадцать-то домов!..

Сидя на краю постели в одной рубаше, вся осыпанная черными волосами, огромная и лохматая, она была похожа на медведицу, которую недавно приводил на двор бородатый лесной мужик из Сергача. Крестья снежно-белую, чистую грудь, она тихонько смеется, колышется вся:

— ...Очень я обрадовалась Иванке, — уж больно люблю вас, маленьких! Ну, и приняли его, окрестили, вот он и живет хорош. Я его вначале Жуком звала, — он, бывало, ужжал особенно, — совсем жук, ползет и ужжит на все горницы. Люби его, — он простая душа!

Я и любил Ивана и удивлялся ему до немоты.

По субботам, когда дед, перепоров детей, нагрешивших за неделю, уходил ко всенощной, в кухне начиналась неопишимо забавная жизнь: Цыганок доставал из-за печи черных тараканов, быстро делал нитяную упряжь, вырезывал из бумаги сани, и по желтому, чисто выскобленному столу разъезжала четверка вороных, а Иван, направляя их бег тонкой лучиной, возбужденно визжал:

— За архереем² поехали!

Приклеивал на спину таракана маленькую бумажку, гнал его за санями и объяснял:

— Мешок забыли. Монах бежит, тащит!

Связывал ножки таракана ниткой; насекомое ползло, тыкаясь головой, а Ванька кричал, прихлопывая ладонями:

— Дьячок из кабака к вечерней идет!

Он показывал мышат, которые под его команду стояли и ходили на задних лапах, волоча за собой длинные хвосты, смешно мигая черненькими бусинами бойких глаз. С мышами он обращался бережно, носил их за пазухой, кормил изо рта сахаром, целовал и говорил убедительно:

¹ В тех место — вместо тех.

² Архерей (правильно: архиерей) — высший церковный чин.

— Мышь — умный житель, ласковый, ее домовый очень любит! Кто мышей кормит, тому и дед-домовик¹ мирволит²...

Он умел делать фокусы с картами, деньгами, кричал больше всех детей и почти ничем не отличался от них. Однажды дети, играя с ним в карты, оставили его «дураком» несколько раз кряду, — он очень опечалился, обиженно надул губы и бросил игру, а потом жаловался мне, шмыгая носом:

— Знаю я, они уговорились! Они перемигивались, карты совали друг другу под столом. Разве это игра? Жульничать я сам умею не хуже...

Ему было девятнадцать лет, и был он больше всех нас четверых, взятых вместе.

Но особенно он памятен мне в праздничные вечера; когда дед и дядя Михаил уходили в гости, в кухне являлся кудрявый, встрепанный дядя Яков с гитарой, бабушка устраивала чай с обильной закуской и водкой в зеленом штофе с красными цветами, искусно вылитыми из стекла на дне его; волчком вертелся празднично одетый Цыганок; тихо, боком приходил мастер, сверкая темными стеклами очков; нянька Евгений, рябая, краснорожая и толстая, точно кубышка, с хитрыми глазами и трубным голосом; иногда присутствовали волосатый усенский дьячок и еще какие-то темные, скользкие люди, похожие на щук и налимов.

Все много пили, ели, вздыхая тяжело, детям давали гостинцы, по рюмке сладкой наливки, и постепенно разгоралось жаркое, но странное веселье.

Дядя Яков любовно настраивал гитару, а настроив — говорил всегда одни и те же слова:

— Ну-с, я начну-с!

Встряхнув кудрями, он сгибался над гитарой, вытягивал шею, точно гусь; круглое, беззаботное лицо его становилось сонным; живые, неуловимые глаза угасали в масляном тумане, и, тихонько пощипывая струны, он играл что-то размычное³, невольно поднимавшее на ноги.

¹ Дед-домовик — домовый, по народному поверью, сказочное существо, живущее в каждом доме.

² Мирволить — помогать, оберегать.

³ Размычное — грустное, печальное, трогательное.

Его музыка требовала напряженной тишины; торопливым ручьем она бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное. Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого, большие казались тоже маленькими, и все сидели неподвижно, притаясь в задумчивом молчании.

Особенно напряженно слушал Саша Михайлов; он все вытягивался в сторону дяди, смотрел на гитару, открыв рот, и через губу у него тянулась слюна. Иногда он забывался до того, что падал со стула, тыкаясь руками в пол, и, если это случалось, он так уж и сидел на полу, вытаращив застывшие глаза.

И все застывали, очарованные; только самовар тихо поет, не мешая слушать жалобу гитары. Два квадрата маленьких окон устремлены во тьму осенней ночи, порою кто-то мягко постукивает в них. На столе качаются желтые огни двух сальных свеч, острые, точно копыя...

Цыганок слушал музыку с тем же вниманием, как все, запустив пальцы в свои черные космы, глядя в угол и посапывая. Иногда он неожиданно и жалобно восклицал:

— Эх, кабы голос мне, — пел бы я как, Господи!

Бабушка, вздыхая, говорила:

— Будет тебе, Яша, сердце надрывать! А ты бы, Ванятка, поплясал...

Они не всегда исполняли просьбу ее сразу, но бывало, что музыкант вдруг на секунду прижимал струны ладонью, а потом, сжав кулак, с силою отбрасывал от себя на пол что-то невидимое, беззвучно и ухарски кричал:

— Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!

Охорашиваясь, одергивая желтую рубаху, Цыганок осторожно, точно по гвоздям шагая, выходил на середину кухни; его смуглые щеки краснели, и, сконфуженно улыбаясь, он просил:

— Только почаше, Яков Васильич!

Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкапу дребезжала посуда, а среди кухни огнем пылал Цыганок, реял коршуном, размахнув руки, точно крылья, незаметно передвигая ноги; гикнув, приседал на пол и метался золотым стрижом, освещая все вокруг блеском шелка, а шелк, содрогаясь и струясь, словно горел и плавился.

Цыганок плясал неумоимо, самозабвенно, и казалось, что, если открыть дверь на волю, он так и пойдет плясом по улице, по городу, неизвестно куда...

— Режь поперек! — кричал дядя Яков, притопывая.

И пронзительно свистел и раздражающим голосом выкрикивал прибаутки:

Эхма! Кабы не было мне жалко лаптей,
Убежал бы от жены и от детей!

Людей за столом подергивало, они тоже порою вскрикивали, подвизгивали, точно их обжигало; бородатый мастер хлопал себя по лысине и урчал что-то. Однажды он, наклонясь ко мне и покрыв мягкой бородою плечо мое, сказал прямо в ухо, обращаясь, словно к взрослому:

— Отца бы твоего, Лексей Максимыч, сюда, — он бы другой огонь зажег! Радостный был муж, утешный. Ты его помнишь ли?

— Нет.

— Ну? Бывало, он да бабушка, — стой-ко, погоди!

Он поднялся на ноги, высокий, изможденный, похожий на образ святого, поклонился бабушке и стал просить ее необычно густым голосом:

— Акулина Ивановна, сделай милость, пройдишь разок! Как, бывало, с Максимом Савватеевым хаживала. Утешь!

— Что ты, свет, что ты, сударь, Григорий Иванович? — посмеиваясь и поеживаясь, говорила бабушка. — Куда уж мне плясать! Людей смешить только...

Но все стали просить ее, и вдруг она молодо встала, оправила юбку, выпрямилась, вскинув тяжелую голову, и пошла по кухне, вскрикивая:

— А смейтесь, ино, на здоровье! Ну-ка, Яша, перетряхни музыку-то!

Дядя весь вскинулся, вытянулся, прикрыл глаза и заиграл медленнее; Цыганок на минуту остановился и, подскочив, пошел вприсядку кругом бабушки, а она плыла по полу бесшумно, как по воздуху, разводя руками, поднимая брови, глядя куда-то вдаль темными глазами. Мне она показалась смешной, я фыркнул; мастер строго погрозил мне пальцем, и все взрослые посмотрели в мою сторону неодобрительно.

— Не стучи, Иван! — сказал мастер, усмехаясь; Цыганок послушно отскочил в сторону, сел на порог, а нянька Евгений, выгнув кадык, запела низким, приятным голосом:

Всю неделю, до субботы,
Плела девка кружева,
Истомилася работой, —
Эх, просто чуть жива!

Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то. Вот она идет тихонько, задумавшись, покачиваясь, поглядывая вокруг из-под руки, и все ее большое тело колеблется нерешительно, ноги щупают дорогу осторожно. Остановилась, вдруг испугавшись чего-то, лицо дрогнуло, нахмурилось и тотчас засияло доброй, приветливой улыбкой. Откачнулась в сторону, уступая кому-то дорогу, отводя рукой кого-то; опустил голову, замерла, прислушиваясь, улыбаясь все веселее, — и вдруг ее сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз отвести от нее — так буйно красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!

А нянька Евгений гудела, как труба:

В воскресенье от обедни
До полуночи плясала.
Ушла с улицы последней,
Жаль, — праздника мало!

Кончив плясать, бабушка села на свое место к самовару; все хвалили ее, а она, поправляя волосы, говорила:

— А вы полноте-ка! Не видали вы настоящих-то плясуний. А вот у нас в Балахне была девка одна, — уж и не помню чья, как звали, — так иные, глядя на ее пляску, даже плакали в радости! Глядишь, бывало, на нее, — вот тебе и праздник, и боле ничего не надо! Завидовала я ей, грешница!..

Моя дружба с Иваном все росла; бабушка от восхода солнца до поздней ночи была занята работой по дому, и я почти весь день вертелся около Цыганка. Он все так же подставлял под розги руку свою, когда дедушка сек меня, а на другой день, показывая опухшие пальцы, жаловался мне:

— Нет, это все без толку! Тебе — не легче, а мне — гляди-ка вот! Больше я не стану, ну тебя!

И в следующий раз снова принимал ненужную боль.

— Ты ведь не хотел?

— Не хотел, да вот сунул... Так уж, как-то, незаметно...

Вскоре он погиб...

IV

...Однажды... дед, распахнув дверь в комнату, сильным голосом сказал:

— Ну, мать, посетил нас Господь, — горим!

— Да что ты! — крикнула бабушка, вскинувшись с пола, и оба, тяжело топая, бросились в темноту большой парадной комнаты.

— Евгенья, снимай иконы! Наталья, одевай ребят! — строго, крепким голосом командовала бабушка, а дед тихонько выл:

— И-и-ы...

Я выбежал в кухню; окно на двор сверкало, точно золотое; по полу текли-скользили желтые пятна; босой дядя Яков, обувая сапоги, прыгал на них, точно ему жгло подошвы, и кричал:

— Это Мишка поджег, поджег да ушел, ага!

— Цыц, пес, — сказала бабушка, толкнув его к двери так, что он едва не упал.

Сквозь иней на стеклах было видно, как горит крыша мастерской, а за открытой дверью ее вихрится кудрявый огонь. В тихой ночи красные цветы его цвели бездымно; лишь очень высоко над ними колебалось темноватое облако, не мешая видеть серебряный поток Млечного Пути. Багрово светился снег, и стены построек дрожали, качались, как будто стремясь в жаркий угол двора, где весело играл огонь, заливая красным широкие щели в стене мастерской, высовываясь из них раскаленными кривыми гвоздями. По темным доскам сухой крыши, быстро опутывая ее, извивались золотые, красные ленты; среди них крикливо торчала и курилась дымом гончарная тонкая труба; тихий треск, шелковый шелест бился в стекла окна; огонь все разрастался; мастерская, изукрашенная им, становилась похожа на иконостас в церкви и непобедимо выманивала ближе к себе.

Накинув на голову тяжелый полушубок, сунув ноги в чьи-то сапоги, я выволокся в сени, на крыльцо и обомлел, ослепленный яркой игрой огня, оглушенный криком деда, Григория,

дяди, треском пожара, испуганный поведением бабушки: накинув на голову пустой мешок, обернувшись попойкой, она бежала прямо в огонь и сунулась в него, вскрикивая:

— Купорос, дураки! Взорвется купорос...

— Григорий, держи ее! — выл дедушка. — Ой, пропала...

Но бабушка уже вынырнула, вся дымясь, мотая головой, согнувшись, неся на вытянутых руках ведерную бутылку купоросного масла.

— Отец, лошадь выведи! — хрипя, кашляя, кричала она. — Снимите с плеч-то, — горю, али не видно!..

Григорий сорвал с плеч ее тлевшую попону и, переламываясь пополам, стал метать лопатой в дверь мастерской большие комья снега; дядя прыгал около него с топором в руках; дед бежал около бабушки, бросая в нее снегом; она сунула бутылку в сугроб, бросилась к воротам, отворила их и, кланяясь вбежавшим людям, говорила:

— Амбар, соседи, отстаивайте! Перекинется огонь на амбар, на сеновал, — наше все дотла сгорит и ваше займется! Рубите крышу, сено — в сад! Григорий, сверху бросай, что ты на землю мечешь! Яков, не суетись, давай топоры людям, лопаты! Батюшки-соседи, беритесь дружнее, — Бог вам на помощь.

Она была так же интересна, как и пожар: освещаемая огнем, который словно ловил ее, черную, она металась по двору, всюду поспевая, всем распоряжаясь, все видя.

На двор выбежал Шарап, вскидываясь на дыбы, подбрасывая деда; огонь ударил в его большие глаза, они красно сверкнули; лошадь захрапела, уперлась передними ногами; дедушка выпустил повод из рук и отпрыгнул, крикнув:

— Мать, держи!

Она бросилась под ноги взвившегося коня, встала перед ним крестом; конь жалобно заржал, потянулся к ней, косясь на пламя.

— А ты не бойся! — басом сказала бабушка, похлопывая его по шее и взяв повод. — Али я тебя оставляю в страхе этом? Ох ты, мышонок...

Мышонок, втрое больше ее, покорно шел за нею к воротам и фыркал, оглядывая красное ее лицо.

Нянька Евгенья вывела из дома закутанных, глухо мычавших детей и закричала:

— Василий Васильич, Лексея нет...

— Пошла, пошла! — ответил дедушка, махая рукой, а я спрятался под ступени крыльца, чтобы нянька не увела и меня.

Крыша мастерской уже провалилась; торчали в небо тонкие жерди стропил, курясь дымом, сверкая золотом углей; внутри постройки с воем и треском взрывались зеленые, синие, красные вихри, пламя снопами выкидывалось на двор, на людей, толпившихся пред огромным костром, кидая в него снег лопатами. В огне яростно кипели котлы, густым облаком поднимался пар и

дым, странные запахи носились по двору, выжимая слезы из глаз; я выбрался из-под крыльца и попал под ноги бабушке.

— Уйди! — крикнула она. — Задавят, уйди...

На двор ворвался верховой в медной шапке с гребнем. Рыжая лошадь брызгала пеной, а он, высоко подняв руку с плеткой, орал, грозя:

— Раздайсь!

Весело и торопливо звенели колокольчики, все было празднично красиво. Бабушка толкнула меня на крыльцо:

— Я кому говорю? Уйди!

Нельзя было не послушать ее в этот час. Я ушел в кухню, снова прильнул к стеклу окна, но за темной кучей людей уже не видно огня, — только медные шлемы сверкают среди зимних черных шапок и картузов.

Огонь быстро придавили к земле, залили, затоптали, полиция разогнала народ, и в кухню вошла бабушка.

— Это кто? Ты-и? Не спишь, боишься? Не бойся, все уж кончилось...

Села рядом со мною и замолчала, покачиваясь. Было хорошо, что снова воротилась тихая ночь, темнота; но и огня было жалко.

Дед вошел, остановился у порога и спросил:

— Мать?

— Ой?

— Обожглась?

— Ничего.

Он зажег серную спичку, осветив синим огнем свое лицо хоряка, измазанное сажей, высмотрел свечу на столе и, не торопясь, сел рядом с бабушкой.

— Умылся бы, — сказала она, — тоже вся в саже, пропахшая едким дымом.

Дед вздохнул:

— Милостив Господь бывает до тебя, большой тебе разум дает...

И, погладив ее по плечу, добавил, оскалив зубы:

— На краткое время, на час, а дает!..

Бабушка тоже усмехнулась, хотела что-то сказать, но дед нахмурился.

— Григория рассчитать надо, — это его недосмотр! Отработал мужик, отжил! На крыльце Яшка сидит, плачет, дурак... Пошла бы ты к нему...

Она встала и ушла, держа руку перед лицом, дуя на пальцы, а дед, не глядя на меня, тихо спросил:

— Весь пожар видел, с начала? Бабушка-то как, а? Старуха ведь... Бита, ломана... То-то же! Эх, вы-и...

V

К весне дядья разделились; Яков остался в городе, Михаил уехал за реку, а дед купил себе большой интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой уютной комнаткой на чердаке и садом, который опускался в овраг, густо ошестинившийся голыми прутьями ивняка.

— Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, когда, осматривая сад, я шел с ним по мягким, протаявшим дорожкам. — Вот я тебя скоро грамоте начну учить, так они годятся...

Помню, был тихий вечер; мы с бабушкой пили чай в комнате деда; он был нездоров, сидел на постели без рубахи, накрыв плечи длинным полотенцем, и, ежеминутно отирая обильный пот, дышал часто, хрипло. Зеленые глаза его помутнели, лицо опухло, побагровело, особенно багровы были маленькие острые уши. Когда он протягивал руку за чашкой чая, рука жалобно тряслась. Был он кроток и не похож на себя...

В саду, вокруг берез, гудя, летали жуки, бондарь¹ работал на соседнем дворе, где-то близко точили ножи; за садом, в овраге, шумно возились ребяташки, путаясь среди густых кустов. Очень манило на волю, вечерняя грусть вливалась в сердце.

Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня.

— Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди!² Это — что?

— Буки.

— Попал! Это?

— Веди.

— Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть³, — что это?

— Добро.

— Попал! Это?

¹ Бондарь — мастер, специалист по изготовлению бочек.

² Аз, буки, ве́ди — по старинной азбуке названия букв а, б, в.

³ Глаголь, добро, есть — названия букв г, д, е.

— Глаголь.

— Верно! А это?

— Аз.

Вступилась бабушка.

— Лежал бы ты, отец, смирно...

— Стой, молчи! Это мне впору, а то меня мысли одолевают. Валяй, Лексей!

Он обнял меня за шею горячей, влажной рукою и через плечо мое тыкал пальцем в буквы, держа книжку под носом

моим. От него жарко пахло уксусом, потом и печеным луком, я почти задохнулся, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

— Земля! Люди!¹

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» — на бабушку со мною, а в дедушке было что-то общее со всеми буквами азбуки. Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку; он заразил меня своей горячей яростью, я тоже вспотел и кричал во все горло. Это смешило его; хватаясь за грудь, кашляя, он мял книгу и хрипел:

— Мать, ты гляди, как взвился, а? Ах лихорадка астраханская, чего ты орешь, чего?

— Это вы кричите...

Мне весело было смотреть на него и на бабушку: она, облокотясь о стол, упираясь кулаком в щеки, смотрела на нас и негромко смеялась, говоря:

— Да будет вам надрываться-то!

Дед объяснил мне дружески:

— Я кричу, потому что я нездоровый, а ты чего?

И говорил бабушке, встряхивая мокрой головою:

— А неверно поняла покойница Наталья, что памяти у него нету; память, слава Богу, лошадиная! Вали дальше, курнос!

Наконец он шутливо столкнул меня с кровати.

— Будет! Держи книжку. Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак...

Грамота давалась мне легко, дедушка смотрел на меня все внимательнее и все реже сек, хотя, по моим соображениям, сечь меня следовало чаще прежнего: становясь взрослее и бойчей, я гораздо чаще стал нарушать дедовы правила и наказания, а он только ругался да замахивался на меня.

Мне подумалось, что, пожалуй, раньше-то он меня напрасно бил, и я однажды сказал ему это.

Легким толчком в подбородок он приподнял голову мою и, мигая, протянул:

— Чего-о?

И дробно засмеялся, говоря:

¹ Земля, люди — буквы з, л.

— Ах ты, еретик!¹ Да как ты можешь сосчитать, сколько тебя сечь надобно? Кто может знать это, кроме меня? Сгинь, пошел!

Но тотчас же схватил меня за плечо и снова, заглянув в глаза, спросил:

— Хитер ты али простодушен, а?

— Не знаю...

— Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: будь хитер, это лучше, а простодушность — та же глупость, понял? Баран простодушен. Запомни! Айда, гуляй...

VII

...Меня не пускали гулять на улицу, потому что она слишком возбуждала меня, я точно хмелел от ее впечатлений и почти всегда становился виновником скандалов и буйств...

Меня и не тянула улица, если на ней было тихо, но когда я слышал веселый ребячий гам, то убегал со двора, не глядя на дедов запрет. Синяки и ссадины не обижали, но неизменно возмущала жестокость уличных забав — жестокость, слишком знакомая мне, доводившая до бешенства. Я не мог терпеть, когда ребята стравливали собак или петухов, истязали кошек, гоняли еврейских коз, издевались над пьяными нищими и блаженным Игошей Смерть в Кармане...

Другим и, может быть, еще более тяжким впечатлением улицы был мастер Григорий Иванович. Он совсем ослеп и ходил по миру, высокий, благообразный, немой. Его водила под руку маленькая серая старушка; останавливаясь под окнами, она писклявым голосом тянула, всегда глядя куда-то вбок:

— Подайте, Христа ради, слепому, убогому...

А Григорий Иванович молчал. Черные очки его смотрели прямо в стену дома, в окно, в лицо встречного; насквозь прокрашенная рука тихонько поглаживала широкую бороду, губы его были плотно сжаты. Я часто видел его, но никогда не слышал ни звука из этих сомкнутых уст, и молчание старика мучительно давило меня. Я не мог подойти к нему, никогда не подходил, а напротив, завидя его, бежал домой и говорил бабушке:

— Григорий ходит по улице!

— Ну? — беспокойно и жалостно восклицала она. — На-ко, беги, подай ему!

¹ Еретик — здесь: несогласный.

Я отказывался грубо и сердито. Тогда она сама шла за ворота и долго разговаривала с ним, стоя на тротуаре. Он усмехался, тряс бородой, но сам говорил мало, односложно.

Иногда бабушка, зазвав его в кухню, поила чаем, кормила. Как-то раз он спросил: где я? Бабушка позвала меня, но я убежал и спрятался в дровах. Не мог я подойти к нему, — было нестерпимо стыдно перед ним, и я знал, что бабушке — тоже стыдно. Только однажды говорили мы с нею о Григории: проводив его за ворота, она шла тихонько по двору и плакала, опустив голову. Я подошел к ней, взял ее руку.

— Ты что же бегаешь от него? — тихо спросила она. — Он тебя любит, он хороший ведь...

— Отчего дедушка не кормит его? — спросил я.

— Дедушка-то?

Она остановилась, прижала меня к себе и почти шепотом пророчески сказала:

— Помяни мое слово: горестно накажет нас Господь за этого человека! Накажет...

Она не ошиблась: лет через десять, когда бабушка уже успокоилась навсегда, дед сам ходил по улицам города нищий и безумный, жалостно выпрашивая под окнами:

— Повара мои добрые, подайте пирожка кусок, пирожка-то мне бы! Эх, вы-и...

Прежнего от него только и осталось, что это горькое, тягучее, волнующее душу:

— Эх, вы-и...

VIII

Дед неожиданно продал дом кабатчику, купив другой, по Канатной улице; немощеная, заросшая травой, чистая и тихая, она выходила прямо в поле и была снизана из маленьких, пестро окрашенных домиков...

Весь дом был тесно набит невиданными мною людьми: в передней половине жил военный из татар, с маленькой круглой женою; она с утра до вечера кричала, смеялась, играла на богато украшенной гитаре и высоким, звонким голосом пела...

Военный, круглый, как шар, сидя у окна, надувал синее лицо и, весело выкатывая какие-то рыжие глаза, непрерывно курил трубку, кашлял странным, собачьим звуком:

— Вух, вух-вух-хх...

В теплой пристройке над погребом и конюшней помещались двое ломовых извозчиков: маленький сивый дядя Петр, немой племянник его Степа, гладкий, литой парень, с лицом, похожим на поднос красной меди, — и невеселый, длинный татарин Валея, денщик. Все это были люди новые, богатые, незнакомые для меня.

Но особенно крепко захватил и потянул меня к себе нахлебник¹ Хорошее Дело. Он снимал в задней половине дома комнату рядом с кухней, длинную, в два окна — в сад и на двор.

Это был худощавый, сутулый человек, с белым лицом в черной раздвоенной бородке, с добрыми глазами, в очках. Был он молчалив, незаметен и, когда его приглашали обедать, чай пить, неизменно отвечал:

¹ Нахлебник — здесь: тот, кто живет и питается в чужой семье.

— Хорошее дело.

Бабушка так и стала звать его в глаза и за глаза.

— Ленька, кричи Хорошее Дело чай пить! Вы, Хорошее Дело, что мало кушаете?

Вся комната его была заставлена и завалена какими-то ящиками, толстыми книгами незнакомой мне гражданской печати; всюду стояли бутылки с разноцветными жидкостями, куски меди и железа, прутья свинца. С утра до вечера он, в рыжей кожаной куртке, в серых клетчатых штанах, весь измазанный какими-то красками, неприятно пахучий, встрепанный и неловкий, плавил свинец, паял какие-то медные штучки, что-то взвешивал на маленьких весах, мычал, обжигал пальцы и торопливо дул на них, подходил, спотыкаясь, к чертежам на стене и, протерев очки, нюхал чертежи, почти касаясь бумаги тонким и прямым, странно белым носом. А иногда вдруг останавливался среди комнаты или у окна и долго стоял, закрыв глаза, поднимая лицо, остолбеневший, безмолвный.

Я влезал на крышу сарая и через двор наблюдал за ним в открытое окно, видел синий огонь спиртовой лампы на столе, темную фигуру; видел, как он пишет что-то в растрепанной тетради, очки его блестят холодно и синевато, как льдины, — колдовская работа этого человека часами держала меня на крыше, мучительно разжигая любопытство.

Иногда он, стоя в окне, как в раме, спрятав руки за спину, смотрел прямо на крышу, но меня как будто не видел, и это очень обижало. Вдруг отскакивал к столу и, согнувшись вдвое, рылся на нем.

Я думаю, что я боялся бы его, будь он богаче, лучше одет, но он был беден: над воротником его куртки торчал измятый, грязный ворот рубахи, штаны — в пятнах и заплатках, на босых ногах — стоптанные туфли. Бедные — не страшны, не опасны, в этом меня незаметно убедило жалостное отношение к ним бабушки и презрительное — со стороны деда.

Никто в доме не любил Хорошее Дело; все говорили о нем посмеиваясь; веселая жена военного звала его «меловой нос», дядя Петр — аптекарем и колдуном, дед — чернокнижником¹, фармазоном.

— Чего он делает? — спросил я бабушку.

¹ Чернокнижник — старинное: тот, кто занимался колдовством.

Она строго откликнулась:

— Не твое дело; молчи знай...

Однажды, собравшись с духом, я подошел к его окну и спросил, едва скрывая волнение:

— Ты чего делаешь?

Он вздрогнул, долго смотрел на меня поверх очков и, протянув мне руку в язвах и шрамах ожогов, сказал:

— Влезай...

То, что он предложил войти к нему не через дверь, а через окно, еще более подняло его в моих глазах. Он сел на ящик, поставил меня перед собой, отодвинул, придвинул снова и наконец спросил негромко:

— Ты — откуда?

Это было странно: я четыре раза в день сидел на кухне за столом около него! Я ответил:

— Здешний внук...

— Ага, да, — сказал он, осматривая свой палец, и замолчал.

Тогда я счел нужным пояснить ему:

— Я не Каширин, а — Пешков...

— Пешков? — неверно повторил он. — Хорошее дело.

Отодвинул меня в сторону, поднялся и, уходя к столу, сказал:

— Ну, сиди смирно...

Я сидел долго-долго, наблюдая, как он скоблит рашпилем кусок меди, зажатый в тиски; на картон под тисками падают золотые крупинки опилок. Вот он собрал их в горсть, высыпал в толстую чашку, прибавил к ним из баночки пыли, белой, как соль, облил чем-то из темной бутылки, — в чашке зашипело, задымилось, едкий запах бросился в нос мне, я закашлялся, замотал головою, а он, колдун, хвастливо спросил:

— Скверно пахнет?

— Да!

— То-то же! Это, брат, весьма хорошо!

«Чем хвастается!» — подумалось мне, и я строго сказал:

— Если скверно, так уж — не хорошо...

— Ну? — воскликнул он, подмигивая. — Это, брат, не всегда, однако. А ты в бабки играешь?

— В козны?

— В козны, да?

— Играю.

— Хочешь налиток сделаю? Хорошая битка будет!

— Хочу!

— Неси, давай бабу.

Он снова подошел ко мне, держа дымящуюся чашку в руке, заглядывая в нее одним глазом, подошел и сказал:

— Я тебе налиток сделаю; а ты за это не ходи ко мне, — хорошо?

Это меня презрительно обидело.

— Я и так не приду никогда...

Обиженный, я ушел в сад...

Спустя некоторое время после того, как Хорошее Дело

предложил мне взятку за то, чтобы я не ходил к нему в гости, бабушка устроила... вечер. Сыпался и хлюпал неумный осенний дождь, выл ветер, шумели деревья, царапая сучьями стену, — в кухне было тепло, уютно, все сидели близко друг ко другу, все были как-то особенно мило тихи, а бабушка на редкость щедро рассказывала свои сказки одна другой лучше.

Она сидела на краю печи, опираясь ногами о приступок, наклоняясь к людям, освещенным огнем маленькой жестяной лампы; уж это всегда, если она была в ударе, она забиралась на печь, объясняя:

— Мне сверху надо говорить, — сверху-то лучше!

Я поместился у ног ее, на широкой приступке, почти над головою Хорошего Дела. Бабушка сказывала хорошую историю про Ивана-воина и Мирона-отшельника¹; мирно лились сочные, веские слова:

А Иван-от воин стоит около,
Меч его давно в пыль рассыпался,
Кованы доспехи съела ржавчина,
Добрая одежда поистлела вся,
Зиму и лето гол стоит Иван,
Зной его сушит — не высушит,
Гнус ему кровь точит — не выточит,
Волки, медведи не трогают,
Вьюги да морозы не для него.
Сам-от он не в силе с места двинуться,
Ни руки поднять и ни слова сказать, —
Это, вишь, ему в наказание дано:
Злого бы приказу не слушался,
За чужую совесть не прятался!..

Уже в начале рассказа бабушки я заметил, что Хорошее Дело чем-то обеспокоено: он странно, судорожно двигал руками, снимал и надевал очки, помахивал ими в меру певучих слов, кивал головою, касался глаз, крепко нажимая их пальцами, и все вытирал быстрым движением ладони лоб и щеки, как сильно вспотевшие. Когда кто-либо из слушателей двигался, кашлял, шаркал ногами, нахлебник строго шипел:

— Шш!

¹ Отшельник — человек, удалившийся от мира, живущий один

А когда бабушка замолчала, он бурно вскочил и, размахивая руками, как-то неестественно закружился, забормотал:

— Знаете, это удивительно, это надо записать, непременно! Это — страшно верное, наше...

Теперь ясно было видно, что он плачет...

— Запишите, что же, греха в этом нету; я и еще много знаю эдакого...

— Нет, именно это! Это — страшно русское, — возбужденно вскрикивал нахлебник и, вдруг остолбенев среди кухни, начал громко говорить, рассекая воздух правой рукой, а в левой дрожали очки. Говорил долго, яростно, подвизгивая и притопывая ногою, часто повторяя одни и те же слова:

— Нельзя жить чужою совестью, да, да!

Потом вдруг как-то сорвался с голоса, замолчал, поглядел на всех и тихонько, виновато ушел, склонив голову. Люди усмехались, сконфуженно переглядываясь, бабушка отодвинулась глубоко на печь, в тень, и тяжело вздыхала там.

Отирая ладонью красные толстые губы, Петровна спросила:

— Рассердился будто?

— Не, — ответил дядя Петр. — Это он так себе...

Бабушка слезла с печи и стала молча подогрывать самовар, а дядя Петр, не торопясь, говорил:

— Господа все такие — капризники!

Валей угрюмо буркнул:

— Холостой всегда дурит!

Все засмеялись, а дядя Петр тянул:

— До слез дошел. Видно: бывало, щука клевала, а ноне и плотва — едва...

Стало скучно, какое-то уныние щемило сердце. Хорошее Дело очень удивил меня, было жалко его, — так ясно помнились его утонувшие глаза.

Он не ночевал дома, а на другой день пришел после обеда, тихий, измятый, явно сконфуженный.

— Вчера я шумел, — сказал он бабушке виновато, словно маленький. — Вы — не сердитесь?

— На что же?

— А вот, что я вмешался, говорил?

— Вы никого не обидели...

Я чувствовал, что бабушка боится его, не смотрит в лицо ему и говорит необычно — тихо слишком.

Он подошел вплоть к ней и сказал удивительно просто:

— Видите ли, я страшно один, нет у меня никого! Молчишь, молчишь, — и вдруг — вскипит в душе, прорвет... Готов камню говорить, дереву...

Бабушка отодвинулась от него.

— А вы бы женились...

— Э! — воскликнул он, сморщившись, и ушел, махнув рукой.

Бабушка, нахмуясь, поглядела вслед ему, понюхала табак и потом строго сказала мне:

— Ты гляди, не очень вертись около него; Бог его знает, какой он такой...

А меня снова потянуло к нему.

Я видел, как изменилось, опрокинулось его лицо, когда он сказал «страшно один», — в этих словах было что-то понятное мне, тронувшее меня за сердце...

Я быстро и крепко привязался к Хорошему Делу, он стал необходимым для меня и во дни горьких обид и в часы радостей. Молчаливый, он не запрещал мне говорить обо всем, что приходило в голову мою, а дед всегда обрывал меня строгим окриком:

— Не болтай, бесова мельница!

Бабушка же была так полна своим, что уж не слышала и не принимала чужого.

Хорошее Дело всегда слушал мою болтовню внимательно и часто говорил мне, улыбаясь:

— Ну, это, брат, не так, это ты сам выдумал...

И всегда его краткие замечания падали вовремя, были необходимы, — он как будто насквозь видел все, что делалось в сердце и голове у меня, видел все лишнее, неверные слова раньше, чем я успевал сказать их, видел и отсекал прочь двумя ласковыми ударами:

— Врешь, брат!

Я нередко нарочно испытывал эту его колдовскую способность; бывало, выдумаю что-нибудь и рассказываю, как бывшее, но он, послушав немножко, отрицательно качал головою:

— Ну, врешь, брат...

— А почему ты знаешь?

— Уж я, брат, вижу...

Иногда он неожиданно говорил мне слова, которые так и остались со мною на всю жизнь. Рассказываю я ему о враге моем Ключникове, бойце из Новой улицы, толстом, большеголо-

вом мальчишке, которого ни я не мог одолеть в бою, ни он меня. Хорошее Дело внимательно выслушал горести мои и сказал:

— Это — ерунда; такая сила — не сила! Настоящая сила — в быстроте движения; чем быстрее, тем сильнее — понял?

В следующее воскресенье я попробовал действовать кулаками быстрее и легко победил Ключникова. Это еще более подняло мое внимание к словам нахлебника.

— Всякую вещь надо уметь взять, — понимаешь? Это очень трудно — уметь взять!

Я не понял ничего, но невольно запоминал такие и подобные слова, — именно потому запоминал, что в простоте этих слов было нечто досадно таинственное: ведь не требовалось никакого особого умения взять камень, кусок хлеба, чашку, молоток!

А в доме Хорошее Дело все больше не любили; даже ласковая кошка веселой постоялки не влезала на колени к нему, как лазала ко всем, и не шла на ласковый зов его. Я ее бил за это, трепал ей уши и, чуть не плача, уговаривал ее не бояться человека.

— У меня одежда пахнет кислотами — вот кошка и не идет ко мне, — объяснял он, но я знал, что все, даже бабушка, объясняли это иначе, враждебно нахлебнику, неверно и обидно.

— Пошто ты торчишь у него? — сердито спрашивала бабушка. — Гляди, научит он тебя чему-нибудь...

А дед жестоко колотил меня за каждое посещение нахлебника, которое становилось известно ему, рыжему хорьку. Я, конечно, не говорил Хорошему Делу о том, что мне запрещают знакомство с ним, но откровенно рассказывал, как относятся к нему в доме.

— Бабушка тебя боится, она говорит — чернокнижник ты, а дедушка тоже, что ты Богу — враг и людям опасный...

Он дергал головою, как бы отгоняя мух; на меловом его лице розовато вспыхивала улыбка, от которой у меня сжималось сердце и зеленело в глазах.

— Я, брат, вижу уж! — тихонько говорил он. — Это, брат, грустно, а?

— Да!

— Грустно, брат...

Наконец его выжили.

Однажды я пришел к нему после утреннего чая и вижу, что он, сидя на полу, укладывает свои вещи в ящики, тихонько напевая...

— Ну, прощай, брат, вот я и уезжаю...

— Зачем?

Он пристально посмотрел на меня, говоря:

— Разве ты не знаешь? Комната нужна для твоей матери...

— Это кто сказал?

— Дедушка...

— Врет он!

Хорошее Дело потянул меня за руку к себе, и, когда я сел на пол, он заговорил тихонько:

— Не сердись! А я, брат, подумал, что ты знаешь, да не сказал мне; это нехорошо, подумал я...

Было грустно и досадно на него за что-то.

— Послушай-ко, — почти шепотом говорил он, улыбаясь, — ты помнишь, я тебе сказал — не ходи ко мне?

Я кивнул головой.

— Обиделся ты на меня, да?

— Да...

— А я, брат, не хотел тебя обидеть, я, видишь ли, знал: если ты со мной подружишься — твои станут ругать меня, — так? Было так? Ты понял, почему я сказал это?

Он говорил словно маленький, одних лет со мною; а я страшно обрадовался его словам; мне даже показалось, что я давно, еще тогда понял его; я так и сказал:

— Это я давно понял!

— Ну вот! Так-то, брат. Вот это самое, голубчик...

У меня нестерпимо заныло сердце.

— Отчего они не любят тебя никто?

Он обнял меня, прижал к себе и ответил, подмигнув:

— Чужой — понимаешь? Вот за это самое. Не такой...

Я дергал его за рукав, не зная, не умея, что сказать.

— Не сердись, — повторил он и шепотом, на ухо, добавил: — Плакать тоже не надо...

А у самого тоже слезы текут из-под мутных очков.

И потом, как всегда, мы долго сидели в молчании, лишь изредка перекидываясь краткими словами.

Вечером он уехал, ласково простившись со всеми, крепко обняв меня. Я вышел за ворота и видел, как он трясся на телеге, разминавшей колесами кочки мерзлой грязи. Тотчас после его отъезда бабушка принялась мыть и чистить грязную комнату, а я нарочно ходил из угла в угол и мешал ей.

— Уйди! — кричала она, натыкаясь на меня.
— Вы зачем прогнали его?
— А ты поговори!
— Дураки вы все, — сказал я.
Она стала шлепать меня мокрой тряпкой, крича:
— Да ты ошалел, пострел!
— Не ты, а все другие дураки, — поправился я, но это ее не успокоило.
За ужином дед говорил:

— Ну, слава Богу! А то, бывало, как увижу его, — нож в сердце: ох, надобно выгнать!

Я со зла изломал ложку и снова потерпел.

Так кончилась моя дружба с первым человеком из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране — лучших людей ее...

XII

...Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И, с обновленной уверенностью, отвечаю себе — стоит; ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной.

И есть другая, более положительная причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолеет их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человеческое, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой.

XIII

...Бабушка, сидя под окном, быстро плела кружева, весело щелкали коклюшки, золотым ежом блестела на внешнем солнце подушка, густо усеянная медными булавками. И сама бабушка, точно из меди литая, — неизменна! А дед еще более ссохся, сморщился, его рыжие волосы посерели, спокойная важность движений сменилась горячей суетливостью, зеленые глаза смотрят подозрительно. Посмеиваясь, бабушка рассказала мне о разделе имущества между ею и дедом: он отдал ей все горшки, плошки, всю посуду и сказал:

— Это — твое, а больше ничего с меня не спрашивай!

Затем отобрал у нее все старинные платья, вещи, лисий салон, продал все за семьсот рублей, а деньги отдал в рост под проценты своему крестнику-еврею, торговцу фруктами. Он

окончательно заболел скупостью и потерял стыд: стал ходить по старым знакомым, бывшим сослуживцам своим в ремесленной управе, по богатым купцам и, жалуясь, что разорен детьми, выпрашивал у них денег на бедность. Он пользовался уважением, ему давали обильно, крупными билетами; размахивая билетом под носом бабушки, дед хвастался и дразнил ее, как ребенок:

— Видала, дура? Тебе сотой доли этого не дадут!

Собранные деньги он отдавал в рост новому своему приятелю, длинному и лысому скорняку, прозванному в слободке Хлыстом, и его сестре — лавочнице, дородной, краснощекой бабе, с карими глазами, томной и сладкой, как патока.

Все в доме строго делилось: один день обед готовила бабушка из провизии, купленной на ее деньги, на другой день провизию и хлеб покупал дед, и всегда в его дни обеды бывали хуже: бабушка брала хорошее мясо, а он — требуху, печенку, легкие, сычуг¹. Чай и сахар хранился у каждого отдельно, но заваривали чай в одном чайнике, и дед тревожно говорил:

— Постой, погоди, — ты сколько положила?

Высыплет чайинки на ладонь себе и, аккуратно пересчитав их, скажет:

— У тебя чай-то мельче моего, значит — я должен положить меньше, мои крупнее, наваристее.

Он очень следил, чтобы бабушка налиwała чай и ему и себе одной крепости и чтоб она выпивала одинаковое с ним количество чашек.

— По последней, что ли? — спрашивала она перед тем, как слить весь чай.

Дед заглядывал в чайник и говорил:

— Ну, уж — по последней!

Даже масло для лампадки пред образом каждый покупал свое, — это после полусотни лет совместного труда!

Мне было и смешно и противно видеть все эти дедовы фокусы, а бабушке — только смешно.

— А ты — полно! — успокаивала она меня. — Ну, что такое? Стар старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков, — отшагай-ка столько-то! Пускай дурит, кому горе? А я себе да тебе — заработаю кусок, не бойсь!

¹ Сычуг — здесь: желудок.

Я тоже начал зарабатывать деньги: по праздникам, рано утром, брал мешок и отправлялся по дворам, по улицам собирать говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди. Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, железо — тоже, пуд костей по гривеннику, по восемь копеек. Занимался я этим делом и в будни после школы, продавая каждую субботу разных товаров копеек на тридцать, на полтинник, а при удаче и больше. Бабушка брала у меня деньги, торопливо совала их в карман юбки и похваливала меня, опутив глаза:

— Вот и спасибо те, голуба душа! Мы с тобой не прокормимся, — мы? Велико дело!

Однажды я подсмотрел, как она, держа на ладони мои пятки, глядела на них и молча плакала, одна мутная слеза висела у нее на носу, ноздреватом, как пемза¹...

В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называли ветошником, нищевородом, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной. Помню, как глубоко я был обижен этой жалобой и как трудно было мне ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье.

Но вот наконец я сдал экзамен в третий класс, получил в награду Евангелие, басни Крылова в переплете и еще книжку без переплета, с непонятным титулом — «Фата-Моргана», дали мне также похвальный лист. Когда я принес эти подарки домой, дед очень обрадовался, растрогался и заявил, что все это нужно беречь и что он запрет книги в укладку себе. Бабушка уже несколько дней лежала больная, у нее не было денег, дед охал и взвизгивал:

— Опиваете вы меня, объедаете до костей, эх вы-и...

Я отнес книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями и тогда же вручил деду. Он бережно спрятал бумагу, не развернув ее и не заметив моего озорства...

...Мать... переселилась к деду... скажет слово кипящим голосом, а то целый день молча лежит в углу.

Умерла она в августе, в воскресенье, около полудня...

¹ Пемза — легкий пористый камень.

Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:
— Ну, Алексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди...
И пошел я в люди.

1913—1914 гг.

Вопросы и задания

1. Передайте ваше впечатление от прочитанного.
2. Кто из героев повести показался вам наиболее интересным? Почему?
3. Устно дайте развернутую характеристику одного из героев. Обоснуйте свой выбор.
4. Расскажите о жизни семьи Кашириных. Найдите в тексте подтверждение характеристикам «невыразимо странная жизнь», «слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени», «душный круг жутких впечатлений».

Какие стороны жизни, поступки людей М. Горький характеризует словами «свинцовые мерзости»?

5*. Биографии Николеньки из «Детства» Л.Н. Толстого и Алеши из «Детства» М. Горького совершенно несхожи. А судьбы? Аргументируйте свой ответ.

6. Какие события проиллюстрировал художник Б.А. Дехтерев? Озаглавьте рисунки.

Живое слово

Вам предлагается несколько тем для сочинений. Попробуйте сформулировать и предложить свои.

«Бабушка Акулина Ивановна», «Алеша в доме деда», «Что нравилось Алеше в окружающих его людях?», «Чем интересен мне образ Данко?», «Как характеры героев выражены в их речи?», «М. Горький и герои его произведений». Напишите сочинение на одну из тем.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ (Легенда о Данко)

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, —

¹ Здесь и далее значком * отмечены задания повышенной сложности.

там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем в сером сумраке и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди все сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думаю. Кто ничего не делает, с тем ничего не станет. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидели, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повел...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

Иллюстрация к рассказу. Художник Б.А. Дехтерев

— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они.

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял

их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося

у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: «Сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крепче. Я прикрыл ее старое тело и сам лег на землю около нее. В степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

1895

Вопросы и задания

1. Внимательно прочитайте определение легенды. Какое из значений этого понятия подходит для произведения М. Горького?

Легенда — 1) один из самых значительных жанров письменности на протяжении всего европейского Средневековья (начиная с VI в.); первоначально — житие святого, написанное для чтения в день его памяти... Со временем легендами стали называть также разнообразные повествования религиозного характера, благочестивые и поучительные (биографии подвижников и раскаявшихся грешников, притчи о животных, растениях, предметах христианского культа и т.д.); 2) в фольклоре легенда — вошедший в традицию устный народный рассказ, в основе которого лежит чудо, фантастический образ или представления, воспринимающиеся как достоверные.

Почему М. Горький «рассказ в рассказе» («Данко» — лишь часть рассказа «Старуха Изергиль») определяет как легенду?

2. Прочитайте фрагмент от слов: «Данко — один из тех людей...» до слов: «Идемте! Ну! Гей!..» Выпишите предложение с авторской пунктуацией. Попробуйте объяснить такую расстановку знаков препинания.
3. Найдите в тексте легенды сравнения. Объясните их роль в произведении.
4. К иллюстрации Б.А. Дехтерева подберите текст из «Легенды о Данко».

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М. ГОРЬКОГО

Рассказ «Старуха Изергиль» — романтическое произведение.

Романтизм — литературное направление, возникшее в конце XVIII в. и достигшее своего расцвета в первой половине XIX в. Если художественной задачей классицизма было достижение эстетического идеала путем подражания общему для всех образцу, то романтизм стремился к созданию самобытного национального искусства через обращение к народному творчеству и отечественной истории.

Художественный максимализм романтиков выражался в резком противопоставлении идеала и действительности, личности и общества, прошлого и настоящего, чувства и рассудка, природы и цивилизации. Романтический герой — сильная личность, действующая в исключительных обстоятельствах.

Основными представителями романтизма являются Дж.Г. Байрон, Э. По, В. Гюго, Э.Т.А. Гофман; в России — В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов. Раннее творчество А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя тоже относится к этому направлению.

Интерес к романтизму обострился в конце XIX в., когда и были созданы первые произведения М. Горького.

В центре легенды о Данко — необычный герой. Необычно его дело: спасение людей от гибели; необычен его трудный путь «к свободе, к свету»; необычна его судьба — жизнь, отданная во имя других. Данко — герой-романтик. Возвышенна и высока художественная идея легенды: человек, живущий для других, готовый отдать свою жизнь во имя спасения жизни и свободы других, достоин бессмертия и поклонения. Как же эти особенности героя проявляются в художественной ткани произведения?

Обыденное и удивительное в жизни соседствуют. Точно так же в легенде сосуществуют, развиваются два стилевых потока. Один — спокойный, сказовый, притчевый; другой — взволнованный, прерывистый, пульсирующий.

Прочитайте фрагмент легенды от начала до слов: «...несчастные загнанные люди». Обратите внимание на то, как в нем строятся фразы. Это неторопливый рассказ, спокойное течение которого подчеркивается сложными синтаксическими

конструкциями («Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота»); в тексте, подобно фольклорным и древнерусским произведениям, фраза достаточно часто начинается с союза «и» («И вот пришла однажды тяжелая пора...»; «И всегда, и днем, и ночью, вокруг тех людей...»; «И потому они сидели и думали в длинные ночи...»). Союз «и», к которому, как вы убедились, у Горького отношение было настороженное, в данном случае присутствует и в серединах фраз, то объединяя однородные члены предложения («болота и тьма»; «задумались и впали в тоску», «молча и неподвижно» и т.д.), то начиная сложное предложение с сочинением и подчинением («Они сидели, а тени костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота...»).

1. Найдите в данном фрагменте примеры с подобными синтаксическими конструкциями.

В этом же фрагменте намечается и другая стилевая особенность, которая связана с необычностью происходящего. Эта необычность видна во всем: и в месте действия («непроходимый лес; болото»), и в пейзажных образах («великаны-деревья», «каменные деревья», «лес глухо гудел» и др.).

2. Приведите примеры из текста, где даны необычные пейзажные образы. С помощью каких художественно-выразительных средств создается необычность?

Противопоставлены друг другу персонажи легенды, причем это противопоставление не внешнее, а внутреннее. Одни и те же люди «веселые, сильные и смелые» и ...

3. Какими они предстают в ходе дальнейшего повествования? Выпишите слова, характеризующие их.

Противопоставлены друг другу в рассказе цветовые и пространственные образы («непроходимый лес» — «степь»).

4. Найдите и назовите контрастные цветообразы.

Самое существенное противопоставление, которое определяет главную тему произведения — жизнь и смерть («Жили на земле в старину...» — «могли бы пойти биться насмерть» — «они не могли умереть»).

5. Приведите другие примеры этого мотива в легенде.

А.П. Чехов и М. Горький на даче. Л.В. Средина.
Фотография Л.В. Средина. 5 мая 1900 г.

Осторожность, нерешительность, сомнение, недоверчивость, которые и являются признаками слабости (мотив угасания, смерти) противопоставлены силе, смелости, твердости духа. М. Горький подчеркивает, что сила и мужество, героизм не всегда защищены перед трусостью и безделием.

6. Найдите в тексте заключительной части легенды отрывок, подтверждающий этот тезис. Писатель завершает произведение символом. Каким? Что он утверждает?

С момента появления в сюжете Данко принципиально изменяется пафос легенды, ее тональность. Это происходит за счет введения в текст интонационно выделенных слов, предложений, фраз: восклицательных, вопросительных конструкций, предложений с *фигурой умолчания* — многоточием в конце или середине фразы («Идемте! Ну! Гей!...»; «...все на свете имеет конец!»; «Тогда он повел...» и др.).

7. Найдите примеры подобных конструкций во второй части легенды. Есть ли среди них риторические фигуры, и если есть, какова их роль?

В речи персонажей появляются афористические выражения («Кто ничего не делает, с тем ничего не станется»). Они придают стилю отточенность, законченность, стремительность, ведь в афоризме нет лишних слов, синтаксическая конструкция его предельно проста.

8. Приведите примеры употребления афоризмов в легенде.

В сюжете рассказа параллельно развиваются две линии: Данко и идущее за ним племя — силы природы («Повел их Данко. Дружно все пошли за ним...» — «Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть...»).

9. Выпишите примеры такой параллели.

Особый синтаксис, наличие афористических предложений, повтор синтаксических конструкций создают особый, почти стихотворный ритм второй части легенды. Поэтому ее легко запомнить.

10. Выучите наизусть отрывок из второй части легенды о Данко.

При помощи похожих приемов разрешается проблема «человек и общество» в первой легенде рассказа «Старуха Изергиль» — легенде о Ларре.

11. Попробуйте проанализировать ее с этой точки зрения самостоятельно.

В легенде о Ларре заложена мысль о том, что романтический герой не всегда носитель добра; он может нести несчастье и боль.

12. Подтвердите этот вывод рассказом о жизни и поступках Ларры.

Советуем прочитать

Телешов Н. М. Горький // Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. — М., 1980.

ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
1870—1953

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (Отрывок)

Моя писательская жизнь началась довольно странно. Она началась, должно быть, в тот бесконечно давний день в нашей деревенской усадьбе в Орловской губернии, когда я, мальчик лет восьми, вдруг почувствовал горячее, беспокойное желание немедленно сочинить что-то вроде стихов или сказки, будучи внезапно поражен тем, на что случайно наткнулся в какой-то книжке с картинками: я увидел в ней картинку, изображавшую какие-то дикие горы, белый холст водопада и какого-то приземистого, толстого мужика, карлика с бабьим лицом, с раздутым горлом, то есть с зобом, стоявшего под водопадом с длинной палкой в руке, в небольшой шляпке, похожей на женскую, с торчащим сбоку птичьим пером, а под картинкой прочел подпись, поразившую меня своим последним словом, тогда еще, к счастью, неизвестным мне: «Встреча в горах с кретином». Кретин! Не будь этого необыкновенного слова, карлик с зобом, с бабьим лицом и в шляпке вроде женской показался бы мне, вероятно, только очень противным, и больше ничего. Но кретин? В этом слове мне почудилось что-то страшное, загадочное, даже как будто волшебное! И вот охватило меня вдруг поэтическим волнением. В тот день оно пропало даром, я не сочинил ни одной строчки, сколько ни старался сочинить. Но не был ли тот день все-таки каким-то началом моего писательства?

Во всяком случае, можно подумать, будто некий пророческий знак был для меня в том, что наткнулся я в тот день на эту

Дом, в котором родился И.А. Бунин. Воронеж,
ул. Большая Дворянская (проспект Революции), д.3

картинку, ибо во всей моей дальнейшей жизни пришлось мне иметь немало и своих собственных встреч с крестинами. Мне вообще суждена была жизнь настолько необыкновенная, что я был современником даже и таких крестин, имена которых навеки останутся во всемирной истории...

В литературную среду я вошел в середине девяностых годов. Тут я уже не застал, к несчастью, ни Фета, ни Полонского, не застал Гаршина, — его прекрасный человеческий образ сочетался с талантом, который, если бы не погиб в самоубийстве, развился бы, несомненно, так, что поставил бы его в ряд с самыми большими русскими писателями. Но я застал еще не только самого Толстого, но и Чехова; застал Эрделя, тоже замечательного человека и автора «Гардениных», романа, который навсегда останется в русской литературе; застал Короленко, написавшего свой чудесный «Сон Макара», застал Григоровича... застал поэта Жемчужникова, одного из авторов «Козьмы Пруткова», часто бывал у него, и он называл меня своим юным другом...

Вопросы и задания

1. Что в рассказе И.А. Бунина о «странном» вхождении его в литературу, по вашему мнению, написано с иронией (или скрытым юмором), а что — всерьез?
2. Бунин упоминает имена писателей, которые ушли из жизни незадолго до его вхождения в литературу, и тех, кто был его современником. Какие произведения этих писателей вы читали? Не вызвал ли Бунин у вас желания познакомиться с другими авторами, доселе вам неизвестными?

* * *

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лег.
Спят грачи; далекий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зелеными
Молодой озябший чернозем,
И струится чище над полями
Звездный свет в молчании ночном.

По лощинам, звезды отражая,
Ямы светят тихою водой,
Журавли, друг друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна в зазеленевшей роще
Ждет зари, дыханье затая, —
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в темные поля.

1892

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА И.А. БУНИНА

1. По каким художественным деталям вы можете определить, что поэт говорит о русской природе?
2. Выразительно прочитайте стихотворение, стараясь передать его настроение.
3. Прочитайте фрагмент статьи критика и литературоведа О.Н. Михайлова.

«Образ природы, родины, России складывается в стихах исподволь, незаметно. Он подготовлен... пейзажной лирикой, где крепкой закваской явились впечатления от родной Орловщины, Подстепня, среднерусской природы. Разумеется, они были лишь родником, давшим начало большой реке, но родником сильным и чистым. И в отдельных стихотворениях поэт резко и мужественно говорит о родной стране, нищей, голодной, любимой («Родине», «В стороне далекой от родного края...», «Родина» и др.). Осень, зима, весна, лето — в бесконечном круговороте времени, в радостном обновлении природы черпает Бунин краски для своих стихов. Его пейзажи обретают удивительную конкретность, растения, птицы — точность обозначений».

4. Перечитайте последнее предложение из приведенного фрагмента. Найдите подтверждение данному тезису в стихотворении «Догорел апрельский светлый вечер...».

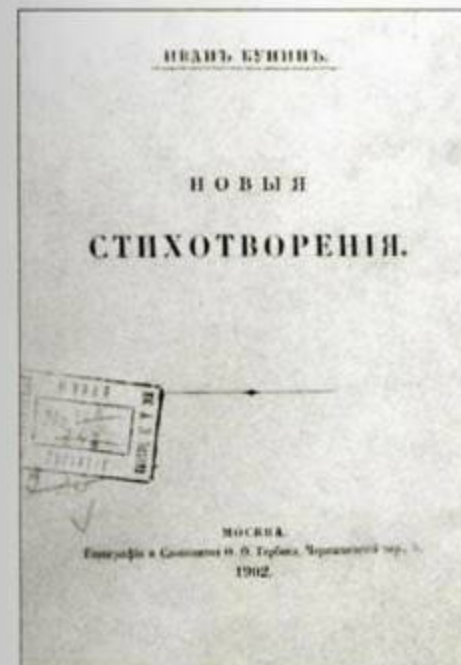

КАК Я ПИШУ (Фрагменты)

1

«Я, вероятно, все-таки рожден стихотворцем...

Тургенев тоже был стихотворец прежде всего... Для него главное в рассказе был звук... Для меня главное — это найти звук. Как только я его нашел — все остальное дается само собой. Я уже знаю, что дело кончено. Но я никогда не пишу того, что мне хочется, и так, как мне хочется. Не смею.

Титульный лист и обложка поэтических сборников И.А. Бунина

Мне хочется писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами. Но какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство! Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобно этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев... Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками, написать всего несколько строк.

В сущности говоря, со времени Пушкина и Лермонтова литературное мастерство не пошло вперед. Чехов в лучших своих вещах стал менять форму, он страшно рос. Он был очень большой поэт. А разве кто-нибудь из критиков сказал хоть слово о форме его последних рассказов? Никто... Я всю жизнь испытываю муки Таланта. Всю жизнь страдаю от того, что не могу выразить того, что хочется. В сущности говоря, я занимаюсь невозможным занятием. Я изнемогаю от того, что на мир смотрю только своими глазами и никак не могу взглянуть на него как-нибудь иначе».

2

«Как я пишу? В молодости очень разбрасывался. Писать — всегда хотел, но всегда в то же время хотел и жить, и потому писать не всегда удавалось так, как того хотелось бы. В молодости я пи-

И.А. Бунин. Фотография Д. Здобнова.
Санкт-Петербург. 1910 г.

сал почти всегда слишком торопливо, случайно. Я был такой же и тогда, когда обо мне писалось, что будто бы я чудесно отделываю каждую фразу.

...Чеканка фраз! Но я никогда не занимался этим. Да и что значит «чеканить»? Ведь у писателя форма неразрывно связана с содержанием и рождается сама собой из содержания.

Позднее работа пошла правильнее, спокойнее. Я привык работать только в покое — для этого замыкался в уединении, в деревне или, как позднее, приезжал в Италию, на Капри. Но писал всегда как-то запоем. Садился за писание, и это означало, что надолго, пока не выпишусь до конца. И никогда, кстати сказать, не писал и не пишу по ночам. Вообще на нервах не работаю...

Как возникает во мне решение писать?... Чаше всего совершенно неожиданно. Эта тяга писать появляется у меня всегда из чувства какого-то волнения, грустного или радостного чувства, чаще всего оно связано с какой-нибудь развернувшейся передо мной картиной, с каким-то отдельным человеческим образом, с человеческим чувством... Это — самый начальный

момент. Иногда я подолгу таю в себе это начало, иногда сажусь писать тотчас же, если это бывает в деревне, в тишине, в уединении, в рабочей колее. Но это вовсе не означает того, что, беря перо, я наперед уже знаю все в целом, что мне предстоит написать. Это редко бывает. Я часто приступаю к своей работе, не только не имея в голове готовой фабулы, но и как-то еще не обладая вполне пониманием ее окончательной цели. Только какой-то самый общий смысл брезжит мне, когда я приступаю к ней. Не готовая идея, а самый общий смысл произведения владеет мною в этот начальный момент — лишь звук его, если можно так выразиться. И я часто не знаю, как я кончу: случается, что оканчиваешь свою вещь совсем не так, как предполагал вначале и даже в процессе работы. Только, повторяю, самое главное, какое-то общее звучание всего произведения дается в самой начальной фазе работы...»

Вопросы и задания

1. Расскажите об И.А. Бунине, включив в свой рассказ фразы из первой части его статьи.
2. Что нового узнали вы из второй части? Ответ на вопрос запишите в форме тезисного плана.

КУКУШКА

I

Лес был небольшой, но красивый, особенно ежели принять во внимание, что вокруг него была бедная местность: поля да косогоры, кое-где поселки у оврагов, дубовые кусты в лощинах, хутора мелких помещиков и одинокая мельница-ветрянка на западном горизонте, на далеком возвышении. Правда, поля были волнистые и сменялись лугами («верхами», по-орловски), но это были совсем голые и глухие луга.

Большой Кастюринский верх разветвлялся к северу на два рукава. Один из них был покрыт по отлогим бокам кустарником и далеко тянулся однообразным логом. Скучно в нем было, особенно осенью! Едешь, бывало, в синеватый, пасмурный денек на охоту среди этого пустынного лога и видишь перед собою только низкое небо да пожелтевший кустарник. Ни птицы, ни зверя, — один ветер шелестит дубовой листвою...

Зато другой был гораздо веселей и живописней. Тут-то и находился лес. Оттого, что лес давно не подчищали, в нем было много густого подседа — орешников, осинников и молодых березок. Были, кроме того, овраги, где громоздились серые камни, были провалы, заросшие глухой крапивой; мелкий пруд, окруженный верболозами, позабытый пчельник и старая караулка — почерневшая изба с горбатой крышей. Пустые деревянные ульи на пчельнике, прикрытые камнями и похожие на грибы, стали от времени голубовато-серого цвета, а в караулке покосились окна, двери и даже самые стены... Прошлой зимой в ней поселился старик-солдат Кукушка, а в одном из оврагов, за пчельником, вывела двух детенышей волчица.

Наступал вечер теплого и серенького февральского дня, когда работник с Кастюринского хутора привез Кукушку в караулку. Лес утопал в молодом, рыхлом снегу. Перед вечером опять начинало порошить, и деревья, наполнявшие лощины и овраги, были слегка затуманены, а в отдаленье, в конце лугов, сливались в неясные чащи мутно-сизого цвета. Лошадь тяжело брела по сугробам. Кукушка дремал, хотя ему было холодно в истрепанной шапке, обвязанной по ушам тряпкой, и в заплапанной шинели. Старчески серьезное и сонное лицо его посилено. Озябшими руками он держал петуха и кошку, а за розвальнями бежали еще два сожителя Кукушки: барский Цыган, черный с белым жилетом, и Кукушкин Мурзик, небольшой, звонкоголосый кобелек, веселый и беспечный, одетый в очень пушистый рыжеватый мех.

Подъехав к караулке, работник помог Кукушке снести в нее кое-что из провизии и хозяйственных принадлежностей, закурил сигарку, надел рукавицы и, ставши в розвальнях на колени, равнодушно повернул лошадей в обратный путь.

— Смотри, как бы у тебя Цыган-то не ушел! — крикнул он на прощанье.

И Кукушка остался один...

Когда на дворе стало смеркаться, в холодной караулке было уже совсем темно. Мрачно глядела пустая изба — старая, низкая, с маленькими окошечками и огромной печью. Но на Кукушку это не произвело никакого впечатления. Тому, кто ходил под дождем, ветром и снегом побираться, всякая изба покажется уютной и веселой, а Кукушка уже давно проводил — где день, где ночь — под чужими кровлями. Теперь же он был надолго защищен от холода и голода. Жалованья ему назначили семнадцать рублей в год, а «мещину» — и совсем хорошую. Кроме того, ему дали валенки, старую баринову тужурку и полинявший дворянский картуз. Кукушка был очень доволен, очень успокоен своим положением, и теперь ему оставалось только затопить печку и получше устроиться в караулке. Но разве долго было это сделать?..

Дубки тихо гудели в белесой темноте зимней ночи; пахло февральской свежестью, и когда Кукушка вышел в одной рубашке из сенец за угол, навстречу ему понесло холодом и мокрыми снежинками. Но зато с каким удовольствием вбежал он в избу, которая стала просто неузнаваема за какой-нибудь час! Она уже совсем успела нагреться и слабо, но весело была озарена яркой пастью печки. Длинные огненные языки вырывались из нее и лизали устье, а черные стены избы, прежде топившейся по-курному, трепетно блестели, как растопленная смола. Кошка примостилась в конце лавки, съежилась и жмурилась, мурлыкая и задремывая. Петух, разбуженный огнем, но совсем еще сонный, машинально бродил по соломе, накиданной на полу, в теплом кругу света возле печки... Приятно пахло дымом сырых березовых дров и соломы.

— Ах, жид те съешь! — крикнул Кукушка со старческой веселостью и передернул плечами.

Пока варились картошки, он нарубил дров на завтра, настелил на печку соломы, потом во всю краюшку отрезал ломоть хлеба и сел ужинать. Ел он пристально, с жадной неторопливостью нищего, но когда картошка попадалась уж очень горячая, он прожевывал ее поспешно, открывая рот и ухитряясь во рту дуть на нее. Приятная мысль о том, как он неожиданно и хорошо устроился, не покидала его... А когда ужин был кончен, он понес собакам в сенцы корки, опять озяб, жестоко ударил ногой Цыгана, бросившегося на Мурзика, и, возвратившись в избу, долго молился в благодарность за нынешний день, с особенно грустным и

покорным видом, на большую икону, стоявшую в переднем углу на лавке. Изображение на почерневшей доске иконы было старинное, и Кукушке было жутко глядеть на него. Он искренне просил Бога даровать ему скорую и тихую кончину.

— Брысь, домовая! — сердито крикнул он среди молитвы на кошку, вспрыгнувшую на стол. Потом, кряхтя и охая, взлез на печку и, укрывшись шинелью, тотчас погрузился в дремоту.

И все стало сонно и тихо вокруг.

Чтобы не угореть, он не закрыл трубы и не задвинул печку заслонкой. Дрова и солома между тем прогорели, и свет от угольев медленно умирал в тихой, темнеющей избе. Темнота сумрачно сгущалась, отовсюду подвигаясь к печке.

Скоро в ней остался уже только один раскаленный уголь. Тишина, казалось, замерла в ожидании чего-то... Тогда темнота подошла к самому устью, и уголь, как закрывающийся глаз, долго глядел на нее, озаряя лишь своды... Наконец и этот слабый свет померк. В печке краснела чуть заметная точка, и во всей избе стало темно и холодно. Ветер шуршал соломой по крыше и заносил снегом окна. Окна тускло синели во мраке... И вот кто-то подошел и заглянул в них. Чья-то высокая тень мелькнула мимо окон, возвратилась, прильнула к стеклам и опять скрылась...

— Господи Иисусе Христе! — пробормотал Кукушка с удивлением и страхом. Он заснул крепко, но старое тело, разогревшись на горячей соломе, скоро заныло — и томительно и приятно, — и Кукушка полуоткрыл глаза. Кто-то высокий заглянул в окно, и Кукушка вдруг заметил это. Он хотел приподняться — и не мог, и не понимал, где он; чувствовал только все больше, что где-то в глухом и страшном месте... А тень вдруг опять появилась и медленно скрылась...

«Кто там?» — хотел крикнуть он, собрав последние силы, но вдруг махнул рукой и сразу очнулся... Да ведь это он в караулке лежит! А тень — просто притуга, оборвавшаяся на крыше!

Он закашлялся и закричал с недовольной улыбкой, но нарочно как можно громче вздохнул совсем облегченно и опять закутался шинелью. Приятная усталость обняла его и тихо закрыла веки. Хорошо на теплой печке старому телу! А тут еще петух огласил избу громким криком, смело и спокойно забил крыльями, и что-то родное, дружеское было в этом крике, нарушившем тишину зимней полночи.

Ветер по-прежнему шарил по крыше, и притуга по-прежнему, заглядывая в окна, качалась по ветру. Собаки, стараясь улечься поуютнее, возились в сенцах. Но Кукушка уже ничего не слышал и не видал; чувствовал только приятную тяжесть и тепло кошки, свернувшейся на его ногах, и засыпал глубоким сном.

А в лесу в это время важно и ровно усиливался гул метели по вершинам, побелевшим от снега, и волчица, сверкая огоньками своих зеленоватых глаз, таинственно пробиралась по лугу мимо караулки. Она утопала в холодных, пушистых сугробах, но шла все глубже в чащу леса, намереваясь надолго поселиться по соседству с Кукушкой — в одном из глухих и потайных оврагов.

II

— Что ж, не заскучал еще? — спрашивал барин, когда Кукушка пришел к нему однажды попросить деньжонок. Кукушка не был глух, но барин говорил громко, тем тоном, которым говорят с глухими и с дурачками.

— Никак нет, ваше благородие! — прошамкал Кукушка. — Мне и веку-то осталось чуть-чуть, когда мне скучать таперь?

Барин нахмурился.

— То-то «таперь»! — передразнил он, отвертываясь. — Старты, у тебя из-под носу тащат... Семен говорит: опять в вершинке три дубка срезали. Всю осень там совсем почти мальчишка сидел — не трогали, а тут старик — и то черт знает что!

Кукушка смутился, испугался и обиделся. Он стоял на пороге зала и лакейской и производил странное впечатление своим нищенским видом в барском доме. При словах барина он подтянулся и забормотал с раздражением:

— Какие ж такие мои года, ваше благородие? Дубки — правда, что срезаны, только это никак не при мне... Это все приказчик мутит... Мне давно один человек сказывал...

— Так то-то я и говорю, посматривай, — перебил барин уже спокойно, но очень громко.

Тон его поразил Кукушку, и он опять смутился: не наговорил ли чего лишнего? Он улыбнулся неловкой усмешкой и поспешно прибавил:

— Известно, изо всей мочи надо смотреть... А скуки мне никакой нетути, ваше благородие! В лесу еще теплей зимою...

— Конечно, теплей, — согласился барин. — Денег я тебе сейчас вынесу.

Он ушел в кабинет, и Кукушка облегченно переступил с ноги на ногу. Бог даст, обойдется!

В это время из кабинета нерешительно вышли Митя и Коля. Коля, небольшой, круглоголовый мальчик, заискивающе улыбался. Характер у него был добрый и веселый, но робкий. Митя, напротив, всегда старался быть решительным. Он был с резкими чертами лица, худее и выше Коли. Теперь он усиленно хмурился, но видно было, что смущены оба, потому что оба подходили, застенчиво перегибаясь назад.

Кукушка улыбнулся и наклонился к ним. От этого Коля растерялся, а Митя покраснел и вдруг проговорил, сурово отчеканивая, по своему обыкновению, каждый слог:

— Вы опять в лес поедете?

— В лес, барчук, в лес, — отвечал Кукушка ласково.

— А на охоту ходить вы умеете?

— Как же мне не уметь, барчук, — сколько годов в солдатах был!

Митя повертел махры пояса и взглянул на Кукушку уже с нескрываемым любопытством. Помимо разговоров об охоте, его очень занимали грубая, нищенская одежда Кукушки и то, что от Кукушки пахло курной избой и нюхательным табаком.

— А собаки у вас есть? — продолжал он, опять нахмуриваясь. — Только один наш Цыган?

— С одной собакой в лесу нельзя, барчук...

— Отчего нельзя?

— Не управится одна... У меня еще Мурзик есть. Шустрый кобелек!

— Мурзик? — воскликнул Коля, и его маленькие карие глазки засверкали удивлением и радостью. — А какой? Ты приведешь его к нам?

— А кто кого победит? — перебил его Митя уже совсем оживленно. — Мурзик или Цыган? Вы можете сравнить их?

— Цыган один на один на гуся на бой выходил! — со смехом сказал Коля. — Гусь в сенцах на яйцах сидел, а он пришел, а он ка-ак на него бросится!..

Дети заговорили наперебой, торопясь и засыпая Кукушку вопросами. Кукушка тоже увлекся. Он стал рассказывать им

о Мурзике, об охоте и вдруг, осененный счастливой мыслью, прибавил:

— А вот что, барчуки, когда такое дело, — как только, Бог даст, лето придет, волченят вам принесу!

Дети запрыгали от радости.

— А зайца? — кричали они. — Лучше зайца, ястреба и волченят!

— Зайца, барчуки, не поймает, а вот волченят можно.

— А когда? Завтра?

— Да их еще нетути небось...

— Отчего? Не вывелись?

— Не вывелись, не оценились... Я только волчицу надысь видел.

— А после?

— После бесприменно принесу, в мешке притащу, — повторил Кукушка, действительно решившись принести детям волченят и тем угодить барину.

А когда и сам барин добродушно одобрил эту мысль, Кукушка совсем успокоился: порубка дубков прошла, значит, благополучно... Он не знал, что барин говорил после его ухода.

— В детство впал старик. Только до лета и держу... У меня не богадельня...

А старик бодро ковылял по снежным полям к лесу. Скучно, говорят! Какая такая может быть скука, ежели сыт и тепел? Да и не впервой ему сидеть в караульщиках!

Он был приемыш, за что его и прозвали Кукушкой. В детстве он стерег скотину в качестве подпаса, в юности — в качестве пастуха и, значит, каждый год проводил месяцев по шести вдаль от людей. Потом его взяли в солдаты. Возвратясь в родную деревню, он женился и попробовал зажить жизнью «настоящего человека». Но из этого ничего не вышло. Он нанимался в будочники на чугунку, в конюха, в работники, — отовсюду его скоро увольняли. А жена его бросила чуть не через полгода после свадьбы.

— Шатается, как волк, — говорили про него мужики. — Непутевый малый!

И вот в том, что почти все отзывались о Кукушке таким образом, и заключалась одна из главных причин его непригодности к службе и работе. В кличках, которыми награждали Кукушку («шалава», «неудельный», «лодырь», «с дурью»), была

большая доля правды. Он действительно не отличался умом; но от кого ему было научиться разуму? Он был не «серьезный», не «хозяйственный» человек, но ведь он с детства слышал эти клички, с детства привык смотреть на себя как на «неудельного», обездоленного человека и невольно стал таким. Он был, наконец, ленив, раздражителен, любил выпить, жить спустя рукава; но все эти качества естественно вытекали из его участи... И кончилось тем, что его стали нанимать только на самую незначительную службу — на огороды, в сады, в ночные караульщики. Время от времени он стал и побираться. В летние ночи, когда колотушка его постукивала в тишине темной деревни, он бродил, напевая сиплым, задумчивым фальцетом. Тогда слышалось в его песне что-то хорошее и грустное, укор кому-то, но неясный укор, потому что Кукушка не любил долго и серьезно раздумывать о своей судьбе. Теперь он был уже стар и дряхл, но ему еще очень хотелось пожить поспокойней и получше. А в караулке ему было пока очень хорошо. Да и весна прошла дружно, весело.

Все время держалась настоящая весенняя погода. По ночам подмораживало и звезды усеивали темное небо. Но они уже не были так крупны, как зимою, и блестели чище и нежнее. В ночном воздухе чувствовалась легкая весенняя свежесть. А дни стояли солнечные, и лес весь день рисовался на голубом, безоблачном небе. С утра ветерок по-зимнему резко развеивал дым над трубой караулки. Заря ярко краснела из-за черного леса. Но по мере того как поднималось солнце, день теплел и веселел. В затишье сильно пригревало, и южная сторона избы и завалинка около нее оттаяли и потемнели. А потом около грязного порога образовалась лужа, корни деревьев окружились проталинами, прилетели жаворонки, снег в полях разрыхлел и начал быстро таять. Солнце наполняло караулку ярким блеском.

В такие дни Кукушка с особенным удовольствием сидел на лавке у окошка. Обойдя на заре лес, он тотчас принимался за топку, и к полудню обед был готов. Тогда он ставил чашку со щами на подоконник и ел, пригреваемый солнцем. За стеклами, которые дымились светлым паром, сидел на завалинке Мурзик и умильно глядел на еду. Кошка лезла к самой чашке, и Кукушка иногда больно, но ласково бил ее мокрой ложкой в лоб. А в избе было тепло, светло и вкусно пахло щами.

После обеда он спал или опять садился к окну, чинил одежду, подшивал свиной кожей валенки или промывал ружье. Иногда, когда на душе у него было особенно покойно, он много-много раз на разные лады повторял начало своей любимой песни:

Смолкни, пташка-канарейка!..

Но увы! эта мирная жизнь должна была скоро кончиться...

III

Однажды вечером, в начале апреля, когда в лесу весь снег уже насытился водою, Кукушка возвращался домой из обхода. Что-то заставило его поднять голову, и взгляд его упал на противоположную сторону луга, по скату которого он шел. Огромная волчица стояла там и, насторожившись, неловко согнув свою лобастую голову с чутко торчащими ушами, исподлобья и пристально смотрела на него. В полусвете сумерек она показалась ему большой желто-серой собакой. Но когда волчица повернулась, подсккнула и с опущенным хвостом неуклюжим скоком пошла вон из лесу, Кукушка растерялся, закричал, хотел даже выстрелить... Однако скоро спохватился и опустил ружье.

— Ах, жид те съешь! — сказал он с досадой, вспомнив, что обещался принести детям волченят. — Не стоило отпугивать! Надо выследить, где ощенилась.

Полая вода надолго помешала ему. В тот же вечер мутно-синеватая туча с запада закрыла все небо, и ночь наступила темная-претемная. А проснувшись перед рассветом, Кукушка услышал, что шумит проливной дождь: значит, началась настоящая весна... По лугам долго бушевали потоки, и Кукушка не решался забираться в глухие места по топкому снегу. Только уже после святой он каждую ночь стал выходить перед рассветом к северной опушке леса и так увлекался, что иногда по целым часам стоял на одном месте, прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь визг или подвывание, которым обыкновенно обмениваются волченята с матерью. Он не был еще уверен, точно ли волчица поселилась в его лесу.

Волченята между тем росли. Они прозрели и часто выползали теперь из норы. Они весело ползали и визжали, как щенята; а волчица сидела и ласково лизала их. Она холила, растила их и каждую ночь приносила к рассвету какую-нибудь добычу,

чаще всего — дохлых птиц. Но волченята приветствовали ее таким слабым визгом, что Кукушке он совсем не был слышен.

Тогда Кукушка решился действовать более энергично. Раз утром, позавтракавши, он запер сторожку на замок и отправился в село. Там он до позднего вечера проходил по знакомым мужикам, побывал у лавочника, у овчинника и везде просил «белого камня», то есть мышьяку, таинственно рассказывая всем, что хочет уморить волчиху. Но «белого камня» ни у кого не оказалось. Овчинник посоветовал ему, однако, отправиться в Веригино и обратиться к мельнику, известному крысомору. Не долго думая, Кукушка последовал совету. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик, он решился переночевать в селе и завтра же побывать в Веригине. Возвращаться в караулку было не по дороге. Но и там его ожидала неудача: крысомора не оказалось дома.

И вот только поздним вечером на другой день он явился в лес, зарядил ружье картечью, поужинал одним хлебом и лег спать, твердо решившись отправиться в овраги наудачу и взять у волчицы детенышей с бою.

Спал он крепко, но перед рассветом внезапно очнулся. «Пора!» — решил он и тотчас же слез с печи, взял ружье, захватил кусок хлеба и, кликнув Мурзика, зашагал к оврагам. Совсем еще была ночь, только по какой-то особенно чуткой тишине чувствовалось, что рассвет близко. Не совсем просохло, и земля перед рассветом подмерзла. Легкая прохлада была напоена запахом догнивающих прошлогодних листьев и первой зелени, которой, словно кружевом, был одет чернеющий в прозрачном полумраке лес. Робко и осторожно мерцала на побледневшем востоке серебряная утренняя звезда.

Вдруг откуда-то раздалось слабое повизгивание. Кукушка насторожился и замер на месте. Мурзик тоже остановился, однако не залаял. Визг повторился, и даже с притягиваньем. «Они!» — подумал Кукушка и, сопя, взвел курок. Если волчиха дома, надо положить ее с одного выстрела, а не то плохо будет... И с бьющимся сердцем он медленно стал пробираться по орешнику к оврагам... Вот уже можно различить камни, кустарник и самый глубокий лог оврага...

— Мурзик! — вполголоса крикнул Кукушка. И тотчас же, как бы в ответ ему, Мурзик залился звонким лаем, бросился вперед, отскочил назад и завыл, захлебываясь от волнения. Тогда Кукушка, уже не помня себя, побежал к оврагу. Каждую

секунду он ожидал, что из-за камней выскочит волчица, и держал наготове ружье. Вдруг что-то с визгом шарахнулось из-под его ног. Он остановился и увидел двух маленьких, головастых волченят, которые в страхе прижались к камням и, ошетинившись, дико смотрели на него.

— Мурзик, куси! — закричал Кукушка, оглянувшись, — нет ли волчицы. И не успели волченята опомниться, как уже оба были в мешке. Они отчаянно визжали и барахтались в нем, но Кукушка, не обращая на это внимания, перекинул мешок через плечо и почти бегом пустился к дому.

В тот же день перед вечером вся дворня на Кастюринском хуторе толпилась в конце сада около картофельной ямы: торжественно заключали туда волченят, и Кукушка был героем этого события.

— Лестницу-то, лестницу-то подставляй! — кричал он тоном командира, и когда лестница была спущена в яму, сам поспешно слез по ней и развязал мешок. Волченята выскочили из него, фыркнули и в диком ужасе прижались к стене.

— Барчуки, гляньте-ка суда-то! — кричал Кукушка глухим голосом из ямы; а дети уже давно, раскрасневшись, чего-то боясь и волнуясь, не спускали блестящих глаз с волченят.

— Митя, они голодные! — заикаясь, говорил Коля. — Пойдем скорей, принесем им пирожков и говядины.

А Кукушка, вылезши из ямы, в сотый раз рассказывал, как он изловил зверьков. Сам барин был заинтересован его рассказом, и Кукушка земли не чаял под собою от радости. Когда же ему поднесли водки и накормили, он отправился в лес с какой-то непонятной храбростью и всю дорогу пел свою песню про канарейку.

Но то, что ожидало его в лесу, положительно ошеломило его. Подходя к караулке, он еще издали увидел приказчика, рыжего, толстого мужика в пиджаке и длинных сапогах, ехавшего из луга к нему навстречу. Кукушка остановился около избы и уже приготовился и ему рассказать историю про волченят.

Но приказчик, подъехав к караулке, медленно и не глядя на него, слез с дрожek, замотал за передок вожжи и тогда уже только направился к избе. Он подошел к самому лицу Кукушки и вдруг усмехнулся.

— Ну, что? — сказал он тихо, — поймал волченят?

— Поймал, — ответил Кукушка дрогнувшим голосом.

— А шесть березок ты поймаешь, какие улетели, пока ты путешествовал?

— Какие березки? — пролепетал Кукушка.

— Какие? — переспросил приказчик, бледнея от злобы, и вдруг со всего размаху сшиб с Кукушки шапку.

Кукушка закричал диким голосом и побежал под гору.

Но приказчик не погнался за ним. Сопя и задыхаясь, он разматывал вожжи, сел на дрожки и, ударив по лошади, шибко показывал по дороге вон из лесу.

— Я с тобой управлюсь еще! — крикнул он на прощанье.

IV

Недели две Кукушка пролежал в караулке, прикидываясь совсем больным. Сначала он хотел подавать жалобу к мировому, потом — идти жаловаться барину... Но барин сам приехал в лес. Тут-то и прикинулся Кукушка совсем умирающим. Он плакал и говорил, что приказчик «убил» его. А приказчик с холодным спокойствием советовал ему побояться Бога, не брехать на старости лет, потому что он, приказчик, вовсе не бил, а только замахнулся на него.

— Вас не переслушаешь! — сказал барин, махнув рукой, и прибавил, что караулить лес он пришлет пока работника, а Кукушка может, если хочет, так жить в караулке.

Кукушка остался и по целым дням лежал на печке. На него нашло равнодушие ко всему; он только кряхтел, лениво вставал, чтобы поесть, а потом опять ложился и засыпал. Наконец, он жестоко переругался однажды с работником из-за Мурзика, которого работник ударил, и, трясущимися руками завязав в мешок свои пожитки, хлопнул дверью и пошел вон из лесу.

Был ли он на самом деле так сильно болен, как говорил, — неизвестно; несомненно, что он преувеличивал свою хворь, но несомненно и то, что он сильно постарел, пожелтел и похудел за эти две недели. И когда он ковылял по дороге к селу, где вскоре должна была быть ярмарка и, значит, хорошая работа нищим — он имел вид настоящего дряхлого старика-калеки...

Как-то в конце июня он навестил Кастюринский хутор. На дворе его окружили с громким лаем гончие, и он долго стоял, опустив мешок, не решаясь двинуться вперед и пошвыривая со-

бакам кусочки хлеба. Собаки на лету подхватывали их и опять продолжали лаять настойчиво и упорно, не пропуская его к дому.

Наконец из людской вышла кухарка.

— Проводи от собак-то! — закричал ей Кукушка.

— Да тебе кого надо-то?

— Барчуков. В доме они, что ль?

— Удержишь их в горнице, — ответила кухарка. — Сейчас опять с моим Федькой побегли на пруд. Какие-то плоты строят.

— Так проводи, милая.

— Мне некогда. Они и так не укусят.

Кукушка нерешительно направился к пруду. Собаки до самой плотины проводили его лаем, наконец отстали.

— Коль, а Коль! — услышал Кукушка голос Мити, плившего на спинке по пруду. — Стать тут-то?

— Стань! — отозвался Коля с берега. — Только тины достань со дна, а то ты нарочно...

Митя вскинул руками и пропал в воде. Через несколько секунд он вынырнул и опять закричал:

— Дна не достал! Тут страсть глубоко...

Появление Кукушки заставило Митю бросить нырянье.

— Кукушка, здравствуйте! — кричал он, поспешно направляясь к берегу.

А Коля уже бежал к Кукушке и сообщал ему:

— Волчонок-то издох. Другой только остался!

— Что ж так, барчук миленький? Ай плохо кормили?

Митя, с посиневшим лицом, со взъерошенными волосами, с грязью на подбородке, поспешно одевался и говорил, стуча зубами:

— Он был больной. Хотите, мы сейчас пойдем к ним?

— Пойдемте, барчуки, пойдемте.

Все трое отправились в сад, и по дороге Митя опять начал засыпать Кукушку вопросами:

— Кукушка, а Кукушка! А где ж ваш Мурзик-то?

— Потерял, барчук, на ярманке потерял. Отстал где-то и пропал...

— А ты на ярманке жил? — спросил Коля.

Митя сердито перебил его:

— Ты вечно, как баба, со своими глупостями! На ярмарке нельзя жить.

И, обратившись к Кукушке, спросил:

— Вы уже не будете больше у нас в лесу жить?
— Нет, барчук, — ответил Кукушка, — куда мне таперь наниматься.

— Отчего?

— Слаб я дюже, стар стал.

— А где ваш дом? В селе?

Кукушка грустно улыбнулся и посмотрел на Митю совсем тусклыми глазами.

— Дом? — сказал он. — Какой же у меня дом, барчук? У меня нетути дома, да и не было сроду никогда.

— Отчего? — изумленно воскликнул Коля.

— Не знаю, милый барчук, — видно, не надо.

Дети вопросительно переглянулись и, почувствовав что-то грустное в словах Кукушки, притихли.

— А жены у вас тоже нету? — немного погодя спросил Митя.

— Нету, барчук, ни жены, ни детей.

— Померли?

— Да их и не было никогда.

Это окончательно поставило детей в тупик. Они уже без оживления стали рассказывать Кукушке, как они кормили волчат костями, пирожками, как для них зарезали хромого жеребенка... Но видно было, что интерес к волчонкам ослабел у них.

Придя к картофельной яме, все трое стали заглядывать в нее и увидели тощего и шершавого зверька, который сидел, прижавшись, по своему обыкновению, в угол. Он был уже с порядочную собаку, но прежней резвости и прыткости в нем не осталось и следа.

— Он даже мяса не хочет есть, — сказал Коля жалобно. — А зимой он замерзнет; а папа говорит, что в дом его нельзя пустить.

— Известно, замерзнет, — равнодушно сказал Кукушка, садясь около ямы и нюхая табак. — Зимой нашему брату плохо, — прибавил он, загадочно улыбаясь в раздумье.

— Какому брату? — спросил Коля.

— Волчиному, — пояснил Кукушка. — Ведь я, барчук, тоже вроде волчонка. И название-то мое — Кукушка, значит, нетути у меня своего гнезда. И житье мое звериное. Беспременно я нынешней зимой замерзну. Пойдешь выпимши и замерзнешь.

— Водку выпьешь? — спросил Коля.

— Водку, милый барчук.

— А вы не пейте лучше, — сказал Митя, нахмурившись.

— А холодно-то? Рад бы не выпить, да выпьешь. Ходишь-ходишь, снегом тебя намочит, придешь в избу, отогреешься, а одежда-то мокрая. А пойдешь, хватить — метель подымет, ослабеешь, выпимши-то, ну и капут тут тебе!

— А вы живите у нас зимой, — проговорил Митя, еще больше нахмуриваясь и слегка дрожащим голосом, потому что ему было уже до слез жалко Кукушку.

Кукушка засмеялся и покачал головой.

— Ах, милый барчук, — сказал он, опять открывая тавлинку и нюхая табак. — Разве барин возьмет меня? Ведь нищих-то таких, как я, прямо боле тысячи человек в одной нашей округе.

— Да ведь папа одного тебя только возьмет, — перебил Коля.

— Не возьмет, барчук. Так уж на роду мне звериное житье положено. А за что? Ну, зверю — звериная честь, а мы ведь тоже крещеные люди. Правда, и без меня много народу останется, да ведь и то сказать: мне-то за что ж пропадать? Тоже недаром небось мне определено было родиться на белый свет...

И, помолчав, Кукушка прибавил нерешительным голосом:

— А вы вот что, барчуки, попросите лучше у папаши какой ни на есть рубашки старой. Моя-то сгнила, почитай.

Он раскрыл шинель и показал совсем истлевшую мутно-розовую рубашку, из ворота которой виднелась черная и худая грудь.

Дети переглянулись и, ни слова не говоря, побежали к дому.

— Мы сейчас! — крикнули они. Оба они покраснелись и говорили на бегу:

— Коль, а Коль! Тебе его жалко?

— А тебе?

— Я про тебя спрашиваю. А про себя все равно не скажу.

— Мне жалко, — сказал Коля жалобно. — Папа даст ему рубашку?

— Я две попрошу, — ответил Митя. — Только ты не говори кому. А то папа сердит был на него.

Через полчаса Кукушка стоял в доме, в лакейской, и говорил барину:

— Вот спасибо-то, ваше благородие! Мне теперь эти три рубашки до самой смерти пойдут. А то ведь похорониться не в чем. Все в беленькой-то попристойней положить.

Дворянская усадьба начала XX в.
Художник С.Ю. Жуковский. 1905 г.

Потом Кукушке дали водки, кусок пирога и четвертак денег. Он долго кланялся, благодарил всех и наконец сказал:

— Счастливо оставаться, ваше благородие. Я уж пойду, в Ястребине завтра ярманка.

Дети пошли его провожать, и по дороге через сад Кукушка стал советовать им выпустить волчонка:

- Выпустите его, барчуки, — все равно он околеет у вас.
- А если он замерзнет зимой? — возразил Коля.
- Небось не замерзнет. Может, он поправится.
- Хотите, мы его сейчас выпустим? — воскликнул Митя.
- Самое лучшее дело.
- А как?
- А лестницу ему поставим, сами спрячемся.

Кукушка положил мешок на траву и отправился с детьми за лестницей к погребу. Совместными усилиями все трое дотащили лестницу к яме, опустили ее туда и сели за кусты.

Ждать пришлось долго. Но вот из ямы показалась голова волчонка. Он нерешительно оглянулся — и опять скрылся.

— Он боится, — шепнул Коля, замирая от волнения.

— Погодите, барчук! — начал было Кукушка. Но вдруг волчонок сразу выскочил из ямы, присел и дико оглянулся.

— Улю-лю-лю! — закричал Кукушка не своим голосом.

Волчонок шарахнулся в сторону, подскакнул и боком-боком, прыжком пошел из сада в поле.

— Ну, и слава Богу! — сказал Кукушка. — Из-за него, из-за проклятого, меня и уволили-то... хоть, правду сказать, и без него все равно была бы та же честь... А теперь прощайте, милые барчуки!

— А ты не замерзнешь теперь? — спросил Коля.

— Нет, барчуки, нет! — захихикал Кукушка. — Таперь не замерзну.

Он кивнул им с ласковой улыбкой головой, перекинул мешок через плечо и, согнувшись, поплелся по полю в ту сторону, где скрылся волчонок. Долго были видны его спина с заплатой на шинели и дворянский картуз на голове...

А зимой предсказание Кукушки исполнилось. Перед святыми его нашли в лугу около леса замерзшим. Видно, он по старой памяти направлялся переночевать в караулку, в которой он провел так хорошо и покойно прошлой весной три месяца.

Но детям не сказали об этом, и они, к сожалению, скоро забыли и о волченятах, и о Кукушке.

1898

Вопросы и задания

?

1. В рассказе живут и действуют три группы образов: образы персонажи, образы животных и пейзаж. Приведите примеры для каждой группы.
2. Какими художественными средствами пользуется И.А. Бунин, создавая пейзажные образы? Подтвердите примерами.
3. Перечитайте первые три абзаца рассказа. Какой основной цвет вы бы использовали, рисуя иллюстрацию к началу произведения? Какая тональность задается И.А. Буниным уже в самом начале повествования?
4. Старая караулка органично вписана в пейзаж. Какими словами создается представление о ней? Составьте небольшой словарь.

5. Придумайте предложения, используя данные словосочетания: *уголь, как закрывающийся глаз; ветер шарил по крыше; день теплел и веселел; снег насытился водою*. Какие художественно-выразительные средства в них используются?
6. Расскажите о жизни главного героя. Откуда его прозвище?
7. Прочитайте отрывок от слов: «Он был приемыш...» до слов: «Да и весна прошла дружно, весело». Что в образе Кукушки подчеркивает автор?
8. В каких отношениях с миром природы находится Кукушка?
9. Запишите ключевые слова и словосочетания для характеристики Кукушки.
10. Как писатель относится к Кукушке? Есть ли в тексте ноты осуждения, неприятия? Найдите нужные слова и запишите их.
11. Прочитайте эпизод «За ужином» (от слов: «Пока варились картошки...» до слов: «...даровать ему тихую и скорую кончину...»). Есть ли детали в эпизоде, которые поразили вас?
12. В чем явный и скрытый конфликт рассказа? Аргументируйте свой ответ.
13. Прочитайте последнее предложение в рассказе. Каково его значение для понимания произведения в целом?
14. Какова роль рассказчика в «Кукушке»?
15. Какому эпизоду рассказа И.А. Бунина соответствует настроение, возникшее у вас благодаря картине художника С.Ю. Жуковского? Обоснуйте свой ответ.

Советуем прочитать

Бабореко А.К. Бунин. — М., 2004 (ЖЗЛ).

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ
КУПРИН**
1870—1938

ХУДОЖНИК ЗА РАБОТОЙ

Русский язык вызывал у Куприна благоговейное чувство. Образцы литературного творчества, оставленные великими русскими писателями, в особенности Пушкиным, Тургеневым, Чеховым, учили его неустанно проверять указания собственной художественной совести.

Работая над языком, писатель все время проверял себя и часто повторял: когда долго готовишь в уме какую-нибудь фразу, то она непременно в конце концов станет или худой, или пошлой, или напыщенно неестественной.

— Старайтесь во фразе быть покороче, — говорил он.

В статье «Памяти Чехова» Куприн писал о том, что Чехов, по его наблюдениям, «...неустанно работал над собой, обогащая свой прелестный разнообразный язык отовсюду: из разговоров, из словарей, из каталогов, из ученых сочинений, из священных книг. Запас слов у этого молчаливого человека был необычайно громаден».

Куприн вспоминал, как однажды Антон Павлович советовал ему: «Пишите, пишите, как можно больше... Не беда, если у вас не совсем выходит. Потом будет выходить лучше... Смотрите... вот вы пишете чудесно, а лексикон у вас маленький. Нужно набираться слов и оборотов, а для этого необходимо писать каждый день».

Куприн не терпел какого бы то ни было искажения русского языка и настойчиво боролся со всевозможными неоправданностями в этом отношении. Он знал народные говоры, быстро

А.И. Куприн. Фотография. 1914 г.

их схватывал, но никогда не увлекался областничеством, игрой в «фольклорные бирюльки», как он выражался, смеясь над некоторыми неумными стилизаторами, которых в начале века было предостаточно.

Куприн понимал «...прелесть старинных, иногда чуть-чуть книжных, иногда чисто народных оборотов речи, юмор не словечек, а положений, многозначительность пауз, меткие, лепкие сравнения...» и очень скорбел о том, что и у него, как у большинства писателей, нет привычки записывать по свежей памяти.

— Все нам некогда! — говорил он, укоризненно качая головой.

Язык простых людей писатель называл «цельным», имея в виду его меткость, способность попадать прямо в цель.

Н.К. Вержбицкий

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С А.И. КУПРИНЫМ

* * *

— ...Как вы смотрите на задачи художественного творчества?

— Я лично люблю правду голую, бьющую по головам и, как говорится, по сусалам¹. Потому нахожу, что писатель должен изучить жизнь, не отворачиваясь ни от чего... скверно ли пахнет, грязно ли — иди, наблюдай... Не пристанет, а живых документов зато не огребешь лопатой.

Август 1905

* * *

— Я верю в великое будущее русской литературы... Ни реакция, ни декаденты, ни символисты новой формации², ни городовые — никто не может загубить ее, помешать ее цвету...

Январь 1908

* * *

— Много времени отнимает у меня работа над рукописями; за последнее время у меня проявляется чрезмерная придирчивость к каждому слову, и чуть ли не четыре раза правлю одну и ту же вещь...

На меня очень дурно действует толпа; я поддаюсь не массовому психозу ее, но всегда невольно заражаюсь ее настроениями. Может быть, это отчасти оттого, что я ее видел с подмостков сцены, когда был актером в 1898 г. и находился в зависимости от ее настроений. Ведь я на сцене провел три четверти года; играл я в Сумах³ как актер на выходных ролях. Среда, в которой я тогда играл, была до невероятности некультурная, и все, вместе взятое, наложило, безусловно, свой отпечаток и на мое отношение к театру и к толпе... Из всех публичных представлений люблю больше всего цирки; там человек — каков он есть на самом деле. Сильный, смелый, подымает тяжести, прыгает, скачет на лошади, в каждом движении его пение и красота жизни...

Сентябрь 1913

¹ Сусала (просторечи.) — здесь: лицо; скулы.

² Декаденты, символисты новой формации — представители литературных движений конца XIX — начала XX в.

³ Сумы — украинский город.

— Есть люди, которые по глупости либо от отчаяния утверждают, что и без родины можно. Но, простите меня, все это притворщики перед самим собой. Чем талантливее человек, тем труднее ему без России.

Январь 1926

— ...Что говорить о нашем искусстве?! Это наша единственная большая радость и наше оправдание. Скажу по совести, что, может быть, благодаря русскому искусству при мне никто и никогда не отнесся к русским неделикатно и не любезно...

1927, начало года

Вопросы и задания

1. Составьте план по теме «Отношение А.И. Куприна к творчеству». Подготовьте рассказ по данному плану.

2. Чем взгляды Куприна на язык и его роль в творчестве, мысли о литературе и искусстве созвучны взглядам других русских писателей и чем отличаются?

КУСТ СИРЕНИ

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошел в свой кабинет. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпус-

Иллюстрации к рассказу «Куст сирени» —
художник Г.А.В. Траугот

тил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съемку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на все рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Она отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головной работой человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минут пять тяжелого молчания, тоскливо нарушаемого хромым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим: раз, два, три-три; два чистых удара, третий с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него также молча, с страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила первая, с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого труднобольного человека...

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он передернул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, все равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздраженно, как обыкновенно говорят, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Все к черту пошло!.. Всю эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами, — всю эту дрянь хоть в печку выбрасывай теперь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, черт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обиженным выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трех часов не ложился, нужно было окончить. План прекрасно вычерчен и иллюминирован. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Стал подчищать и еще больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил кучу деревьев на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Так, так, н-да. А откуда у вас здесь, поручик, кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как все было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеется, — аккуратный такой немец, педант. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут».

А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». Слово за слово, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут еще много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, говорит, что на этой седловине есть кусты, то извольте завтра же ехать туда со мной верхом... Я вам докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо с трехверстной карты...»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, Господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню. Самый безобразнейший педант, какие только есть на свете, да еще немец вдобавок... Ну и окажется в конце концов, что я лгу и в препирательство вступаю... Кроме того...

Во все время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швырнул их на пол. Видно было, что этому сильному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжелом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением вскочила с кресла.

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей.

Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли.

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением... А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращил глаза Николай Евграфович.

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не здесь ищешь, посмотри в шкафу... Зонттик!

Пока Алмазов, пробовавший было возражать, но невыслышанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и корбочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с солитером дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадет. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться, не забыто ли что-нибудь дома.

— Едем, — сказала она наконец решительно.

— Но куда же мы поедem? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять верст.

— Глупости... Едем!

Раньше всего Алмазовы заехали в ломбард. Видно было, что оценщик так давно привык к ежедневным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезенные вещи, что Верочка начинала

уже выходить из себя. Особенно обидел он ее тем, что попробовал кольцо с брильянтом кислотой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий брильянт, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, и то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Нам это все равно-с, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросая на чашечку весов следующую вещь, — мы оцениваем только металлы-с.

Зато старинный и погнутый браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценен очень дорого. В общем, однако, набралось около двадцати трех рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, белая петербургская ночь уже разлилась по небу и в воздухе синим молоком. Садовник, чех, маленький старичок в золотых очках, только что сидел со своей семьей за ужином. Он был очень изумлен и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настойчивые просьбы отвечал очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать в такую даль рабочих. Если вам угодно будет завтра утром — то я к вашим услугам.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но когда Вера дошла до того, как у нее возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать, — скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако из всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, все время, пока сажали кусты, горячо суежилась и мешала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дерн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю седловинку.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походке, узнала, что история с кустами кончилась благополучно... Действительно, Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он еще за десять шагов в ответ на тревожное выражение женина лица. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, вашество». — «Березка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, березка, вашество». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорит, меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его еще и еще раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Прохожие с недоумением останавливались, чтобы еще раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже глупости, и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком...

1894

Вопросы и задания

1. Сюжет рассказа удивительно прост. Назовите основные события в рассказе.

Анекдот — краткий устный рассказ с остроумной концовкой. Анекдоты могут иметь сатирическую или шутивную окраску. Одно время к анекдотам относили краткую народную бытовую сказку. В печати анекдоты появились на Руси в XVII — XVIII вв.

2. Можно ли говорить о том, что в основе рассказа А.И. Куприна лежит литературный анекдот? Аргументируйте свой ответ.

3. Во многих произведениях А.И. Куприна сильнее, активнее, практичнее оказывается женщина. Применителен ли данный тезис к рассказу «Куст сирени»? Чем помогла Верочка Алмазову?

4. Есть ли в рассказе «говорящие» фамилии и имена? Если есть — о чем они «говорят»? Дайте развернутый ответ.

5. Какова художественная идея рассказа?

6. Какими предстают персонажи рассказа А.И. Куприна в рисунках Г.А.В. Траугота? Какие детали способствуют передаче характера того или иного героя?

Живое слово

Напишите небольшой рассказ с остроумной и неожиданной концовкой или дайте отзыв на финальный эпизод рассказа «Куст сирени».

ALLEZ!¹

Этот отрывистый, повелительный возглас был первым воспоминанием mademoiselle Норы из ее темного, однообразного, бродячего детства. Это слово раньше всех других слов выговорил ее слабый, младенческий язычок, и всегда, даже в сновидениях, вслед за этим криком вставали в памяти Норы: холод нетопленной арены цирка, запах конюшни, тяжелый галоп лошади, сухое щелканье длинного бича и жгучая боль удара, внезапно заглушающая минутное колебание страха.

— Allez!..

В пустом цирке темно и холодно. Кое-где, едва прорезавшись сквозь стеклянный купол, лучи зимнего солнца ложатся слабыми пятнами на малиновый бархат и позолоту лож, на щиты с конскими головами и на флаги, украшающие столбы; они играют на матовых стеклах электрических фонарей и скользят по стали турников и трапещий там, на страшной высоте, где перепутались машины и веревки. Глаз едва различает только первые ряды кресел, между тем как места за ложами и галерея совсем утонули во мраке.

Идет дневная работа. Пять или шесть артистов в шубах и шапках сидят в креслах первого ряда около входа в конюшни и курят вонючие сигары. Посреди манежа стоит коренастый, коротконогий мужчина с цилиндром на затылке и с черными усами, тщательно закрученными в ниточку. Он обвязывает длинную веревку вокруг пояса стоящей перед ним крошечной пятилетней девочки, дрожащей от волнения и стужи. Громадная белая лошадь, которую конюх водит вдоль барьера, громко фыркает, мотая выгнутой шеей, и из ее ноздрей стремительно вылетают струи белого пара. Каждый раз, проходя мимо человека в цилиндре, лошадь косится на хлыст, торчащий у него из-под мышки, и тревожно храпит и, прядая, влечет за собою упирающегося конюха. Маленькая Нора слышит за своей спиной ее нервные движения и дрожит еще больше.

¹ Вперед, марш! (фр.)

Две мощные руки обхватывают ее за талию и легко сбрасывают на спину лошади, на широкий кожаный матрац. Почти в тот же момент и стулья, и белые столбы, и тиковые занавески у входов — все сливается в один пестрый круг, быстро бегущий навстречу лошади. Напрасно руки замирают, судорожно вцепившись в жесткую волну гривы, а глаза плотно сжимаются, ослепленные бешеным мельканием мутного круга. Мужчина в цилиндре ходит внутри манежа, держит у головы лошади конец длинного бича и оглушительно щелкает им...

— Allez!..

А вот она, в короткой газовой юбочке, с обнаженными худыми, полудетскими руками, стоит в электрическом свете под самым куполом цирка на сильно качающейся трапещии. На той же трапещии, у ног девочки, висит вниз головою, уцепившись коленами за штангу, другой коренастый мужчина в розовом трико с золотыми блестками и бахромой, завитой, напомаженный и жестокий. Вот он поднял вверх опущенные руки, развел их, устремил в глаза Норы острый, прицеливающийся и гипнотизирующий взгляд акробата и... хлопнул в ладони. Нора делает быстрое движение вперед, чтобы ринуться вниз, прямо в эти сильные, безжалостные руки (о, с каким испугом вздохнут сейчас сотни зрителей!), но сердце вдруг холодеет и перестает биться от ужаса, и она только крепче стискивает тонкие веревки. Опущенные безжалостные руки подымаются опять, взгляд акробата становится еще напряженнее... Пространство внизу, под ногами, кажется бездной.

— Allez!..

Она балансирует, едва переводя дух, на самом верху «живой пирамиды» из шестерых людей. Она скользит, извиваясь гибким, как у змеи, телом, между перекладинами длинной белой лестницы, которую внизу кто-то держит на голове. Она перевертывается в воздухе, взброшенная наверх сильными и страшными, как стальные пружины, ногами жонглера в «икарийских играх». Она идет высоко над землей по тонкой, дрожащей проволоке, невыносимо режущей ноги... И везде те же глупо красивые лица, напомаженные проборы, взбитые коки, закрученные усы, запах сигар и потного человеческого тела, и везде все тот же страх и тот же неизбежный, роковой крик, одинаковый для людей, для лошадей и для дрессированных собак:

— Allez!..

Ей только что минуло шестнадцать лет, и она была очень хороша собою, когда однажды во время представления она сорвалась с воздушного турника и, пролетев мимо сетки, упала на песок манежа. Ее тотчас же, бесчувственную, унесли за кулисы и там, по древнему обычаю цирков, стали изо всех сил трясти за плечи, чтобы привести в себя. Она очнулась и застонала от боли, которую ей причинила вывихнутая рука. «Публика волнуется и начинает расходиться, — говорили вокруг нее, — идите и покажитесь публике!..» Она послушно сложила губы в привычную улыбку, улыбку «грациозной наездницы», но, сделав два шага, закричала и зашаталась от невыносимого страдания. Тогда десятки рук подхватили ее и насильно вытолкнули за занавески входа, к публике.

— Allez!..

В этот сезон в цирке «работал» в качестве гастролера клоун Менотти, — не простой, дешевый бедняга-клоун, валяющийся по песку, получающий пощечины и умеющий, ничего не евши со вчерашнего дня, смешить публику целый вечер неистощимыми шутками, — а клоун-знаменитость, первый соло-клоун и подражатель в свете, всемирно известный дрессировщик, получивший почетные призы и так далее и так далее. Он носил на груди тяжелую цепь из золотых медалей, брал по двести рублей за выход, гордился тем, что вот уже пять лет не надевает других костюмов, кроме муаровых, неизбежно чувствовал себя после вечеров «разбитым» и с приподнятой горечью говорил про себя: «Да! Мы — шуты, мы должны смешить сытую публику!» На арене он фальшиво и претенциозно пел старые куплеты, или декламировал стихи своего сочинения, или продерживал думу и канализацию, что, в общем, производило на публику, привлеченную в цирк бесшабашной рекламой, впечатление напыщенного, скучного и неуместного кривлянья. В жизни же он имел вид томно-покровительственный и любил с таинственным, небрежным видом намекать на свои связи с необыкновенно красивыми, страшно богатыми, но совершенно наскучившими ему графинями.

Когда, излечившись от вывиха руки, Нора впервые показала в цирк, на утреннюю репетицию, Менотти задержал, здороваясь, ее руку в своей, сделал устало-влажные глаза и ослабленным голосом спросил ее о здоровье. Она смутилась, покраснела и отняла свою руку. Этот момент решил ее участь.

Через неделю, провожая Нору с большого вечернего представления, Менотти попросил ее зайти с ним поужинать в ресторан той великолепной гостиницы, где всемирно знаменитый, первый соло-клоун всегда останавливался.

Отдельные кабинеты помещались в верхнем этаже, и, взойдя наверх, Нора на минуту остановилась — частью от усталости, частью от волнения и последней целомудренной нерешимости. Но Менотти крепко сжал ее локоть. В его голосе прозвучала звериная страсть и жестокое приказание бывшего акробата, когда он прошептал:

— Allez!..

И она пошла... Она видела в нем необычайное, верховное существо, почти Бога... Она пошла бы в огонь, если бы ему вздумалось приказать.

В течение года она ездила за ним из города в город. Она стерегла брильянты и медали Менотти во время его выходов, надевала на него и снимала трико, следила за его гардеробом, помогала ему дрессировать крыс и свиней, растирала на его физиономии кольдкрем и — что всего важнее — верила с пылом идолопоклонника в его мировое величие. Когда они оставались одни, он не находил, о чем с ней говорить, и принимал ее страстные ласки с преувеличенно скучающим видом человека, пресыщенного, но милостиво позволяющего обожать себя.

Через год она ему надоела. Его расслабленный взор обратился на одну из сестер Вильсон, совершавших «воздушные полеты». Теперь он совершенно не стеснялся с Норой и нередко в уборной, перед глазами артистов и конюхов, колотил ее по щекам за непришитую пуговицу. Она переносила это с тем же смирением, с каким принимает побои от своего хозяина старая, умная и преданная собака.

Наконец однажды, ночью, после представления, на котором первый в свете дрессировщик был освистан за то, что чересчур сильно ударил хлыстом собаку, Менотти прямо сказал Норе, чтобы она немедленно убиралась от него ко всем чертям. Она послушалась, но у самой двери номера остановилась и обернулась назад с умоляющим взглядом. Тогда Менотти быстро подбежал к двери, бешеным толчком ноги распахнул ее и закричал:

— Allez!..

Но через два дня ее, как побитую и выгнанную собаку, опять потянуло к хозяину. У нее потемнело в глазах, когда ла-

кей гостиницы с наглой усмешкой сказал ей: «К ним нельзя-с, они в кабинете, заняты с барышней-с».

Нора взошла наверх и безошибочно остановилась перед дверью того самого кабинета, где год тому назад она была с Менотти. Да, он был там: она узнала его томный голос переутюжившейся знаменитости, изредка прерываемый счастливым смехом рыжей англичанки. Она быстро отворила дверь.

Малиновые с золотом обои, яркий свет двух канделябров, блеск хрусталя, гора фруктов и бутылки в серебряных вазах, Менотти, лежащий без сюртука на диване, и Вильсон с расстегнутым корсажем, запах духов, вина, сигары, пудры, — все это сначала ошеломило ее; потом она кинулась на Вильсон и несколько раз ударила ее кулаком в лицо. Та завизжала, и началась свалка...

Когда Менотти удалось с трудом растащить обеих женщин, Нора стремительно бросилась перед ним на колени и, осыпая поцелуями его сапоги, умоляла возвратиться к ней. Менотти с трудом оттолкнул ее от себя и, крепко сдавив ее за шею сильными пальцами, сказал:

— Если ты сейчас не уйдешь, дрянь, то я прикажу лакеям вытащить тебя отсюда!

Она встала, задыхаясь, и зашептала:

— А-а! В таком случае... в таком случае...

Взгляд ее упал на открытое окно. Быстро и легко, как привычная гимнастка, она очутилась на подоконнике и наклонилась вперед, держась руками за обе наружные рамы.

Глубоко внизу на мостовой грохотали экипажи, казавшиеся сверху маленькими и странными животными, тротуары блестя после дождя, и в лужах колебались отражения уличных фонарей.

Пальцы Норы похолодели, и сердце перестало биться от минутного ужаса... Тогда, закрыв глаза и глубоко переведя дыхание, она подняла руки над головой и, поборов привычным усилием свою слабость, крикнула, точно в цирке:

— Allez!..

1897

Для вас, любознательные

А.И. Куприн долго искал наиболее подходящее заглавие рассказу. Он называл его: «Мишура», «В цирке», «Гимнастка», жаловался в письме к К.П. Пятницкому от 23 ноября 1902 года: «...заглавие никак не могу придумать. Остановился на заглавии «Акробатка». Под названием «Вперед!» рассказ появился в «Нижегородском сборнике», вышедшем в Петербурге в издании «Знания» в 1905 году. Французское «allez!» здесь и в тексте заменено русским «вперед!». В 1906 году, готовя свое Собрание сочинений, автор вернулся к первоначальному названию рассказа. Куприн в этом издании с исключительной тщательностью провел стилистическую правку всего рассказа и заменил цирковую терминологию: граден, лонжа, кожаное плато — общеупотребительными словами: галерея, веревка, кожаный матрац. И, наоборот, в некоторых случаях, чтобы придать фразе большую точность и значительность, Куприн вводит профессиональные названия, — например, «уцепившись коленами за палку» он заменяет на «уцепившись коленами за штангу».

В статьях того времени давалась положительная оценка рассказа. Так, на страницах «Киевского слова» (1898 г., 7 января) была опубликована такая рецензия: «Очень удачны также рассказы из цирковой жизни, очевидно хорошо знакомой автору. Рассказы «Лолли», «Сон Цезаря», «Allez!»... яркими и сильными штрихами рисуют нам всю неприглядную картину цирковых нравов, отличительными чертами которых являются зверская жестокость и возмутительная нравственная распущенность. Все эти укротители зверей, опьяненные сами и опьяняющие зрителей, гимнасты, «работающие» на громадной высоте и ежеминутно рискующие разбиться насмерть, несчастные дети, дрожащие, как в лихорадке, и попускаемые ударами хлыста, развратные solo-клоуны, бессмысленные фигляры на арене и герои подлых романов в жизни, — все они рельефно вырисовываются перед читателями». Среди ранних рассказов писателя, посвященных цирковым наездникам, акробатам, «Allez!» больше других привлек внимание читателей.

Высокую оценку дал рассказу Л.Н. Толстой. П.А. Сергиенко сделал такую запись в декабре 1906 года: «Вечером вышел Лев Николаевич Толстой к чаю оживленный и заговорил о Куприне, которого прочитал почти всю книжку. Был доволен Куприным.

— Особенно хороши два маленьких рассказа: «Allez!» и «Поздний гость»... «Allez!» — прелестный рассказ. Хотите послушать?

Сухотин начал читать и прочел очень хорошо. Лев Николаевич все время восхищался и делал сочувственные реплики: «Гм!», после чтения сказал:

— Как все у него сжато. И прекрасно. И как он не забывает, что и мостовая блестела и все подробности. А главное, как это наглядно сдернута вся фальшивая позолота цивилизации и ложного христианства.

Я обратил внимание на особенную затруднительность выдержать правдивость, подгоняя эпизоды под «allez».

— Да, да, интересно было бы знать, какое первое «allez» дало ему тему.

Одно только «allez» показалось ему искусственным — когда Минота ведет девушку в кабинет.

— Тут можно сказать «entrez» или что-нибудь другое.

Мы с Сухотиным сказали, что тут «allez» у Миноты наиболее характерно, как циническая шутка.

Лев Николаевич согласился и опять с нежностью и теплотой заговорил о Куприне:

— Кланяйтесь ему от меня и скажите, чтобы он, ради Бога, не слушался критиков. У него настоящий, прекрасный, настоящий талант. Удержался бы только на должном месте».

А. Измайлов в своей книге «Литературный Олимп» также передает мнение Толстого о рассказе: «Это настоящий писатель... Он мне доставляет такое удовольствие, что я, случается, читаю его семье вслух. Вы знаете «В казармах»?.. Как он прекрасно взял солдата!.. И «Allez!». И еще один отзыв об «Allez!»: Н. Гусев вспоминает, как Толстой читал вслух рассказ и «даже не мог дочитать от слез — так трогает его этот рассказ. По окончании чтения он сказал: «В искусстве главное — чувство меры... Достоинство Куприна в том, что ничего лишнего».

По В.Г. Титовой

Вопросы и задания

1. Какие рассказы А.И. Куприна о цирке и жизни цирковых артистов вы знаете? На чем прежде всего сосредотачивает свое внимание писатель?
2. Как вы думаете, почему автор не сразу оставил окончательное название рассказа?
3. Ключевыми словами, взятыми из текста, обозначьте основные события, составляющие сюжет произведения.
4. На какие важнейшие детали в рассказе обращает внимание Л.Н. Толстой? Что в его оценках помогло вам глубже понять смысл повествования?
5. Какие детали помогли вам лучше понять поступки Норы?

После уроков

Подготовьте вопросы для дискуссии «Что есть доброта?». Найдите и прочитайте другие произведения для обсуждения на эту тему.

Советуем прочитать

Куприна К.А. Куприн — мой отец. — М., 1979.

ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ
1893—1930

Вечера Маяковского!

Дремать нельзя, надо спешить!

Политехнический музей раскачивает толпа. Сюда бегут, обгоняя лошадей, и протискиваются в открытые двери.

Крутой амфитеатр густо заполнен гостями Маяковского — хозяин гостеприимный и разговорчивый. Но у всех особое ожидание: что-то будет?.. и какой он сегодня?.. У новичков замирает сердце. Должен выйти чудо-человек, или гигант, или что-то вроде колокольни Ивана Великого — что-то несообразно огромное, разговаривающее с домами.

А выходит поэт — человек, в котором просторно располагаются все человеческие чувства. Он сообщает, что живет с нами в один день, в один час, на одной земле, в одной с нами стране, что он ходит только по солнечной стороне и всегда на виду, что все его мысли и поступки известны нам через его стихи, что он гостеприимный и общительный человек. И я понял отлично, что это его манера жить в большом обществе, что так он общается с друзьями.

...Бывая на его вечерах, я стал... его негласным учеником. Смысловая сторона его творчества меня восхищала, стилистическая поражала новизной: своеобразный ритм, интонация, порой разговорная, порой пафосная, приводили к желанию полнее познать структуру его стиха, а этому мог научить только автор...

Откуда у него такое просторное слово в смысле его произносимости и как это получается в его чтении — вот чему я

удивлялся. Помню с детства, я качался на качелях. Упоительны в этом были взлеты в небо и известная закономерность таких взлетов, упругость воздуха и звон в ушах — такая в этом была сила, что дух захватывало. Есть в стихах Маяковского нечто такое же притягательное, задорное и молодое. Его стихотворная строка похожа на дугу, описанную брошенным камнем: камень летит, достигает кульминации, падает — таков строй его стиха.

Или так: лодка взбирается на гребень волны, она скользит с волны на волну, то исчезая, то вновь появляясь, пересекая порой линии горизонта. Подобна лодке его строка, она идет на волнах ритма. Я превосходно уяснил структуру его стихов...

В каждом стихотворении Маяковского правда мысли и чувства соответствуют правде ритма. В этом, можно сказать, единство формы и содержания его поэзии. Он берет картины, сюжеты из жизни в их неповторимом естестве, с точным, только им присущим ритмом. Об этом поэт предельно ясно сказал в своем замечательном исследовании «Как делать стихи?». И я уверен, что под этими положениями могли бы подписаться все великие поэты мира.

СРЕДА, 26 ВЫСТУПИТ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ЗАЛ ГОС. ЛН. КАПЕЛЛЫ

ХОРОШО!

1. Шепест знамен.
2. Вей!
3. Голова прикинута повороченно.
4. Укасты ны.
5. Извольте поимать!
6. Я, товарищ, из осенней сны.
7. История тут временные? слез!
8. Таракану, Александр Блок!
9. Мир емь страх так.
10. Господи помещики, соберите плечи на!
11. Дяденька, что вы делаете тут?
12. Дни отечества.
13. С пенным в ладке и с ногом в руке.
14. Трансаль, Трансаль, страва моя.
15. Есть революция, а нету масла.
16. Кто знает? — в джунгли от, из джунгли.
17. Два морозника несут за зеленые хвосты.
18. Мы только ножи, мы идем кормишки.
19. Сперд кату и удари, словачи.
20. Пою нов отечество, услужлику мою.
21. Место лобное для голов умаснонеудобно.
22. Хорошо!

Начало в 8 час. 15 мин. II. ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ И ВОПРОСЫ.

Афиша творческого вечера В.В. Маяковского. 1927 г.

В.В. Маяковский. Фотография А.М. Родченко. 1927 г.

«Поэт должен развивать в себе именно чувство ритма и не заучивать чужие размерчики; ямб, хорей, даже канонизированный свободный стих — это ритм, приспособленный для какого-нибудь конкретного случая и именно только для этого конкретного случая годящийся», — пишет Маяковский.

Маяковский умел смотреть и запоминать. Запечатленное в его памяти сохранялось навсегда, чтобы потом воплотиться в зримом слове.

В.Н. Яхонтов

Вопросы и задания

1. Как вы представляете себе атмосферу в Политехническом музее на вечере поэзии В.В. Маяковского?
2. Чему учился актер, чтец-исполнитель В.Н. Яхонтов у поэта В.В. Маяковского?

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(ПУШКИНО, АКУЛОВА ГОРА, ДАЧА РУМЯНЦЕВА, 27 ВЕРСТ
ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкина горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце а́ло.

И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шлаться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармод!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,

Иллюстрации к стихотворению «Необычайное приключение...» —
художник Н.А. Долгоруков

чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
ввалилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
skonфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —

и степенность
забыв,
сизжу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста¹,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй!—
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,

¹ РОСТА — Российское телеграфное агентство. Именно сюда пришел работать Маяковский, чтобы своим пером (и как художник, и как поэт) служить Отечеству. В РОСТА он создавал плакаты на злободневные для страны темы и делал к ним подписи. Маяковский всегда гордился этой работой, считал ее крайне важной.

а ты — свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

1920

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В.В. МАЯКОВСКОГО

«Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающихся поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный лом, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала...

Дозировать аллитерацию надо до чрезвычайности осторожно и по возможности не выпирающими наружу повторами... Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова. Можно прибегать к аллитерации для простой игры словами, для поэтической забавы...

Одним из серьезных моментов стиха, особенно тенденциозного, декламационного, является концовка. В эту концовку обычно ставятся удачнейшие строки стиха...»

В.В. Маяковский. Как делать стихи?

Аллитерация — повторение согласных звуков для создания звукового образа и усиления выразительности звучания стихотворения.

1. Приведите примеры использования Маяковским упомянутых им приемов.
2. Важнейшим приемом создания звукообраза является аллитерация. Найдите аллитерации в стихотворении. Объясните их выразительную роль.
3. Какими еще приемами создается звукообраз? Подтвердите примерами.
- 4*. За счет чего в стихотворении возникает фантастическая ситуация? А за счет чего она «снижается», переходит в иную? В какую?
5. Чего достигает поэт, используя высокую лексику одновременно с просторечными словами? Приведите примеры.
6. «...Под солнц двустволкой пала...» Какую двустволку имеет в виду поэт? Почему он использует именно этот образ?

7. Попробуем записать строки стихотворения не «лесенкой», как у Маяковского, а привычной строфой. Например:

А завтра снова мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем ужасно злить
меня вот это стало.

Почему для В. Маяковского важно иное написание стихов, почему существенна именно «лесенка»? Чего достигает поэт?

8. Маяковский говорил, что самые значимые, важные слова он всегда ставит в рифму, ибо здесь, в конце стиха, еще более увеличивается пауза, и слово в рифме приобретает особое значение. Составьте словарь рифмующихся слов стихотворения. Насколько содержательна рифма в этом стихотворении?

9. Какова роль тропов и фигур в стихотворении «Необычайное приключение...»?

10. Очевидно, что основную смысловую нагрузку в стихотворении несут последние строки. Прочитайте их выразительно. О чем они? Какая важная для поэта тема здесь прозвучала и какая сформулирована мысль? Найдите в тексте стихотворения то место, где впервые появляется эта тема.

11*. Как вы думаете, можно ли «делать» стихи? Если да, то до какой степени? Не считаете ли вы, что «сделанных» стихов сегодня слишком много?

Пофантазируем

Вы прочитали словосочетание *жара плыла*. Как вы представили себе этот образ? Попробуйте изобразить на рисунке (или передать устно).

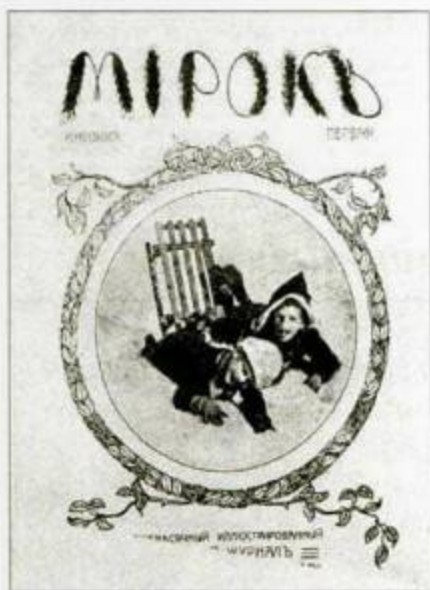

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН**
1895—1925

О СЕБЕ (Фрагмент)

...Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не получилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

«Мирок», 1914, № 1. Обложка детского журнала, в котором было опубликовано первое стихотворение С.А. Есенина «Береза»

Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий свел меня с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась при всей нашей внутренней распри большая дружба.

В эти годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1,5 года, и снова уехал в деревню.

В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.

Дарственная надпись
А.А. Блока С.А. Есенину.
9 марта 1915 г.

Записка С.А. Есенина А.А. Блоку

А.А. Блок. Фотография, 1907 г.

Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

...В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений, — они в моих стихах.

Октябрь 1925

Вопросы и задания

1. Какие поэты-современники оказали большое влияние на молодого Есенина? Произведения кого из них вы читали?
2. Как вы поняли последнюю строку автобиографии?
3. Рассмотрите фотографии поэта, данные в этом разделе. Какие черты характера Есенина они отражают? По возможности найдите другие фотографии поэта и дополните свой ответ.

РОДНЫЕ КРАЯ

Никогда Есенин не приезжал так часто в родную деревню, как в последние годы жизни. В 1924 г. он бывал там два раза, в 1925-м — пять раз и собирался в шестой. Сестра поэта, Александра Есенина, рассказывает:

«Он приезжал в деревню, чтобы в тишине работать над стихами, чтобы вновь и вновь ощутить привычную ему с детства обстановку тихой деревенской жизни... Работал он своеобразно: долго, иногда часами, ходил по комнате из угла в угол, обдумывая стихи. Обдумав строчку, он садился и записывал ее, потом вставал и вновь ходил по комнате...»

Деревенское время поэт делил между прогулками, беседами с односельчанами, рыбной ловлей и работой над стихами... В погожее время поэт целыми днями пропадал на лугах или на Оке, как было, например, в июле 1925 г.: на двое суток исчез из дома с рыбаками и, вернувшись, написал:

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен,
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

1925

Все эти произведения пронизаны глубокой, через все невзгоды пронесенной любовью к отчему краю:

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

С.А. Есенин. Фотография. 1922 г.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

<...>

1925

Авторские переживания в этих стихах отличаются изумительной нежностью и чистотой. В них выражено многое из того, что можно было бы считать сокровенным, личным, домашним: сыновнее чувство к матери, братская привязанность к сестре, радость дружбы, тоска разлуки, сожаление по рано ушедшей юности...

Сила поэтического дара Есенина в том, что самые сокровенные чувства он мог выразить в словах обыденных, неброских, но пронизанных истинным трепетом души и потому безраздельно покоряющих читательское сердце.

Вопросы и задания

?

1. Почему С.А. Есенин чувствовал внутреннюю потребность постоянного «возвращения» в отчие края?
2. К каким темам обращался поэт в последние годы жизни?
3. Запишите ключевые слова и словосочетания для рассказа о своеобразии есенинских стихов о родных краях и близких людях.
4. Прочитайте внимательно стихотворение «Каждый труд благослови, удача!..». Чем поэту близки люди труда?
5. Из каких конкретных образов в отрывке из стихотворения «Спит ковыль. Равнина дорогая...» складывается образ родного края?

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

Вопросы и задания

?

1. В первой строчке стихотворения «Я покинул родимый дом...» задается его основная тема — тема ухода. Что значит для поэта отчий край? Чтобы ответить на этот вопрос, составьте словарь ключевых слов и словосочетаний и только после этого сделайте вывод.
2. Какое чувство испытывает поэт? Ответьте одним словом из стихотворения, а после этого сформулируйте развернутый ответ.
3. Какой предстает в стихотворении Русь? Обратите внимание на скрытые сравнения, помогающие создать образ Родины.
4. Русь в стихотворении — это родная природа или что-то еще? Свой ответ аргументируйте.

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растрченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветъ.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

С.А. Есенин с сестрой Е.А. Есениной на
Пречистенском бульваре в Москве. 1925 г.

Вопросы и задания

- 1*. Стихотворение было положено на музыку. Послушайте один из романсов. Как вы думаете, какое чувство, настроение стремился передать в музыке композитор?
2. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения: отметьте ключевые слова, расставьте логические ударения, определите места пауз (коротких и протяженных), подумайте над интонацией не только каждой строки, но и над интонационным рисунком всего стихотворения. Только после этого приступайте к выразительному чтению.
3. Подумайте: есть ли нечто общее у этого стихотворения с предыдущим — «Я покинул родимый дом...»? Обоснуйте свой вывод.
4. В стихотворении тоже есть тема ухода. В каких строках (словах, словосочетаниях) она проявляется? Выпишите их.
5. Как вы поняли строку «В саду горит костер рябины красной...»? Какое выразительное средство используется в ней? Назовите другие выразительные средства в стихотворении и определите их назначение.
6. В тексте есть слово, придуманное поэтом. Найдите его. Прочитайте строку с этим словом. Какой образ возникает у вас при чтении? Опишите его.
7. Вы прочитали фрагмент автобиографии Есенина. Как вы понимаете строчку «И ничего в прошедшем мне не жаль»? Рассказанное в автобиографии дает возможность полностью ответить на вопрос? Почему «не жаль» трижды повторяется в стихотворении?
8. И все-таки в центре стихотворения — не пейзаж и не тема ухода, а мысль о бессмертной красоте жизни. В каких словах заключена эта мысль? Есть ли в стихотворении другие мотивы? Если да, то какие? Назовите их.

Советуем прочитать

1. Прокушев Ю.Л. Колыбель поэзии. М.: Детская литература, 1982.
2. Эвентов И.С. Сергей Есенин: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987.
3. Шубникова-Гусева Н.И. С.А. Есенин в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2002.

После уроков

Сами определите тематику и форму вашего внеурочного творческого дела. Это может быть вечер «Песни и романсы на стихи С.А. Есенина», или час одного стихотворения («Мой Сергей Есенин»), или заочная литературно-краеведческая экскурсия («Есенинское Константиново», «Есенинская Москва»).

Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского (ныне здание РГГУ). Миусская площадь, д.6. Фотография. Начало XX в.

ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ
ШМЕЛЕВ
1873—1950

Иван Сергеевич Шмелев родился и вырос в купеческой замоскворецкой семье, в той среде, о которой так много писал русский драматург А.Н. Островский. Но это было уже другое купечество. Оно изменилось, как изменилась вся Россия.

Дед И.С. Шмелева по линии отца — из государственных крестьян деревни Гуслицы Богородского уезда Московской губернии — был глубоко верующим человеком. В период правления царевны Софьи участвовал в спорах и борьбе за веру. Предки матери тоже выходцы из крестьян. Так что корни писателя были исконно русскими.

Учился И.С. Шмелев в 6-й московской гимназии. Страстно увлекался чтением. Больше всего боготворил Пушкина, а его Татьяну Ларину считал олицетворением женского идеала.

Шмелев — писатель удивительный. И в первую очередь обращает на себя внимание оригинальный, замечательный язык его прозы. Он наследует традиции великой русской литературы, прежде всего творчества Пушкина, которое он считал вершиной литературного искусства. И Достоевский — заступник угнетенных и страдающих, увидевший в них высокие чувства, смятенную и богатую душу, был близок писателю. Шмелев говорил: «Великое наше счастье, великая слава наша: есть у нас двое величайших: Пушкин и Достоевский...»

По-своему, «до самозабвения», по словам самого писателя, он любил Россию всегда: и в пору своей юности, и в годы невзгод в Крыму, и в эмиграции¹. А в России — Москву белока-

¹ *Эмиграция* — отъезд из страны по политическим, экономическим или религиозным мотивам.

Вид на Московский Кремль. Фотография. Начало XX в.

менную. Любил ее говор, ее разнообразный, ни на кого не похожий люд, ее песни. Эта любовь проявилась во многих его рассказах, в том числе и в рассказе «Русская песня».

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я с нетерпением поджидал лета, следя за его приближением по хорошо мне известным признакам.

Самым ранним вестником лета является полосатый мешок. Его вытягивали из огромного сундука, пропитанного запахом камфары, и вываливали на него груды парусиновых курточек и штанишек для примерки. Я подолгу должен был стоять на одном месте, снимать, надевать, опять снимать и снова надевать, а меня повертывали, закалывали на мне,

припускали и отпускали — «на полвершочка». Я потел и вертелся, а за не выставленными еще рамами качались топовые ветки с золотившимися от клея почками и радостно голубело небо.

Вторым и важным признаком весны—лета было явление рыжего маляра, от которого пахло самой весной — замазкой и красками. Маляр приходил выставять рамы — «впускать весну» — и наводить ремонт. Он появлялся всегда внезапно и говорил мрачно, покачиваясь:

— Ну, и где у вас тут чего?..

И с таким видом выхватывал стамески из-за тесемки грязного фартука, словно хотел резать. Потом начинал драть замазку и сердито мурлыкать под нос:

И-ах и те-мы-на-ай ле-со...
Да йехх и те-мы-на-ай...

Я старался узнать, что дальше, но суровый маляр вдруг останавливал стамеску, глотал из желтой бутылочки, у которой на зеленом ярлычке стояло слово «политура», плевал на пол, свирепо взглядывал на меня и начинал опять:

Ах-ехх и в темы-на-ам ле...
Да и в те...мы-ны-мм!..

И пел все громче. И потому ли, что он только всего и пел, что про темный лес, или потому, что вскрикивал и вздыхал, взглядывал свирепо исподлобья, — он казался мне очень страшным.

Потом мы его хорошо узнали, когда он оттащил моего приятеля Ваську за волосы.

Так было дело.

Маляр поработал, пообедал и завалился спать на крыше сеней, на солнышке. Помурлыкав про темный лес, где «сы-тоя-ла ах да и со-сенка», маляр заснул, ничего больше не сообщив. Лежал он на спине, а его рыжая борода глядела в небо. Мы с Васькой, чтобы было побольше ветру, тоже забрались на крышу — пускать «монаха». Но ветру и на крыше не было. Тогда Васька от нечего делать принялся щекотать соломинкой голые маляровы пятки. Но они были покрыты серой и твердой кожей, по-

хожей на замазку, и маляру было нипочем. Тогда я наклонился к уху маляра и дрожащим тоненьким голосом запел:

И-ах и в те-мы-ном ле-э...

Рот маляра перекосялся, и улыбка выползла из-под рыжих его усов на сухие губы. Должно быть, было приятно ему, но он все-таки не проснулся. Тогда Васька предложил приняться за маляра как следует. И мы принялись-таки.

Васька приволок на крышу большую кисть и ведро с краской и выкрасил маляру пятки. Маляр лягнулся и успокоился. Васька соорудил рожу и продолжал. Он обвел маляру и щиколотки по зеленому браслету, а я осторожно покрасил большие пальцы и ногти. Маляр сладко похрапывал — должно быть, от удовольствия. Тогда Васька обвел вокруг маляра широкий «заколдованный круг», присел на корточки и затянул под самым маляровым ухом песенку, которую с удовольствием подхватил и я:

Рыжий красного спросил:
— Чем ты бороду лучил?
— Я не краской, не замазкой,
Я на солнышке лежал!
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал!

Маляр заворочался и зевнул. Мы притихли, а он повернулся на бок и выкрасился. Тут и вышло. Я махнул в слуховое окно, а Васька поскользнулся и попал маляру в лапы. Маляр оттрепал Ваську и грозил окунуть в ведро, но скоро развеселился, гладил по спине Ваську и приговаривал:

— А ты не реви, дурашка. Такой же растет и у меня в деревне. Что хозяйской краски извел, ду-ра... да еще ревет!..

С того случая маляр сделался нашим другом. Он пропел нам всю песенку про темный лес, как срубили сосенку, как «угы-на-ли добра молодца в чужу-дальнюю сы-торонушку!..». Хорошая была песенка. И так жалостливо пел он ее, что думалось мне: не про себя ли и пел ее? Пел и еще песенки — про «темную ноченьку, осеннюю» и про «березыньку», и еще про «поле чистое»...

Впервые тогда, на крыше сеней, почувствовал я неведомый мне дотоле мир тоски и раздолья, таящийся в русской песне, неведомую в глубине своей душу родного мне народа, нежную и су-

И.С. Шмелев. 1920-е гг.

ровую, прикрытую грубым одеянием. Тогда, на крыше сеней, в ворковании сизых голубков, в унылых звуках маляровой песни приоткрылся мне новый мир — и ласковой и суровой природы русской, в котором душа тоскует и ждет чего-то... Тогда-то, на ранней моей поре, — впервые, быть может, — почувствовал я силу и красоту народного слова русского, мягкость его, и ласку, и раздолье. Просто пришло оно и ласково легло в душу. Потом — я познал его: крепость его и сладость. И все узнаю его...

1926

Вопросы и задания

?

1. Составьте план рассказа И.С. Шмелева «Русская песня».
2. Почему мальчики позволили себе подшутить над маляром?
3. Какой реакции маляра на озорство мальчишек вы ожидали? Как вы полагаете, почему маляр не был жесток и груб с ребятами? Есть ли в тексте рассказа ответ на этот вопрос?
4. Вы предполагали, что конец рассказа будет таким — почти гимном русской народной песне? Если нет, то какой финал ожидали вы?

Живое слово

!

1. Устно нарисуйте портрет маляра. Запишите из текста рассказа фразы, словосочетания, которые понадобятся вам для выполнения работы.
2. Подготовьте небольшой рассказ о любимом месте вашего края (деревни, поселка, города).

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

И.С. ШМЕЛЕВА

1. Найдите слова-антонимы, характеризующие русскую песню, русскую душу, русское слово. Какова их функция в тексте?
2. А.И. Куприн писал об И.С. Шмелеве: «Шмелев теперь — последний и единственный из русских писателей, у которого еще можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка». И действительно, при чтении рассказа мы восхищаемся смело и точно расставленными словами. У Шмелева значимо каждое междометие, каждая неправильность. Это живая, теплая, яркая речь. Оживляют ее и фразеологизмы.

Какую роль играют фразеологизмы в тексте? Приведите примеры.

3. Какие слова разговорного и просторечного стиля характеризуют речь маляра как речь простого малообразованного человека?
4. Вспомните определение метафоры. Найдите в рассказе приметы яркой метафоричности, типа «борода глядела в небо».
5. Найдите в толковом словаре значение слов *камфара*, *политура*, *парусиновый*. Придумайте с ними предложения.
6. Найдите в тексте слова с повторяющимися приставками *вы-*, *вз-*, *по-*. С какой целью автор использует повторение приставки в этих словах?
7. Почему для героя рассказа вестниками весны-лета становятся полосатый мешок, явление рыжего маляра, а не прилет птиц, например, или капель?
8. Для чего автор использует иронию в рассказе?

**МИХАИЛ
МИХАЙЛОВИЧ
ПРИШВИН**
1873—1954

Географы с полным основанием считали его своим коллегой — он совершил не одно и не два удивительных путешествия и точно, ярко, образно рассказал о них. Его избрали действительным членом Российского географического общества, которое наградило М.М. Пришвина серебряной медалью. Первая книга «В краю непуганых птиц» получила признание в среде ученых-естествоиспытателей. Географический очерк Пришвин превратил в литературный жанр.

Этнографы (ученые, изучающие быт, нравы, обычаи, жизнь народов) и фольклористы также были ему благодарны. Пришвин не только совершил путешествие на Север, но и записывал фольклор северян, их обряды и обычаи. Крупнейший русский лингвист А.А. Шахматов опубликовал материалы Пришвина в сборнике «Северные былины».

Но большинство людей с самого раннего детства совершенно справедливо считают М.М. Пришвина великим писателем — на его книгах они росли и учились чувствовать, понимать и любить родную землю.

Вот как сам писатель говорит о своем творчестве:

«С некоторых пор меня стала интересовать жизнь около себя, и мне незачем стало делать далекие путешествия за небывалым. Дело в том, что это влекущее небывалое, оказывается, находилось совсем недалеко и около меня, я стал особенно любить свои ежедневные дневниковые записи об этом повседневном и близком... Я стал работать над созданием любимой моей формы поэтической новеллы».

«Свои дневники я продолжал и в грозные дни Великой Отечественной войны... Победу я встречал вместе со всеми окончанием своей повести «Кладовая солнца»... Теперь я живу в самом сердце нашей страны, под Москвой, а мир сам пошел вокруг меня.

Здесь я живу и не перестаю работать над новыми впечатлениями, которыми богат каждый новый день, и над многочисленными своими книжками, дневниками, собранными за всю мою долгую жизнь.

Каждый день почта приносит мне письма от молодых и начинающих писателей, от читателей всех возрастов, часто от людей, ставших моими заочными друзьями. У них есть вопросы и о мастерстве, и о жизни, и в такой дружеской переписке рождается большое хорошее дело...

Ко дню моего восьмидесятилетия собралось множество поздравительных писем и телеграмм. Они приносили мне пожеланья долгих лет жизни.

Я благодарил всех, а сам думал про себя: «Я теперь опираюсь не на количество лет, а на качество дней своих».

Дорожить надо каждым днем своей жизни».

М.М. Пришвин под Новгородом. 1912 г.

Воссоздайте портрет М.М. Пришвина на основе прочитанных произведений и материалов о писателе.

МОСКВА-РЕКА

Говорят, в старину в нашем маленьком городке на какой-то колокольне висел сторожевой колокол и в него положено было звонить, только если подходил неприятель. Этот сторожевой звон подхватывали на колокольне в ближайшем селе, и так от колокольни к колокольне звон с вестью о неприятеле докатывался до Москвы. Тогда без всякого промедления по этому особенному военному звону собиралось войско и выходило навстречу неприятелю.

Вот отчего будто бы наш любимый маленький город получил свое прекрасное имя — Звенигород.

Мы живем верстах в семи от Звенигорода — в деревне Дунине на берегу реки Москвы. Правый берег нашей реки в этом месте очень высок и поднимается многими ступеньками — террасами — вверх. На средней ступеньке стоит наш домик, и нам видно из окна и как дети в школу идут по мосткам — школа на той стороне реки в селе Козине, — и как рыбу ловят в реке.

Кто видел реку в Москве, тот не узнает ее в Дунине, скажет, это совсем другая река. До чего узка тут река в сравнении с московской! Летом у нас два мальчика — один с нашего берега, хорошо поднатужившись, перекидывает другому мальчику на другой берег камешек с ниточкой, и так оба мальчика соединяются. Посредине этой лески над рекой висит крючок-«зазубрик», и на этом зазубрике насажен живец: обыкновенно это бывает пескарь, но случается и плотичка и маленький окунь.

Мальчики леску то подтянут, то ослабят, чтобы наживка не ныряла глубоко в реку, а только бы тюкала о поверхность воды и опять поднималась вверх над водой.

Есть в реке щука, есть шелеспер, голавль, окунь — все эти хищники гоняются за маленькими рыбками. Бывает часто, сам видишь с берега, как рыбешка, спасаясь от хищника, выпрыгнет из воды и на мгновение сверкнет на солнце серебряным огоньком. Но скорей всего, этим всплеском она только еще сильнее раздражает и привлекает врага. Так вот и мальчики тюкают рыбкой по воде, дразнят хищника, пока он наконец не хватит наживку и не сядет сам на зазубрик. Тут-то вот и прибирают его мальчишки к рукам: один, более опытный, сматывает леску на свою катушку и подтягивает к себе пойманного хищника, а другой согласно отпускает ее со своего мотка.

Не знаю, есть ли на свете еще где-нибудь такой способ рыбной ловли. У нас на Москве-реке этот способ называется ловлей на тюкалку.

Теперь представьте себе, что в Москве, где-нибудь у Москворецкого, Краснохолмского или Каменного моста, тоже так два мальчика захотели бы соединиться ниточкой! Никакого разговора не может быть, никакого сравнения закованной в камень реки великого города с нашей маленькой зеленой рекой! Но вы простите нас, москвичи, мы живем в Дунине, и нам так хочется постоять за нашу милую реку: пусть невелика наша речка и проста, но без нее не было бы и большой Москвы, пусть у нас небогато водой, но ведь и мы сами, люди, с малолетства бываем ростом невелики, а потом, переходя свою жизнь, как разрастаемся! А рыбы у нас не меньше, чем в московской Москве, и живем мы весело...

Только в самом начале с тюкалкой идут два мальчика, вскоре из села Козина сбегаются рыбу ловить все мальчики и даже девочки, а с нашей дунинской стороны, случается, в праздник и взрослые не упустят случая позабавиться и по берегу за мальчишками всем колхозом идут.

А еще надо сказать, что ранней весной наша маленькая Москва-река так разливается, что куда тут закованной в камень городской Москве! Бывает, после снежной зимы придет такое богатое половодье, что и конца-краю не видно: все луга на той стороне, вся низменная пойма, становится дном весеннего моря. Такое море бывает, что только едва разберешь вдали темную полосу и по ней догадаешься: это там, у темного леса, приходит край воде.

Как весело нам тогда бывает со всем дунинским народом глядеть на разлив!

Каждый прохожий тогда к нам присядет. Вот бы и вы тоже присели к нам, дорогой читатель, и послушали, о чем мы говорим, и догадывались бы, о чем мы молчим. Если же вы захватите с собой книжку и запишете наши слова, то эти слова потом у вас дома непременно обернулись бы в волшебную сказку.

Глядите, вон там, где мы когда-то резали прутьики ивы, чтобы из них себе для грибов корзинку сплести, теперь от всего богатства береговых зарослей корзиночной ивы торчит одна-единственная ивинка. Кто-то обратил на нее внимание и говорит:

— Глядите на иву!

И весь дунинский народ послушно глядит и молча догадывается, для чего это кто-то велел обратить внимание на жалкое деревце.

Проходит огромная льдина — и прямо на ивину. И только льдина подошла, гибкое деревце-прутик поклонилось и совершенно исчезло из глаз. Но льдина скоро проходит, и кто-то облегченно встречает деревце и говорит согласно чувствам всех дунинцев:

— Вот она, воскресла!

Ивинка вышла из-под огромной боевой льдины совсем невредимая.

Другая льдина поджигает деревце, и оно с поклоном исчезает и опять возвращается, и опять новая льдина, и опять ивинка кланяется.

— Кланяется, кланяется! — говорит инвалид Ваня и, склоняясь к молодой жене, приговаривает: — Кланяется, кланяется, за то вот из нее и корзинки плетут.

И все тогда вслед за Ваней смеются над ивинкой, и кто-то даже назвал ее подхалимкой.

Новый голос призывает:

— Глядите, ребята, вон на той льдине трясогузка плывет!

Льдины шепчутся между собой, и сквозь шепот кто-то услышал тоненький птичий голосок.

— Слушайте, — говорит он, — трясогузка поет!

И правда, как этому не удивиться, как не обрадоваться, что весною и маленькая птичка на льдине плывет и поет!

Но еще удивительней, что на береговое дерево прилетели два поползня и сели на глазах у всего народа на чистый сучок. У одного поползня был пушок в клюве для гнезда, а другой поглядел на трясогузку и тоже запел. Но все ли знают поползня,

похожего скорее на мыша, чем на птицу, и вот этот-то поползень, бегающий вниз головой по стволу дерева, весною запел!

Замечательная наша река! И так, если бы ничего не менялось, то как сел бы на высоком холме на бревнышко, так и сидел бы и сидел всегда тут, провожая старую жизнь в счастливой надежде зеленого цветущего будущего новой весны. Но долго сидеть не приходится: кому на службу идти, кому печку топить, кому в колхоз на работу, кому на завод «Металлист» гнуть и давить из железа кастрюли. Остаются на холме только Ваня-перевозчик, да ребята-школьники, да молодые трикотажницы, отрезанные водой от мастерской на той стороне.

Мы бы, конечно, могли хоть до вечера глядеть на ледоход, но инвалиду надо лодку смолить, и мы все беремся за дело: трикотажницы собирают дрова, мальчики разводят огонь под котлом со смолой. Сам Ваня, опираясь на свои костыли, распоряжается нами, и каждый из нас слушается: Ване надо помочь, да и самим хочется поскорей на ту сторону.

Сколько льдин, больших и малых, прошло, пока размякла твердокаменная черная смола в котле! Сколько споров прошло между льдинами, сколько из них налезло на берег, незаконниц, осужденных под лучами вешнего солнца капля по капле изнывать на сухом берегу! И сколько величавых, достойных, уверенных льдин прошло, пока огненные ручейки растопленной и зажженной смолы обегали все планочки лодки и оставляли за собой черный, блестящий, медленно остывающий смоляной след!

Вот наконец лодка готовая, лежит вверх дном и остывает, и твердеет перед большой работой на все половодье до тех пор, пока от всей голубой воды разлива не останутся на зеленом пойменном лугу только редкие синие глазки. Тогда этот же Ваня-перевозчик устроит мостки через нашу Москву-реку, и трикотажницы зашумят по мосткам, мешая нам ловить пескарей.

Но далеко до этого времени. Под вечер мы опять сидим на холме: на самом верху наш командир Ваня, вокруг него все школьники, а пониже школьников в кружке все молодые трикотажницы. Мы еще не остыли от работы и как будто ждем команды своего командира.

Вон карий, и ясный, и твердый, и такой чистый глазок нашего лучшего ученика Васи Веселкина требовательно глядит в рассеянные по голубому пространству голубые глаза командира.

— Ваня! — решил позвать Вася Веселкин.
— Ну? — отвечает Ваня.
— Ты везде бывал? — спрашивает Веселкин.
— И везде, — отвечает командир, — и за везде: я прошел весь путь войной от Сталинграда и до Берлина.

Все это известно, и, конечно, мальчик хочет что-то спросить еще и не может, силится и только краснеет, а лодочник собрался себе и ждет. Надо скорей помочь мальчику.

— Ваня! — сказали мы. — Веселкин хочет сказать: «Ты много видел всяких земель. Есть ли на свете где-нибудь местность краше нашего Дунина?»

— Что там земли разные! — отвечает Ваня. — Я видел море. Да, папаша, Черное море!

— Видел Черное море! — подхватили школьники.
А трикотажницы после них ко мне почти с укоризной:
— Ваня видел море, а вы, папаша, говорите о нашей маленькой Москве-реке!

— Хороши тоже, — продолжал Ваня, — леса Богемские.
— Богемские леса! — подхватил за ним хор мальчиков.

И за мальчиками опять с ласковой укоризной ко мне молодые трикотажницы:

— Ваня Богемские леса видел, а вы, папаша, спрашиваете, есть ли на свете местность краше нашего Дунина!

— Какие там горы в Богемских лесах! — рассказывал Ваня. — Какие там зеленые холмы, и какие проходил я красивые города и между городами поля и луга, и на лугах какие там были стада!..

Сколько Ваня насказал всякого о красивых землях своих и чужих стран! Трикотажницы перестали даже меня укорять, и один только Вася Веселкин смотрел на меня и чего-то все ждал и ждал...

И вдруг Ваня-инвалид обернулся прямо ко мне, стукнул себя в грудь кулаком и сказал с таким чувством, как будто он хотел молотком из камня навсегда вырубить свои слова:

— Папаша! Много-много я на свете видел разных земель, и своих и чужих, но краше местности нашего Дунина я нигде не видал!

Вот этих-то слов как будто только и дожидался Вася Веселкин: мальчик так и подпрыгнул! И что бы мне сказали молодые трикотажницы, если бы как раз в этот миг внимание всех нас не привлекла к себе чудесная гостья?! На свободной голубой воде,

на этой бирюзовой полоске между стенами льдин, на маленькой сахарной лодочке-льдинке проплывала мимо нас чисто белая чайка на розовых ножках, с черной головкой, и такая прекрасная, что от нее все само собой без всяких лишних слов выходило то самое, чего мы все так страстно хотели и не смели друг другу сказать: на свете сейчас в эту чудесную пору русской весны для нас действительно ничего не было краше нашего Дунина!

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.М. ПРИШВИНА

1. Москва-река — центральный образ повествования. Наряду с ним в рассказе имеется ряд второстепенных образов, без которых и основной немыслим. Какие детали их создают? Приведите несколько примеров.

2. Перечитайте фрагмент от слов: «Сколько льдин, больших и малых, прошло...» до слов: «...медленно оставляющих смоляной след». Назовите средства художественной выразительности, примененные здесь писателем.

3. Какая фигура речи лежит в основе противопоставления реки Москвы в деревне Дунино и в городе Москве; чужих стран и родной деревни? Приведите примеры ее использования.

4. Прозе М.М. Пришвина присуща яркая метафоричность. Вспомните определение метафоры. Найдите в рассказе примеры метафор и определите их роль в тексте.

5. Вспомните, что такое градация. Приведите примеры использования градации при описании ледохода.

Верный своему принципу рассказывать просто, в стиле разговорной речи, М.М. Пришвин использует лексику, синтаксические конструкции, морфемы, свойственные данному стилю.

Повествование о том, как дунинский народ глядел на разлив, делится на три части, каждая из которых завершается предложением, начинающимся союзом *и*. Структура этих предложений отражает одну из особенностей устной речи, состоящей

в последовательном присоединении нескольких предложений с помощью союза *и*.

6. Найдите примеры разговорного стиля по образцу.

Образец: 1. Слово *тюкают* принадлежит к разговорному стилю, ему синонимично нейтральное слово *стучат*. Разговорное слово более выразительно.

2. Предложение «Вот бы и вы тоже присели к нам, дорогой читатель, и послушали, о чем мы говорим, и догадывались бы, о чем мы молчим» имеет следующие приметы разговорного стиля: частица *вот* в начале предложения, три союза *и* в одном предложении, риторическое обращение *дорогой читатель*.

3. Слово *беззаконница* (о льдине) — это авторский неологизм (новое слово), созданное по словообразовательным моделям, которые имеются в современном русском литературном языке (ср.: *безработица* и т.п.).

7. Какие эмоционально окрашенные слова использовал автор в рассказе при описании рыбной ловли?

Живое слово

1. В рассказе «Москва-река» приводится легенда о происхождении названия города Звенигорода. Знаете ли вы историю названия вашего села, поселка, города? Запишите ее, указав источник информации.

2. Если вы хотя бы раз были на рыбалке, воспроизведите свои впечатления. Постарайтесь дать художественное описание одного-двух наиболее ярких эпизодов.

Советуем прочитать

1. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви. — М., 1996.

2. Пришвина В.Д. Путь к Слову. — М., 1984.

КОНСТАНТИН
ГЕОРГИЕВИЧ
ПАУСТОВСКИЙ
1892—1968

Мне кажется, что одной из характерных черт моей прозы является ее романтическая направленность.

Это, конечно, свойство характера. Требовать от любого человека, в частности от писателя, чтобы он отказался от этой настроенности, — нелепо. Такое требование можно объяснить только невежеством.

Романтическая настроенность не противоречит острому интересу к «грубой» жизни и любви к ней. Во всех областях действительности и человеческой деятельности, за редкими исключениями, заложены зерна романтики.

Их можно не заметить и растоптать или, наоборот, дать им возможность разрастись, украсить и облагородить своим цветением внутренний мир человека.

Романтичность свойственна всему, в частности науке и познанию. Чем больше знает человек, тем резче он воспринимает, тем теснее его окружает поэзия и тем он счастливее.

Истинное счастье — это прежде всего удел знающих, а не невежд. Человек, знающий, например, жизнь растений и законы растительного мира, гораздо счастливее того, кто даже не может отличить ольху от осины или клевер от подорожника.

Невежество делает человека равнодушным к миру, а равнодушные растут медленно, но необратимо, как раковая опухоль. Жизнь в сознании равнодушного быстро вянет, сереет, огромные ее пласты отмирают, и в конце концов равнодушный человек остается наедине со своим невежеством и своим жалким благополучием...

Желание все знать, видеть, путешествовать, быть участником разнообразных событий и столкновений человеческих

Комната в доме К.Г. Паустовского в Тарусе

страстей вылилось у меня в мечту о некоей необыкновенной профессии. Она должна была быть обязательно связана с этой кипучей жизнью.

Но есть ли на свете такая профессия? Чем больше я думал об этом, тем чаще одна профессия отпадала вслед за другой. В них не было полной свободы. Они не охватывали жизнь целиком в ее стремительном развитии и разнообразии.

Одно время я всерьез думал стать моряком. Но вскоре мечта о писательстве вытеснила все остальное.

Писательство соединяло в себе все привлекательные профессии мира. Оно было независимым, мужественным и благородным делом.

Тогда я еще не знал, что писательство — это труд тяжкий и рачеточительный, что даже одна-единственная крупница правды, утаенная писателем от людей, — преступление перед собственной совестью, за которое он неизбежно ответит.

Страдания и радости всех людей становятся его уделом. Он должен обладать талантом собственного видения мира, непреклонностью в борьбе, лирической силой и общностью жизни с природой, не говоря уже о многих других качествах...

К.Г. Паустовский

МЕЩЁРСКАЯ СТОРОНА (В сокращении)

ОБЫКНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

В Мещёрском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но все же край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромен — так же, как картины Левитана. Но в нем, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы.

Что можно увидеть в Мещёрском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поёмные¹ и лесные озера, заросшие черной кугой², стога, пахнувшие сухим и теплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму.

Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда трава на рассвете покрывается инеем, как солью. Я вырывал в сене глубокую нору, залезал в нее и всю ночь спал в стогу, будто в запертой комнате. А над лугами шел холодный дождь, и ветер налетал косыми ударами.

В Мещёрском крае можно увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что бубенчик-«болтун» заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр. Но такая тишина стоит в лесах только в безветренные дни. В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

В Мещёрском крае можно увидеть лесные озера с темной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осинкой, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звезды.

Что можно услышать в Мещёрском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суетливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, ве-

¹ Поёмные озера — озера, оставшиеся после половодья.

² Куга — болотный тростник.

Иллюстрации к повести «Мещёрская сторона» —
художник К.В. Кузнецов. 1940-е гг.

черный плач гармоники в деревушке, а по ночам — разноголосое пение петухов да колотушку деревенского сторожа.

Но увидеть и услышать так мало можно только в первые дни. Потом с каждым днем этот край делается все богаче, разнообразнее, милее сердцу. И, наконец, наступает время, когда каждая ива над заглохшей рекой кажется своей, очень знакомой, когда о ней можно рассказывать удивительные истории...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Впервые я попал в Мещёрский край с севера, из Владимира. За Гусем-Хрустальным, на тихой станции Тума, я пересел на поезд узкоколейки. Это был поезд времен Стефенсона. Паровоз, похожий на самовар, свистел детским фальцетом. У паровоза было обидное прозвище: «мерин». Он и вправду был похож на старого мерина. На закруглениях он кряхтел и останавливался. Пассажиры выходили покурить. Лесное безмолвие стояло вокруг задыхавшегося «мерина». Запах дикой гвоздики, нагретой солнцем, наполнял вагоны.

Пассажиры с вещами сидели на площадках — вещи в вагон не влезали. Изредка в пути с площадки на полотно начинали вылетать мешки, корзины, плотничьи пилы, а за вещами выскакивал и их обладатель, нередко довольно древняя старуха.

Неопытные пассажиры пугались, а опытные, скручивая «козьи ножки» и поплеывая, объясняли, что это самый удобный способ высаживаться из поезда поближе к своей деревне.

Узкоколейка в Мещёрских лесах — самая неторопливая железная дорога в Союзе.

Станции завалены смолистыми бревнами и пахнут свежей порубкой и дикими лесными цветами.

На станции Пилево в вагон влез косматый дед. Он перекрестился в угол, где дребезжала круглая чугунная печка, вздохнул и пожаловался в пространство:

— Чуть что, сейчас берут меня за бороду — езжай в город, подвязывай лапти. А того нет в соображении, что, может, ихнее это дело копейки не стоит. Посылают меня до музея, где советско правительство собирает карточки, прејскуранты, все такое прочее. Посылают с заявлением.

— Чего брешешь?

— Ты гляди — вот!

Дед вытащил измятую бумажку, сдул с нее махру и показал бабе-соседке.

— Манька, прочти,— сказала баба девчонке, тершейся носом об окно.

Манька обтянула платье на исцарапанных коленках, подобрала ноги и начала читать хриплым голосом:

— «Собчается, что в озере живут незнакомые птицы, громадного росту, полосатые, всего три; неизвестно, откуда залетели,— надо бы взять живьем для музея, а потому присылайте ловцов».

— Вот,— сказал дед горестно,— за каким делом теперь старикам кости ломают. А все Лешка-комсомолец. Язва — страсть! Тьфу!

Дед плюнул. Баба вытерла круглый рот концом платка и вздохнула. Паровоз испуганно посвистывал, леса гудели и справа и слева, бушуя, как озеро. Хозяиничал западный ветер. Поезд с трудом прорывался через его сырые потоки и безнадежно опаздывал, отдуваясь на пустых полустанках.

— Вот оно существование наше,— повторял дед.— Летошний год гоняли меня в музей, сегодняшний год опять!

— Чего в летошний год нашли? — спросила баба.

— Торчак!

— Чегой-то?

— Торчак. Ну, кость древнюю. В болоте она валялась. Вроде олень. Роги — с этот вагон. Прямо страсть. Копали его целый месяц. Вконец измучился народ.

— На кой он сдался? — спросила баба.

— Ребят по ём будут учить.

Об этой находке в «Исследованиях и материалах областного музея» сообщалось следующее:

«Скелет уходил в глубь трясины, не давая опоры для копачей. Пришлось раздеться и спуститься в трясину, что было крайне трудно из-за ледяной температуры родниковой воды. Огромные рога, как и череп, были целы, но крайне непрочны вследствие полнейшей мацерации (размачивания) костей. Кости разламывались прямо в руках, но по мере высыхания твердость костей восстанавливалась».

Был найден скелет исполинского ископаемого ирландского оленя с размахом рогов в два с половиной метра.

С этой встречи с косматым дедом началось мое знакомство с Мещёрой. Потом я услышал много рассказов и о зубах мамонта, и о кладях, и о грибах величиной с человеческую голову. Но этот первый рассказ в поезде запомнился мне особенно резко.

ЛЕСА

...Леса в Мещёре разбойничьи, глухие. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру.

Путь в лесах — это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие маслянки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки.

Закат тяжело пылает на кронах деревьев, золотит их старинной позолотой. Внизу, у подножия сосен, уже темно и глухо. Бесшумно летают и как будто заглядывают в лицо летучие мыши...

А вечером блеснет наконец озеро, как черное, косо поставленное зеркало. Ночь уже стоит над ним и смотрит в его темную воду, — ночь, полная звезд. На западе еще тлеет заря, в зарослях

волчьих ягод кричит выпь¹, и на мшарах — бормочут и возятся журавли, обеспокоенные дымом костра.

Всю ночь костер то разгорается, то гаснет. Листва берез висит не шелохнувшись. Роса стекает по белым стволам. И слышно, как где-то очень далеко — кажется, за краем земли — хрипло кричит старый петух в избе лесника.

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталем загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Еще все спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шепотом — боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжелые утки. Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костер горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце — солнце бесконечного летнего дня.

Так мы живем в палатке на лесных озерах по несколько дней... Однажды мы ночевали на Черном озере, в высоких зарослях около большой кучи старого хвороста.

Мы взяли с собой резиновую надувную лодку и на рассвете выехали на ней за край прибрежных кувшинок — ловить рыбу. На дне озера толстым слоем лежали истлевшие листья, и в воде плавали коряги.

Внезапно у самого борта лодки вынырнула громадная горбатая спина черной рыбы с острым, как кухонный нож, спинным плавником. Рыба нырнула и прошла под резиновой лодкой. Лодка закачалась. Рыба вынырнула снова. Должно быть, это была гигантская щука. Она могла задеть резиновую лодку пером² и распороть ее, как бритвой.

Я ударил веслом по воде. Рыба в ответ со страшной силой хлестнула хвостом и снова прошла под самой лодкой. Мы бросили удить и начали грести к берегу, к своему биваку. Рыба шла рядом с лодкой.

Мы въехали в прибрежные заросли кувшинок и готовились пристать, но в это время с берега раздалось визгливое твяканье и дрожащий, хватающий за сердце вой. Там, где мы спускали

¹ *Выпь* — болотная цапля.

² *Перо* — косточка рыбьего плавника.

лодку, на берегу, на примятой траве стояла, поджав хвост, волчица с тремя волчатами и выла, подняв морду к небу. Она выла долго и скучно; волчата визжали и прятались за мать. Черная рыба снова прошла у самого борта и зацепила пером за весло.

Я бросил в волчицу тяжелым свинцовым грузилом. Она отскочила и рысцой побежала от берега. И мы увидели, как она пролезла вместе с волчатами в круглую нору в куче хвороста недалеко от нашей палатки.

Мы высадились, подняли шум, выгнали волчицу из хвороста и перенесли бивак на другое место.

Черное озеро названо так по цвету воды. Вода в нем черная и прозрачная...

Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду слетают желтые и красные листья берез и осин. Они устилают

воду так густо, что чёлн¹ шуршит по листве и оставляет за собой блестящую черную дорогу.

Но этот цвет хорош и летом, когда белые лилии лежат на воде, как на необыкновенном стекле. Черная вода обладает великолепным свойством отражения: трудно отличить настоящие берега от отраженных, настоящие заросли — от их отражения в воде...

Старики говорят, что чернота вызвана тем, что дно озера устлано толстым слоем опавших листьев. Бурая листва дает темный настой. Но это не совсем верно. Цвет объясняется торфяным дном озера — чем старше торф, тем темнее вода.

ЛУГА

Между лесами и Окой тянутся широким поясом заливные луга.

В сумерки луга похожи на море. Как в море, садится солнце в травы, и маяками горят сигнальные огни на берегу Оки. Так же как в море, над лугами дуют свежие ветры и высокое небо опрокинулось бледной зеленеющей чашей.

В лугах тянется на много километров старое русло Оки. Его зовут Прорвой.

Это заглохшая, глубокая и неподвижная река с крутыми берегами. Берега заросли высокими, старыми, в три обхвата, осокорями², столетними ивами, шиповником, зонтичными травами и ежевикой.

Один плес на этой реке мы называли «фантастической Прорвой», потому что никто из нас не видел таких огромных, в два человеческих роста, ренейников, голубых колючек, такой медуницы и конского щавеля и таких исполинских грибов-дождевиков, как на этом плесе.

Густота трав в иных местах на Прорве такая, что с лодки нельзя высадиться на берег — травы стоят непроходимой упругой стеной. Они отталкивают человека. Травы перевиты предательскими петлями ежевики, сотнями опасных и колких силков.

Над Прорвой часто стоит легкая дымка. Цвет ее меняется от времени дня. Утром — это голубой туман, днем — белесая

¹ Чёлн — выдолбленная из дерева лодка.

² Осокóрь — тополь.

мгла, и лишь в сумерки воздух над Прорвой делается прозрачным, как ключевая вода. Листва осокорей едва трепещет, розовая от заката, и в омутах гулко бьют прорвинские щуки.

По утрам, когда нельзя пройти по траве и десяти шагов, чтобы не промокнуть от росы, воздух на Прорве пахнет горьковатой ивовой корой, травянистой свежестью, осокой. Он густ, прохладен и целителен.

Каждую осень я провожу на Прорве в палатке по многу суток. Чтобы получить отдаленное представление о том, что такое Прорва, следует описать хотя бы один прорвинский день.

На Прорву я приезжаю на лодке. Со мной палатка, топор, фонарь, рюкзак с продуктами, саперная лопатка, немного посуды, табак, спички и рыболовные принадлежности: удочки, донки, переметы, жерлицы и, самое главное, банка с червяками-подлистниками. Их я собираю в старом саду под кучами палых листьев.

На Прорве у меня уже есть свои любимые, всегда очень глухие места. Одно из них — это крутой поворот реки, где она разливается в небольшое озеро с очень высокими, заросшими лозой берегами.

Там я разбиваю палатку. Но прежде всего я таскаю сено. Да, сознаюсь, я таскаю сено из ближайшего стога, но таскаю очень ловко, так, что даже самый опытный глаз старика колхозника не заметит в стогу никакого изъяна. Сено я подкладываю под брезентовый пол палатки. Потом, когда я уезжаю, я отношу его обратно.

Палатку надо натягивать так, чтобы она гудела, как барабан. Потом ее надо окопать, чтобы во время дождя вода стекала в канавы по бокам палатки и не подмочила пол.

Палатка устроена. В ней тепло и сухо. Фонарь «летучая мышь» висит на крючке. Вечером я зажигаю его и даже читаю в палатке, но читаю обыкновенно недолго — на Прорве слишком много помех: за соседним кустом начнет кричать коростель, с пушечным гулом ударит пудовая рыба, то оглушительно выстрелит в костре ивовый прут и разбрызжет искры, то над зарослями начнет разгораться багровое зарево и мрачная луна взойдет над просторами вечерней земли...

С каждым часом холодеет. К рассвету воздух уже обжигает лицо легким морозом, полотнища палатки, покрытые толстым слоем хрустящего инея, чуть-чуть провисают, и трава седеет от первого утренника.

Пора вставать. На востоке уже наливается тихим светом заря, уже видны на небе огромные очертания ив, уже меркнут звезды. Я спускаюсь к реке, моюсь с лодки. Вода теплая, она кажется даже слегка подогретой.

Восходит солнце. Иней тает. Прибрежные пески делаются темными от росы. Я кипячу крепкий чай в жестяном закопченном чайнике. Твердая копоть похожа на эмаль. В чайнике плавают перегоревшие в костре ивовые листья.

Все утро я ловлю рыбу. Я проверяю с лодки переметы, поставленные поперек реки еще с вечера. Сначала идут пустые крючки — на них всю наживу съели ерши. Но вот шнур натягивается, режет воду, и в глубине возникает живой серебряный блеск — это ходит на крючке плоский лещ. За ним жирный и упористый окунь, потом — щуренок с желтыми пронзительными глазами. Вытащенная рыба кажется ледяной...

БЕСКОРЫСТИЕ

Можно еще много написать о Мещёрском крае. Можно написать, что этот край очень богат лесами и торфом, сеном и картофелем, молоком и ягодами. Но я нарочно не пишу об этом. Неужели мы должны любить свою землю только за то, что она богата, что она дает обильные урожаи и природные ее силы можно использовать для нашего благосостояния!

Не только за это мы любим родные места. Мы любим их еще за то, что, даже небогатые, они для нас прекрасны.

Я люблю Мещёрский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд — это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, — этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь.

1939

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА К.Г. ПАУСТОВСКОГО

К.Г. Паустовский — очень тонкий, глубоко чувствующий художник, замечательный мастер языка. В его произведении «Мещёрская сторона» с безыскусной правдой, зримо воссоздан облик нашей Родины — с ее яркими красками, прохладой росистых рассветов, блеском сентябрьских звезд, запахами лугов, полей, звоном весенних рощ. Его проза удивительно музыкальна и поэтична, и оттого она так волнует и радует. «Это один из лучших пейзажистов в нашей литературе. Но при этом он умеет чувствовать не только место, но и время — дальнюю историческую перспективу и сегодняшний день с его планами и работами, уходящими в будущее», — писал С.Я. Маршак.

1. Чем богата Мещёрская сторона? Почему леса, луга, воздух — огромное богатство страны? Подберите из «Мещёрской стороны» текст для изложения с элементами рассуждения.

2. Сгруппируйте все эпизоды и детали, где говорится о поезде и паровозе, узкоколейке. Подготовьте пересказ, близкий к тексту: «Через Мещёру». Выпишите слова и словосочетания, с помощью которых поезд и паровоз воспринимаются как художественные образы.

3. «Мы почему-то говорим шепотом — боимся спугнуть рассвет». В чем смысл этой фразы? Как бы вы сказали о подобном явлении?

К.Г. Паустовский мастерски создает цветообраз, то есть цвет у него присутствует не только тогда, когда он называется напрямую (допустим, «черная вода»), но и в тех случаях, когда слов, передающих цвета и оттенки цветов, казалось бы, нет, а ощущение цвета присутствует.

4. Приведите примеры таких случаев. Подберите фрагмент, где цветоизображение является основным способом создания образа-пейзажа.

Стиль Паустовского вмещает практически все изобразительные средства языка, но при этом каждое из них проходит жесткий отбор. Паустовский не часто пользуется большим количеством определений для одного предмета. Он придерживается следующего принципа: «Из трех элементов, прило-

женных к существительному, один всегда будет наиболее точным, а остальные два, безусловно, будут ему уступать. Поэтому ясно, что этот единственный эпитет надо сохранить, а остальные безжалостно вычеркнуть».

5. Выпишите из каждой части «Мещёрской стороны» словосочетания (существительное + прилагательное) с единственным, наиболее точным эпитетом. Попробуйте объяснить, почему автор выбрал именно это слово.

Образец: 1) «Обыкновенная земля»: воздух *прозрачный*, гул *океанский*, хвоя *рыжая*...

2) «Первое знакомство»: старуха *древняя*, дед *косматый*... и т.д.

Выразительности прозы К.Г. Паустовского способствует частое использование сравнений. Умелое включение в канву повествования этого художественного средства помогает читателю представить изображаемое. У Паустовского есть интересное замечание: «Если писатель, работая, не видит за словами того, о чем он пишет, то читатель не увидит за ними, какие бы ударные слова писатель ни выбирал». Чаще у художника слова мы находим сравнительные обороты с союзами *как*, *словно*, *будто*, например: «...трава на рассвете покрывается инеем, как снегом».

6. Найдите подобные сравнения. Подумайте, какую выразительную роль они играют в тексте.

Следует обратить внимание на то, что на протяжении всего повествования писатель сопоставляет движение в природе с действием некоего одушевленного существа: «...травы стоят непроходимой упругой стеной. Они отталкивают человека». К произведениям Паустовского применимо высказывание А.П. Чехова: «Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употребить сравнение явлений ее с человеческими действиями». Включение в сравнение метафор делает природу еще более живой.

7. Найдите в тексте сравнения, в которых встречаются слова в переносном (метафорическом) значении. Объясните, почему эти сравнения поражают нас яркостью, необычностью, свежестью.

8. Одним из средств создания настроения является употребление повторов как стилистического приема. Приведите один-два примера.

9. Прочитайте внимательно главу «Первое знакомство», в которой дается беседа пассажиров поезда. В языке участников разговора (косматого деда, бабы-соседки, девчонки Маньки) много слов, свойственных простым крестьянам, не обученным грамоте: *ихнее, откуль, летошний год*.

Продолжите этот перечень «неправильных слов» в языке попутчиков, создающих правдивую речевую характеристику крестьян.

10. Самостоятельно проанализируйте главу «Бескорыстие». Какова роль заглавия для понимания смысла?

11. Сопоставьте рассказ М.М. Пришвина «Москва-река» и фрагменты из «Мещёрской стороны» К.Г. Паустовского. Попробуйте определить, что объединяет эти произведения и какие вы видите различия в изображении природы у этих писателей.

12. Рассмотрите иллюстрации к повести К.Г. Паустовского. Подберите ряд эпитетов, в которых было бы передано состояние природы, изображенное в этих работах. При желании можете найти подходящие эпитеты в тексте.

Советуем прочитать

1. Ильин В.С. Константин Паустовский: Поэзия странствий: Литературный портрет К. Паустовского. — М., 1967.

2. Тендряков В.Ф. Учитель // Воспоминания о Константине Паустовском. — М., 1975.

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ЗАБОЛОЦКИЙ
1903—1958

Сын поэта Никита Заболоцкий вспоминает такой эпизод из биографии отца:

«Случилось это где-то на Дальнем Востоке в сравнительно благополучное время лагерной жизни. Начальник колонны, или надзиратель, выстроил заключенных в ожидании смотра начальником лагеря. И вот он появился — человек решительный и жестокий, но просвещенный. Он знал, что у него отбывает срок заключения поэт Заболоцкий, помнил его в лицо и зла ему не желал. Он подошел к строю, узнал Заболоцкого и, будучи в благодушном настроении, спросил непосредственно начальника:

— Ну что, как там у тебя Заболоцкий? Стихи не пишет?

— Заключенный Заболоцкий замечаний по работе и в быту не имеет, — отрапортовал начальник подразделения. И, усмехнувшись, добавил: — Говорит, стихов никогда больше писать не будет.

— Ну то-то. — Обход продолжался».

Не удивляйтесь. Поэт прошел через ужасы сталинских лагерей. А лагерный начальник? Он ошибся, конечно. Николай Заболоцкий написал еще много удивительно прекрасных и мудрых стихов.

Он писал о добре и красоте, потому что верил: добро и красота так необходимы людям. Он писал о науке и звездах: ведь мы частичка этого мира. Но не только мы в мире. И он — в нас. Волю и талант поэта не смогли сломить никакие суровые жизненные испытания, никакие обстоятельства, никакие лагерные и не лагерные начальники.

«Тарусские страницы». Титульный лист альманаха, в котором была одна из посмертных публикаций стихов поэта. 1961 г.

Н.А. Заболоцкий после освобождения из лагеря. Фотография. 1946 г.

Выйдя на свободу, он жил в Подмоскovie на дачах приютивших его друзей. У поэта не было устроенного быта, здоровье было подорванное. Но у него была душа, которой он «не позволял лениться», работая с тройной нагрузкой, «чтоб только время превозмочь». И превозмог.

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап.
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

Вопросы и задания

?

1. Сформулируйте основную мысль стихотворения.
2. Обратите внимание на интонацию стихотворения. Какие приемы художественной выразительности способствуют созданию эмоционального настроения?
3. Приведите примеры повторов. Где они употребляются? Какие мотивы усиливают?
4. Стихотворение имеет «кольцевую» композицию. Это в данном случае значит, что одинаковая мысль (поэтическая формула) начинается и заканчивает произведение, создавая «кольцо». Какая это мысль?
5. Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап.
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!
Отражены ли в этой строфе факты личной биографии поэта? Если да, то какие?
6. Найдите в стихотворении метафоры. Какова их роль в тексте?
7. Выучите стихотворение наизусть.

Живое слово

Напишите небольшое сочинение-эссе «Труд души». (Это может быть и статья в газету о каком-либо удивительном человеке.)

Эссе — прозаическое сочинение в свободной форме, выражающее индивидуальные впечатления и соображения о литературных, нравственных или иных проблемах.

Советуем прочитать

Македонов А.В. Николай Заболоцкий: Жизнь. Творчество. Метаморфозы. — Л., 1987.

АЛЕКСАНДР
ТРИФОНОВИЧ
ТВАРДОВСКИЙ
1910—1971

В одной из первых глав «Василия Теркина»... Твардовский писал: «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». И в другом месте, в первом лирическом вступлении к поэме, говорилось:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? — Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Эти слова повторялись уже многие тысячи раз миллионами людей.

Правда во всей ее полноте, во всей ее «гуще», «как бы ни была горька», для Твардовского — основа жизни на земле. Правда всегда была основой и условием жизни поэзии — отражения, выражения всей жизни человека на земле, ее реальности и ее идеалов. Но творчество Твардовского открыло новые горизонты и возможности этой правды в новых условиях небывалой в истории человечества битвы, воспетой Твардовским во всем ее «крутом и жестком поте».

...Твардовский никогда не стоял на месте, всегда двигался вперед по главной дороге народной жизни. И в то же время на всех этапах пройденного им пути прослеживается поразительное единство, преемственность тем, образов и мотивов, основных принципов системы художественного мышления...

А.В. Македонов

1. Подготовьте подробный пересказ статьи А.В. Македонова.
2. Как вы понимаете слова А.Т. Твардовского о правде?
3. Расскажите, что вы знаете об А.Т. Твардовском.

* * *

Прощаемся мы с матерями
Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога.

Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
Спешим известить их по почте.

И, карточки им посылая
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.

А там — за невестами — внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

1965

* * *

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На теплом пёнушке.

А.Т. Твардовский.
Фотография Д.С. Шварцмана. 1947 г.

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалекого вечера.
И пусть оно так,
что морока немалая —
Твой век целиком,
да об этом нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскою палочкой:
Нет, все-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.

1967

Вопросы и задания

?

1. Какие художественные детали создают в стихотворении «Прощаемся мы с матерями...» образ матери?
2. В стихотворении «На дне моей жизни...» тесно переплетены образ близкого автору и любимого им пейзажа и тема подведения жизненных итогов. Распределите существительные из стихотворения по этим двум темам. Какую особенность в раскрытии каждой из них, проявившуюся в лексике, вы заметили? Дайте обоснованный ответ.
3. Какие выразительные средства применяет А.Т. Твардовский для создания образа-пейзажа?
4. Лирический герой переосмысливает события жизни, но говорится об этом не прямо, а как бы вскользь. Подтвердите этот тезис цитатой из текста.

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН (Главы из поэмы)

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй — за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Иллюстрации к поэме «Василий Теркин» —
художник О.Г. Верейский. Конец 1940-х — начало 1950-х гг.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...
А вода ревет в теснине,
Жухлый¹ лед в куски крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока²,
И кругом — чужая ночь.

¹ Жухлый — потерявший свою яркость, свежесть.

² Протока — рукав реки.

И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась¹
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,

¹ Взялась — здесь: прочно, плотно слежалась, смерзлась.

И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах, —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат.
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,

Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может, так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть.
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться?
— Братцы, — он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

¹ *Забереги* — лед, настывающий у берега в заморозки.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник, —
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома.
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха. —
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет! Точишь, точишь —
Не берет, ну что ты хочешь!.. —
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин шурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку¹,
Мы ей сделаем развод.

¹ Разводка — инструмент для отгибания зубьев у пилы. Развод — наклон зубьев пилы в разные стороны.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках пошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инстру́мент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты! —
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами,
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами:
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой, сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Все ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли.
Внутрь куда-то дунул, плюнул...
Что ты думаешь? — пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час-другой, вперед-назад.
— Вот что значит мы, солдаты, —
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало? Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты!
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуска
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне. —

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку. —
Поперхнулся дед-солдат,
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал,
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такую каплей

Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ,
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке.
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне, — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей, —
Дед расхвастался, — пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой.
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не погрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез,
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг попрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясаясь,
Осмотрелся — всё ли тут?
Честь по чести распрощался.
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал — и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха,
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.
1942—1945

О ПОЭМЕ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

«Василий Теркин» — центральное произведение в творчестве А.Т. Твардовского, «лучшее из всего написанного о войне на войне» (К.М. Симонов), одна из вершин русской эпической поэзии вообще. «Василий Теркин» отразил раздумья писателя о Родине и народе во время Великой Отечественной войны. Народ на войне — главная тема этой поэмы, образ главного героя символизирует и обобщает образ русского солдата в эти трагические для страны годы. Именно поэтому автор придал герою лучшие человеческие качества: «веселость, удачливость, энергию и неунывающую душу», которые «так необходимы для преодоления сурового материала войны» (А.Т. Твардовский). Теркин у поэта — рядовой боец, пехотинец, поскольку главная цель автора — показать будни и быт войны. Автор не изображает крупные военные операции, а в центр повествования ставит бои «местного значения», которых за эти четыре года были тысячи и тысячи. Твардовский так подробно и достоверно изобразил жизнь на фронте и в тылу, что «книгу про бойца» стали называть «энциклопедией военной действительности».

Поэт делает героя своим земляком, уроженцем Смоленской земли, в мирной жизни — обычным деревенским жителем, крестьянином. Это не просто дань привязанности автора к родным местам. В поэме создается образ Смоленской земли, малой родины, оккупированной врагом. Защищая Родину, Теркин за-

Василий Теркин.
Художник О.Г. Верейский. 1946 г.

щищает и родной край, поэтому свой боевой путь на запад он ведет не от Москвы, а от Смоленщины. «Речь к родной стороне» Теркина постоянно сливается с голосом его земляка, еще одного важного героя поэмы, — автора.

Поэт писал «Василия Теркина» по главам в походной обстановке, «без отрыва от колес». По мере готовности главы публиковались в газете «Красноармейская правда» Западного фронта, в московском журнале «Красноармеец». Это и обусловило особенности композиции «Василия Теркина»: законченность каждой главы привела к ослаблению сюжетных связей между ними.

Поэму характеризует простота языка, естественность разговорной интонации, сдержанность в использовании тропов и фигур.

Свое произведение Твардовский определял не традиционно — «поэма», а «книга про бойца». В этом выборе для Твардов-

О.Г. Верейский, А.Т. Твардовский, В. Готов.
Май 1945 г., Восточная Пруссия

ского особую роль играло звучание слова «книга» в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре. Слово «книга» в этом народном смысле звучит по-особому значительно, как предмет серьезный, достоверный, безусловный. Твардовский неоднократно пытался закончить свою поэму, но под влиянием читательских откликов вынужден был продолжать ее, и «Василий Теркин» был окончен с завершением войны. Сюжетом поэмы стала сама война. Это отразилось и в настроении ее глав: трагический колорит в начале («Переправа», «О потере», «Бой в болоте») сменяется уверенностью в скорой победе, предпраздничным настроением в заключительной части («На Днепре», «По дороге на Берлин», «В бане»). С 1942 г. начинают появляться отдельные издания поэмы, отражающие ту или иную степень ее законченности. В 1946 г. за поэму Твардовскому

А.Т. Твардовский.
Скульптор Сарра Лебедева. 1943 г.

Памятник А. Твардовскому
и В. Теркину в Смоленске.
Скульптор А.Г. Сергеев.
1995 г.

была присуждена Государственная премия 1-й степени; в этом же году появились три первых полных издания «Василия Теркина». В дальнейшем все последующие издания поэмы, вплоть до последнего прижизненного в 1971 г., сопровождались авторской правкой и доработкой текста.

Серию замечательных иллюстраций к поэме А.Т. Твардовского создал художник О.Г. Верейский (1915–1992), фронтовой соратник поэта. В годы войны он работал в газете «Красноармейская правда», в которой публиковалась поэма. В основу художественного образа Теркина легли черты молодого поэта, сотрудника одной из армейских газет Василия Глотова.

2 мая 1995 г. в Смоленске был открыт памятник поэту и его герою (автор — народный художник РФ, скульптор А.Г. Сергеев). Монумент представляет собой двухфигурную композицию, изображающую беседу Василия Теркина с Александром Твардовским. Памятник установлен на всенародно собранные деньги.

Письма фронтовиков А.Т. Твардовскому

КАК БЫЛ НАПИСАН «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» (Фрагменты)

1

«Василий Теркин»... известен читателю, в первую очередь армейскому, с 1942 г. Но «Вася Теркин» был известен еще с 1939—1940 гг. — с периода Финской кампании. В то время в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» работала группа писателей и поэтов: Н. Тихонов, В. Саянов, Н. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь и пишущий эти строки.

Как-то, обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде «уголка юмора» или ежене-

Фрагмент газеты «На страже Родины» от 31 декабря 1939 г.

дельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затея эта не была новшеством в армейской печати. По образцу агитационной работы Д. Бедного и В. Маяковского в пореволюционные годы в газетах была традиция печатания сатирических картинок со стихотворными подписями, частушек, фельетонов с продолжениями с обычным заголовком — «На досуге», «Под красноармейскую гармонь» и т.п. Там были иногда и условные, переходящие из одного фельетона в другой персонажи, вроде какого-нибудь повара-весельчака, и характерные псевдонимы, вроде Дяди Сыся, Деда Егора, Пулеметчика Вани, Снайпера и других. В моей юности, в Смоленске, я имел отношение к подобной литературной работе в окружной «Красноармейской правде» и других газетах.

И вот мы, литераторы, работавшие в редакции «На страже Родины», решили избрать персонаж, который выступал бы в сериях занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это должен был быть некий веселый, удачливый боец, фигура условная, лубочная. Стали придумывать имя. Шли от той же традиции «уголков юмора» красноармейских газет, где были в ходу свои Пулькины, Мушкины и даже Протиркины (от технического слова «протирка» — предмет,

употребляющийся при смазке оружия). Имя должно быть значимым, с озорным, сатирическим оттенком. Кто-то предложил назвать нашего героя Васей Теркиным, именно Васей, а не Василием. Были предложения назвать Ваней, Федей, еще как-то, но остановились на Васе. Так родилось это имя.

2

Первой строкой «Переправы», строкой, развившейся в ее, так сказать, «лейтмотив», проникающий всю главу, стало само это слово — «переправа», повторенное в интонации, как бы предваряющей то, что стоит за этим словом:

Переправа, переправа...

Я так долго обдумывал, представлял себе во всей натуральности эпизод переправы, стоившей многих жертв, огромного морального и физического напряжения людей и запомнившейся, должно быть, навсегда всем ее участникам, так «вжился» во все это, что вдруг как бы произнес про себя этот вздох-возглас:

Переправа, переправа...

И «поверил» в него. Почувствовал, что это слово не может быть произнесено иначе, чем я его произнес, имея про себя все то, что оно означает: бой, кровь, потери, гибельный холод ночи и великое мужество людей, идущих на смерть за Родину.

Конечно, никакого «открытия» вообще здесь нет. Прием повторения того или иного слова в зачине широко применялся и применяется и в устной, и в письменной поэзии.

Но для меня в данном случае это было находкой: явилась строка, без которой я уже не мог обойтись. Я и думать забыл — хорей это или не хорей, потому что ни в каких хорях на свете этой строки не было, а теперь она была и сама определяла строй и лад дальнейшей речи.

Так нашлось начало одной из глав «Василия Теркина».

Вопросы и задания

1. Используя приведенные материалы, составьте план сообщения по теме «Книга про бойца: история и судьба».

2. В разделе о главе «Переправа» А.Т. Твардовский особо отмечает роль повтора. Какие еще повторы, помимо отмеченного автором, есть в данной главе? Какую выразительную роль они выполняют?

3. Приведите примеры использования поэтом различных тропов и фигур.

4. Какую лексику вводит А.Т. Твардовский для того, чтобы передать трагизм происходящего? Ответ подтвердите примерами из текста.

5. Назовите эпизоды, которые произвели на вас особое впечатление. Устно дайте развернутый отзыв на один из них.

6. Что вы можете добавить к характеристике главного героя — Василия Теркина на основании прочитанных глав? Подумайте, как проявляется характер Теркина в различных ситуациях на войне. Обоснуйте свой ответ.

7. Какие эпизоды поэмы иллюстрируют рисунки художника О.Г. Верейского?

- 8*. Прочитайте всю поэму. Что помогло Теркину стать поистине народным героем?

Живое слово

Проанализируйте одну из глав поэмы. Можете ориентироваться на вопросы и задания не только к поэме, но и к текстам других авторов.

Советуем прочитать

Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941–1945. — М., 2005.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАЙОРОВ (1919—1942)

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав, оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.
А жизнь научит правде и терпению,
Принудит жить, и, прежде чем стареть,
Она заставит выжать все уменье,
Какое ты обязан был иметь.

1939

БОРИС АНДРЕЕВИЧ БОГАТКОВ (1922—1943)

ПОВЕСТКА

Все с утра идет чредой обычной.
Будничный осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Шум троллейбусов, звонки трамваев,
Зов гудков доносится с окраин,
Торопливы толпы, как всегда.
Но сегодня и проходим в лица
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской:
Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу.

1941

МУСА ДЖАЛИЛЬ (МУСА МУСТАФОВИЧ ЗАЛИЛОВ)
(1906—1944)

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Земля!.. Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке...
Но стынут над стенами стены,
Тяжелая дверь — на замке.

О, небо, с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах...
Но тело на дне каземата
И пленные руки — в цепях.

Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводом
Дыханье слабеющих слов.

Я знаю — в объятиях света
Так сладостен мир бытия!
Но я умираю...

И это —
Последняя песня моя.

1943

Перевод с татарского Л. Дубаева

ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ ЛОБОДА (1914—1944)

НАЧАЛО

Лед раскололся тяжело,
Седой и хмурый.
Под каждым деревом жерло
Дышало бурей...
Стволам и людям горячо,
Но мы в азарте.
Кричим наводчикам:
— Еще,
Еще ударьте!.. —
Дрожит оглохшая земля.
Какая сила
Ручьи, и рощи, и поля
Перемесила!
И вот к победе напрямиком
За ротой рота
То по-пластунски, то бегом
Пошла пехота.

1944

Вопросы и задания

?

1. Перед вами стихи лишь нескольких поэтов, ушедших воевать с фашизмом и не вернувшихся с полей Великой Отечественной войны.

Из доступных вам источников узнайте хотя бы краткие сведения об их жизни и судьбе.

2. Выучите наизусть одно из понравившихся вам стихотворений и выразительно прочитайте его.

После уроков

...

1. Найдите стихотворения других поэтов, героически павших на полях войны. Узнайте, кто из поэтов вашего края воевал; подберите в школьной библиотеке о них материал и оформите его в виде книги или плаката.

2. Подготовьте сценарий литературно-музыкальной композиции «Строка, оборванная пулей».

**БОРИС
ЛЬВОВИЧ
ВАСИЛЬЕВ**
р. 1924

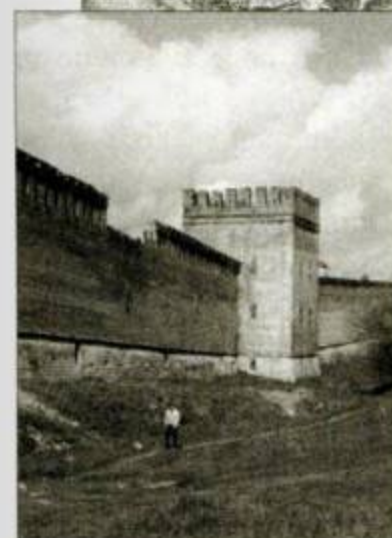
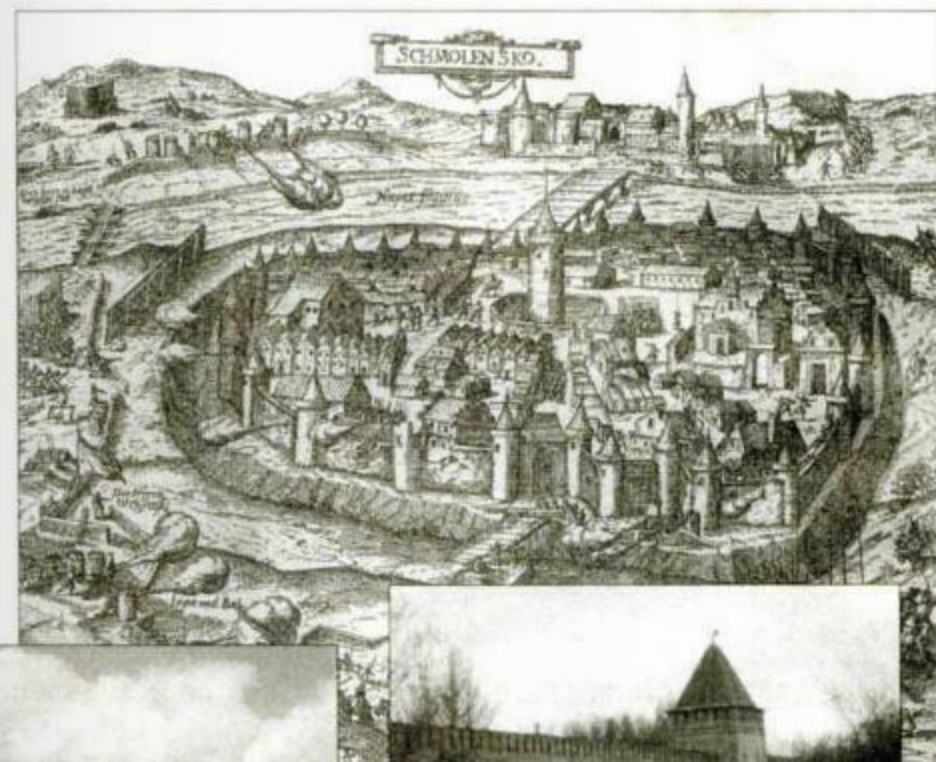
О себе, о годах своей юности Б.Л. Васильев написал в повести «Летят мои кони». Конечно, художественное произведение отличается от обычной автобиографии, но Борис Львович утверждал, что Смоленск и ощущения его, не лирического героя, а именно Бориса Львовича Васильева, переданы в произведении точно. Именно поэтому вместо биографии к собранию своих сочинений он выбрал «Летят мои кони».

ЛЕТЯТ МОИ КОНИ (Отрывок)

Мне сказочно повезло: я увидел свет в городе Смоленске. Повезло не потому, что он несказанно красив и эпически древен — есть множество городов и красивее, и древнее его, — повезло потому, что Смоленск моего детства еще оставался городом-плотом, на котором искали спасения тысячи терпящих бедствие. И я рос среди людей, плывущих на плоту.

Город превращают в плот история с географией. Географически Смоленск — в глубокой древности столица могущественного племени славян-кривичей — расположен на Днепре, вечной границе между Русью и Литвой, между Московским великим княжеством и Речью Посполитой, между Востоком и Западом, Севером и Югом, между Правом и Бесправием, наконец, потому, что именно здесь пролегла пресловутая черта

оседлости. История раскачивала народы и государства, и людские волны, накатываясь на вечно пограничный Смоленск, разбивались о его стены, оседая в виде польских кварталов, латышских улиц, татарских пригородов, немецких концов и еврейских слободок. И все это разноязыкое, разнообразье и разноукладное население лепилось подле крепости, возведенной Федором Коном еще при царе Борисе, и объединилось в единой формуле: **ЖИТЕЛЬ ГОРОДА СМОЛЕНСКА**. Здесь победители роднились с побежденными, а пленные находили утешение у вдов; здесь вчерашние господа превращались в сегодняшних слуг,

Гравюра «Осада Смоленска войсками Стефана Батория».
Художник Г. Келлер. 1610 г.

Смоленская крепостная стена.
Башни — Позднякова (слева), Воронина
Архитектор Ф.С. Конь. XVI в.

чтобы завтра дружно и упорно отбиваться от общего врага; здесь был край Ойкумены Запада и начала ее для Востока; здесь искали убежища еретики всех религий, и сюда же стремились бедовые москвичи, тверяки и ярославцы, дабы избежать гнева сильных мира сего. И каждый тащил свои пожитки, если под пожитками понимать национальные обычаи, семейные традиции и фамильные привычки. И Смоленск был плотом, и я плыл на этом плоту среди пожитков моих разноплеменных земляков через собственное детство.

1982

Вопросы и задания

1. Писатель в начале главки создает не совсем понятный образ города-плота, а затем это понятие уточняет. Как вы поняли смысл образа «город-плот»?

2. Можно ли по данному отрывку судить об отношении писателя к своей малой родине? Аргументируйте свой ответ.

3*. В тексте вы наверняка встретили непонятные слова и словосочетания, за которыми стоят достаточно серьезные события и явления. Выпишите их, расположите по алфавиту и попытайтесь составить толковый словарь.

Образец: «...именно здесь пролегла пресловутая черта оседлости» — до революции евреи не имели права жить «за чертой оседлости», то есть за пределами отведенных правительством границ.

4. Какие произведения Б.Л. Васильева вы знаете? О чем они?

Живое слово

Расскажите о своей местности, ее истории, значительных событиях и людях.

ЭКСПОНАТ №...

Игорек уходил ранним утром 2 октября 1941 года. В повестке значилось, что он «должен явиться к семи ноль-ноль, имея при себе...».

— Ложку да кружку, больше ничего не бери, — сказал сосед Володя. — Все равно либо потеряешь, либо сопрут, либо сам бросишь.

Володя был всего на два года старше, но уже успел повоевать, получить тяжелое ранение и после госпиталя долечивался дома у отца с матерью. А у Игоря отца не было, только мама, и поэтому мужские советы давал бывалый сосед:

— Ложку, главное, не забудь.

Этот разговор происходил накануне вечером, а в то раннее утро Игоря провожала мама да женщины их коммуналки. Мама стояла в распахнутых дверях, прижав кулаки ко рту. По щекам ее безостановочно текли слезы, а из-за плеч выглядывали скорбные лица соседок. Неделей раньше ушел в ополчение отец Володи; сам Володя, чтобы не смущать, уже спустился, уже ждал в подъезде, а Игорь вниз по лестнице уходил на войну, и женщины в бессловесной тоске глядели ему вслед. На мальчишеский стриженный затылок, на мальчишескую гибкую спину, на мальчишеские узкие плечи, которым предстояло прикрыть собой город Москву и их коммунальную квартиру на пять комнат и пять семей.

— Холодно, — гулко сказал снизу Володя. — Главное, не дрейфь, Игорек. Но пасаран.

Было сумрачно, синий свет слабенькой лампочки в подъезде странно освещал маму, которая так хотела проводить его до военкомата, но не могла оставить работу, потому что сменщиц уже не было, а работа еще была. И она потерянно стояла в дверях, отчаянно прижимая кулаки к безмолвному перекошенному рту, а из-за ее судорожно сведенных плеч страшными провальными глазами глядели соседки: по два лица за каждым плечом. Игорь оглянулся в конце первого лестнично-

го марша, но улыбнуться не смог, не до улыбок было в октябре того сорок первого. Но сказал, что все они тогда говорили:

— Я вернусь, мама.

Не вернулся.

И письмо Анна Федотовна получила всего одно-единственное: от 17 декабря; остальные — если были они — либо не дошли, либо где-то затерялись. Коротенькое письмо, написанное второпях химическим карандашом на листочке из ученической тетради в линейку.

«Дорогая мамочка!

Бьем мы проклятых фрицев и в хвост, и в гриву, только клочья летят...»

И об этой великой радости, об этом великом солдатском торжестве — все письмо. Кроме нескольких строчек:

«...Да, а как там поживает Римма из соседнего подъезда? Если не эвакуировалась, спроси, может, письмо мне напишет? А то ребята во взводе получают, а мне совершенно не с кем вести переписку...»

И еще, в самом конце:

«...Я здоров, все нормально, воюю как все. Как ты-то там одна, мамочка?»

И последняя фраза — после «до свидания», после «целую крепко, твой сын Игорь»:

«...Скоро, очень скоро будет и на нашей улице праздник!»

Праздник был не скоро. Скоро пришло второе письмо. От сержанта Вадима Переплетчикова: «Уважаемая Анна Федотовна! Дорогая мама моего незабвенного друга Игоря! Ваш сын был...»

Был.

Был Игорь, Игорек, Игоречек. Был сыном, ребенком, школьником, мальчишкой, солдатом. Хотел переписываться с соседской девочкой Риммой, хотел вернуться к маме, хотел дожидаться праздника на нашей улице. И еще жить он хотел. Очень хотел жить.

Три дня Анна Федотовна кричала и не верила, и коммуналка плакала и не верила, и сосед Володя, который уже считал дни, что оставались до медкомиссии, ругался и не верил. А еще через неделю пришла похоронка, и Анна Федотовна перестала кричать и рыдать навсегда.

Каждое утро — зимою и осенью еще затемно — она шла на Савеловский вокзал, где работала сцепщиком вагонов, и каждый вечер — зимой и осенью затемно — возвращалась домой. Вообще-то до войны она работала счетоводом, но в сорок первом на железной дороге не хватало людей, и Анна Федотовна пошла туда добровольно да так потом там и осталась. Там давали рабочую карточку, кое-какой паек, а за усталой, рано ссутулившейся спиной стояла коммуналка, из которой никто не уехал и в осень сорок первого. И мужчин не было, а дети были, и Анна Федотовна отдавала всю свою железнодорожную надбавку и половину рабочей карточки.

— Аня, все-то зачем отдаешь? Ты сама на себя в зеркало глянь.

— Не вам, соседки, детям. А в зеркало мы с вами и после войны не глянемся. Отгляделись.

Отгляделись, да не отплакались. Еще шли похоронки, еще не тускнели воспоминания, еще не остыли подушки, и вместительная кухня горько справляла коммунальные поминки.

— Подружки, соседки, сестрички вы мои, помяните мужа моего Волкова Трофима Авдеевича. Я патефон его премиальный на сырец сменяла, на что мне теперь патефон. Поплачь и ты со мной, Аня, поплачь, родимая.

— Не могу, Маша. Сгорели слезы мои.

А от Трофима Волкова трое «волчат» осталось. Трое, и старшему — девять. Какие уж тут слезы, тут слезы не помогут, тут только одно помочь способно: плечом к плечу. Живой женской стеной оградить от смерти детей. Валентина (мать Володи) плечом к Полине, проживавшей с дочкой Розочкой в комнате, где прежде, еще при старом режиме, находилась ванная: там прорубили узенькое окошко, света не хватало, и вся квартира Розочку Беляночкой звала. А Полина — плечом к Маше Волковой, за которой — трое, а Маша — к Любе — аптекарше с близнецами Герой да Юрой: пятнадцать лет на двоих. А Люба — к Анне Федотовне, а та — опять к Валентине, к другому ее плечу, и хоть некого ей было прикрывать, да дети — общие. Это матери у них разные и отцы, если живы, а сами дети — наши. Общие дети коммунальных квартир с переделанными под жилье ванными и кладовками, с заколоченными парадными подъездами еще с той, с Гражданской войны, с общими коридорами

и общими кухнями, на которых в те годы собирались вместе чаще всего по одной причине.

— Вот и моему срок вышел, подружки мои дорогие, — давила слезами Полина, обнимая свою всегда серьезную Розочку, которую полутемная ванная да темные дни войны окончательно превратили в Беляночку. — Муж мой Василий Антонович пал храброй смертью, а где могила его, того нам с дочкой не писали. Выходит, что вся земля его могила.

Выпивала Анна Федотовна поминальную за общим столом, шла к себе, стелила постель и перед тем, как уснуть, обязательно перечитывала оба письма и похоронку. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, месяцы — в годы; пришел с войны еще раз покалеченный Владимир, и это был единственный мужчина, кто вернулся в их коммуналку на пять комнат и пять вдов, не считая сирот. А за ним вскоре пришла победа, возвращались из эвакуации, с фронтов и госпиталей москвичи, оживал город, и оживала вместе с ним коммуналка. Опять зазвучал смех и песни, и сосед Владимир женился на девушке Римме из соседнего подъезда.

— Как ты мог? — сквозь слезы сдавленно спросила Анна Федотовна, когда он пригласил ее на свадьбу. — Ведь с нею Игорек переписываться мечтал, как же ты мог?..

— Прости нас, тетя Аня, — сказал Владимир и виновато вздохнул. — Мы все понимаем, только ты все-таки приди на свадьбу.

Время шло. Анна Федотовна по-прежнему утром уходила на работу, а вечером читала письма. Сначала это было мучительно болезненной потребностью, позже — скорбной обязанностью, потом — привычной печалью, без которой ей было бы невозможно уснуть, а затем — ежевечерним непереносимым и чрезвычайно важным разговором с сыном. С Игорьком, так и оставшимся мальчишкой навсегда.

Она знала письма наизусть, а все равно перед каждым сном неторопливо перечитывала их, всматриваясь в каждую букву. От ежевечерних этих чтений письма стали быстро ветшать, истираться, ломаться на сгибах, рваться по краям. Тогда Анна Федотовна сама, одним пальцем перепечатала их у знакомой машинистки, с которой когда-то — давным-давно, еще с голоду двадцатых — вместе перебрались в Москву.

Подруга сама рвалась перепечатать пожелтевшие листочки, но Анна Федотовна не разрешила и долго и неумело тюкала одним пальцем. Зато теперь у нее имелись отпечатанные копии, а сами письма хранились в шкатулке, где лежали дорогие пустяки: прядь Игоревых волос, зажим его пионерского галстука, значок «Ворошиловский стрелок» ее мужа, нелепо погибшего еще до войны, да несколько фотографий. А копии лежали в папке на тумбочке у изголовья: читая их перед сном, она каждый раз надеялась, что ей приснится Игорек, но он приснился ей всего два раза.

Такова была ее личная жизнь с декабря сорок первого. Но существовала и жизнь общая, сосредоточенная в общей кухне и общих газетах, в общей бедности и общих праздниках, в общих печалях, общих воспоминаниях и общих шумах. В эту коммунальную квартиру не вернулся не только Игорь: не вернулись отцы и мужья, но они были не просто старше ее сына — они оказались жизненнее его, успев дать поросль, и эта поросль сейчас шумела, кричала, смеялась и плакала в общей квартире. А после Игоря остались учебники и старый велосипед на трех колесах, тетрадка, куда он переписывал любимые стихи и важные изречения, да альбом с марками. Да еще сама мать осталась: одинокая, почерневшая и разучившаяся рыдать после похоронки. Нет, громкоголосые соседи, сплоченные роковыми сороковыми да общими поминками, никогда не забывали об одинокой Анне Федотовне, и она никогда не забывала о них, но темная ее сдержанность невольно приглушала звонкость подрастающего поколения, либо уже позабывшего, либо вообще не знавшего ее Игорька. Все было естественно, Анна Федотовна никогда ни на что не обижалась, но однажды серьезная неприятность едва не промелькнула черной кошкой за их коммунальным столом.

Случилось это, когда Римма благополучно разрешилась в роддоме первенцем. К тому времени умерла мать Владимира, отец еще в ноябре сорок первого погиб под Сходней в ополчении, и Владимир попросил Анну Федотовну быть вроде как посаженной матерью и бабкой на коммунальном торжестве. Анна Федотовна не просто сразу согласилась, но и обрадовалась, и потому, что не забыли о ней на чужих радостях, и потому, конечно, что знала Володю с детства, считала своим, почти

родственником, дружила с его матерью и очень уважала отца. Но, радостно согласившись, тут же и почернела, и хотя ни слова не сказала, но Владимир понял, что подумала она при этом об Игоре. И вздохнул:

— Мы нашего парнишку Игорем назовем. Чтоб опять у нас в квартире Игорек был.

Анна Федотовна впервые за много лет улыбнулась, и коммунальное празднество по поводу появления на свет нового Игорька прошло дружно и весело. Анна Федотовна сидела во главе стола, составленного из пяти разнокалиберных кухонных столиков, и соседи говорили тосты не только за младенца да молодых маму с папой, но и за нее, за названую бабу, и — стоя, конечно, — за светлую память ее сына, в честь которого и назвали только что родившегося гражданина.

А через неделю вернулась из роддома счастливая мать с младенцем на руках и с ходу объявила, что ни о каком Игоре и речи быть не может. Что, во-первых, она давно уже решила назвать своего первого Андреем в память погибшего на войне собственного отца, а во-вторых, имя Игорь теперь совершенно немодное. К счастью, все споры по этому поводу между Риммой и Владимиром происходили, когда Анна Федотовна была на работе; в конце концов Римма, естественно, победила, но молодые родители, а заодно и соседи решили пока ничего не говорить Анне Федотовне. И дружно промолчали; спустя несколько дней Владимир зарегистрировал собственного сына как Андрея Владимировича, к вечеру опять устроили коммунальную складчину, на которой Римма и поведала Анне Федотовне о тайной записи и показала новенькое свидетельство о рождении. Но Анна Федотовна глядела не в свежие корочки, а в счастливые глаза.

— А Игорек мой, он ведь любил тебя, — сказала. — Переписываться мечтал.

— Да чего же переписываться, когда я в соседнем подъезде всю жизнь прожила? — улыбнулась Римма, но улыбка у нее получилась несмелой и почему-то виноватой. — И в школе мы одной учились, только он в десятом «Б», а я — в восьмом «А»...

— Будьте счастливы, — не дослушала Анна Федотовна. — И пусть сынок ваш никогда войны не узнает.

И ушла к себе.

Напрасно стучались, звали, просили — даже двери не открыла. И почти полгода с того вечера малыша старалась не замечать. А через полгода — суббота была — в глухую и, кажется, навеки притихшую комнату без стука ворвалась Римма с Андрейкой на руках.

— Тридцать девять у него! Володя на работе, а он — криком кричит. Я за «скорой» сбегаю, а вы пока с ним тут...

— Погоди.

Анна Федотовна распеленала ребенка, животик ему пощупала, вкатила клизму. Когда доктор приехал, Андрейка уже грохотал погремушкой у не признававшей его названной бабки на руках.

— Не умеешь ты еще, Римма, — улыбнулась Анна Федотовна, когда врач уехал. — Придется мне старое вспомнить. Ну-ка показывай, что сын ест, где спит да чем играет.

И с этого дня стала самой настоящей бабушкой. Сама забирала Андрейку из яслей (сдавала его Римма, ей по времени получалось удобнее), кормила, гуляла с ним, купала, одевала и раздевала и учила молодую мамашу:

— Игрушек много не покупай, а то он всякий интерес потеряет. И на руки пореже бери. В крайнем случае только: пусть наш Андрейка к самостоятельности привыкает. Себя развлекать научиться, это, Римма, огромное дело.

— Анна Федотовна, бабушка наша дорогая, следующего мы непременно Игорьком назовем. Честное комсомольское!

Следующей родилась девочка, и назвали ее Валентиной в честь матери Владимира — на этом уж Анна Федотовна настояла. А сама все ждала и ждала, а ее очередь все не приходила и не приходила.

А время шло себе и шло. Росли дети — уже не просто названные, уже самые что ни на есть родные внуки Анны Федотовны Андрюша и Валечка; выросли их родители Владимир Иванович и Римма Андреевна; старела, темнела, таяла на глазах и сама Анна Федотовна. Менялись жильцы в некогда плотно населенной коммунальной квартире: получали отдельное жилье, менялись, уезжали и переезжали, и только две семьи — Владимира и Риммы да одинокой Анны Федотовны — не трогались с места. Владимир и Римма понимали, что Анна Федотовна ни за что не уедет из той комнаты, порог которой

навсегда переступил ее единственный сын, а дети — да и они сами — так привязались к осиротевшей старой женщине, что Владимир решительно отказывался от всех вариантов, настаивая дать им возможность улучшить свои жилищные условия за счет освободившейся площади в этой же квартире. И к началу шестидесятых им в конце концов удалось заполучить всю пятикомнатную квартиру с учетом, что одну из комнат они вновь переделают в ванную, которой у них не было чуть ли не с Гражданской войны, одна — большая — остается за Анной Федотовной, а три они получают на все свои четыре прописанных головы. К тому времени, как было получено это разрешение, после всех перепланировок и ремонтов, связанных с восстановлением ванной комнаты, Анна Федотовна оформила пенсию, хотела пойти еще поработать и...

— А внуки? — строго спросил на семейном совете Владимир Иванович. — Андрейке — девять, Валюшке — пять: вот она, самая святая твоя работа, тетя Аня.

— А жить нам вместе сам Бог велел, — подхватила Римма. — У нас родители погибли, у вас — Игорек, так давайте всю вашу пенсию в один котел, и будем как одна семья.

— А мы и есть одна семья, — улыбнулся муж, и вопрос был решен.

Да, все менялось в жизни, менялось, в общем, к лучшему, но одно оставалось неизменным: письма. Письмо Игоря, сохранившее для нее не только его полудетский почерк, но и его голос; и письмо однополчанина и друга, звучавшее теперь как последний рассказ о сыне. Время коснулось и писем, но не только тленом, а как бы превратив слова в звуки: теперь она все чаще и чаще совершенно ясно слышала то, что аккуратно перечитывала перед сном. Знала наизусть и слышала наизусть, а все равно внимательно вглядывалась в каждую строчку и ни за что не смогла бы уснуть, если бы по какой-либо причине этот многолетний ритуал оказался бы нарушенным.

Два перепечатанных письма и похоронка, которую она тоже знала наизусть, но которая тем не менее всегда оставалась безмолвной. В ней не звучало ни единого слова, да и не могло звучать, потому что похоронка всю жизнь воспринималась Анной Федотовной копией могильной плиты ее сына, превращенной в листок казенной бумаги, но сохранившей при этом всю свою

безмолвную гробовую тяжесть. И, читая ее каждый вечер, осиротевшая мать слышала только холодное безмолвие могилы.

А самая главная странность заключалась в том, что Анна Федотовна до сей поры так никому и не призналась в своей странной привычке. Сначала от острого чувства одиночества и не менее острого желания сберечь это одиночество, потому что совсем не одинока была она в горе своем в то черное, горькое время. Потом, когда притупилась первая боль, ее ровесницы-соседки — те, которые испытали то же, что испытала она, у кого не вернулись сыновья или мужья, — уже успели либо помереть, либо переехать. В коммунальной квартире исчезали вдовы, а молодежи становилось все больше, и потому все чаще звучал смех, все веселее становились голоса и громче — разговоры. Привычная родная коммуналка, из которой тусклым промозглым рассветом навсегда ушел ее Игорек, молодела на ее глазах, и Анна Федотовна уже не решалась признаться этой помолодевшей квартире в своей укоренившейся за это время привычке. А потом все это вместе стало ритуалом, почти священнодействием со своей уже сложившейся последовательностью, ритмом, торжественностью и только ею одной слышимыми голосами, и старая одинокая женщина уже вполне сознательно скрывала свою странность от шумного, звонкого, столь далекого от тех роковых сороковых подрастающего населения.

И так продолжалось из года в год. Жили в бывшей коммунальной квартире единой семьей: старшие работали, младшие учились. Анна Федотовна, как могла, помогала им работать и учиться, взяв на себя домашние хлопоты: стоговить, накормить, убрать. После ужина смотрела с Владимиром и Риммой телевизор — старенький, с крохотным экраном «КВН», — а когда заканчивались передачи, уходила к себе, укладывалась в постель, доставала письма, и в ее сиротской комнате начинали звучать голоса сорок первого года...

«...Скоро, очень скоро будет и на нашей улице праздник!..»

В 65-м к юбилею Победы по телевидению начали передавать множество фильмов о войне — художественных и документальных, смонтированных из военной хроники тех лет. Обычно Анна Федотовна никогда их не смотрела: еще шли титры, а она уже поднималась и уходила к себе. Не могла она заставить свое насквозь изъеденное тоской сердце обжигаться

гибелью мальчиков, ровесников ее сына, даже если это был фильм художественный и наземь красиво падали красивые актеры. Для нее это было не столько свидетельством смерти, сколько знаком смерти, ненавистным ей реальным оттиском реального убийства ее единственного сына. И она уходила, ничего не объясняя, потому что и объяснять-то было некому: Владимир и Римма и без слов ее отлично понимали.

Только однажды задержалась она в комнате дольше обычного. Уже шел на крохотном кавээновском экране какой-то фильм о войне — сам по себе, собственно, шел, никто его не смотрел. У одиннадцатилетней Валечки начало вдруг прогрессировать плоскостопие, ее срочно показали специалисту, и тем вечером родители и Анна Федотовна горячо обсуждали рекомендации этого специалиста. И так этим увлеклись, что забыли про телевизор, на экране которого с приглушенным звуком (дети уже спали) демонстрировался какой-то документальный фильм.

Анна Федотовна совершенно случайно глянула на экран — все ее помыслы вертелись тогда вокруг Валечкиного плоскостопия, — но глянула и увидела уходящую от нее узкую мальчишескую спину в грязной шинели, с винтовкой и тощим вещмешком за плечами.

— Игорек!.. Игорек, смотрите!..

Но Игорек (если это был он) снова ушел, как ушел почти четверть века назад — навсегда и без оглядки. И никто не знал, что это был за фильм, как он назывался и в какой рубрике телепрограмм его следует искать. Ничего не было известно и ничего невозможно было узнать, и поэтому Анна Федотовна отныне целыми днями сидела у телевизора, придвигаясь почти вплотную к малюсенькому экрану, как только начинались военные передачи. Теперь она смотрела все, что касалось войны, — фильмы, хронику и даже телеспектакли, потому что в любой момент могла мелькнуть на экране мальчишеская спина в грязной шинели с винтовкой и вещмешком. Пережаривались на кухне котлеты, выкипали супы, ревела Валечка из-за неглаженного фартука, хватал двойки уловивший вольготную полосу Андрейка, а Анна Федотовна, не отрываясь, все смотрела и смотрела старенький громоздкий телевизор.

Не появлялась больше спина, ушедшая тревожной осенью сорок первого прикрывать Москву. А может, не его это была спина, не Игорька? Мало ли их, этих мальчишеских спин, ушло от нас навсегда, так и не оглянувшись ни разу? Это было вероятнее всего, это спокойно и рассудительно доказывал Владимир, об этом осторожно, исподволь нашептывала Римма, но мать, не слушая доводов, упорно вглядывалась в экран.

— Ну что ты смотришь, что ты смотришь, это же Сталинградская битва!

— Оставь ее, Володя. Тут наши уговоры не помогут.

Все вдруг изменилось в доме, но одно осталось без изменения, как обещание возврата к прежнему размеренному покою, как надежда если не на светлое, то на привычное будущее. Не претерпел никаких новшеств ежевечерний ритуал: целыми днями с небывалым напряжением вглядываясь в экран телевизора, Анна Федотовна по-прежнему перечитывала перед сном заветные письма. Так же неторопливо, так же внимательно, так же слыша голоса двух из трех полученных ею весточек с войны, живший в ней голос Игорька и второй — его друга сержанта Вадима Переплетчикова, которого она никогда не видела и не слышала, но голос которого ясно звучал чистым мальчишеским альтиком. Они были очень похожи, эти два голоса: их объединяли молодость и дружба, война и опасность, общая жизнь и, как подозревала Анна Федотовна, общая смерть, которая настигла одного чуть раньше, другого — чуть позже, только и всего. И, несмотря на полную братскую схожесть, она отчетливо разделяла эти голоса, потому что их более не существовало: они продолжали жить только в ее сердце.

Уже отметили юбилей Победы, уже телевидение начало резко сокращать количество военных передач, а Анна Федотовна продолжала сидеть перед телеэкраном, все еще надеясь на чудо. Но чудес не существовало, и, может быть, именно поэтому она как-то впервые за много лет запнулась на письме друга. Должна была следовать фраза «Ваш Игорь, дорогая Анна Федотовна, всегда являлся примером для всего нашего отделения...», а голос этой фразы не произнес. Замолк голос, оборвался, и Анна Федотовна растерялась: ритуал неожиданно дал сбой. Вслушалась, но голос не возникал, и тогда она начала лихорадочно просматривать письмо сержанта, уже не надеясь на

его голос и собственную память. Напрягая зрение, она то приближала, то отдаляла от себя затертый листок с машинописным текстом, поправляла лампу, чтобы ярче высветить его, но все было напрасным. Она не видела ни одной буквы, слова сливались в строчки, строчки — в неясные черточки, и Анна Федотовна со странным, зябким спокойствием поняла, что многодневные сидения перед тусклым экраном телевизора не прошли для нее даром.

Она не испугалась, не растерялась и никому ничего не сказала: зачем зря беспокоить людей? Но на другой день, проводив детей в школу, собралась в районную поликлинику. Одевшись, проверила, не забыла ли паспорт, вышла на улицу и, качнувшись, испуганно остановилась; все предметы казались размытыми, люди и машины возникали вдруг, точно из непроницаемого тумана. В квартире она не замечала ничего подобного, то ли потому, что все было знакомым и память корректировала ослабевшее зрение, то ли потому, что все расстояния были ограничены. Ей пришлось постоять, чтобы хоть как-то свыкнуться с новым ударом, и до поликлиники она не дошла, а доплелась.

Очки, которые прописал окулист, помогли ходить, но читать Анна Федотовна уже не могла. Но все равно каждый вечер перед сном она брала письма и неторопливо вглядывалась в них, слушая голоса или вспоминая навечно врубившиеся в память строки: «...ваш сын рядовой Силантьев Игорь Иванович пал смертью храбрых...»

Это помогало, пока Анна Федотовна еще замечала хотя бы черточки строчек. Но год от года зрение все ухудшалось, мир тускнел, уходя в черноту, и хотя теперь в семье был новый телевизор с большим экраном, она и его не могла смотреть, и узкая мальчишеская спина вновь ушла от нее навсегда. Но это происходило постепенно, позволяя ей если не приспособливаться, но примиряться, и Анна Федотовна воспринимала все с горечью неизбежности. Но когда в бесценных ее листочках стали исчезать последние штрихи, когда перед ее окончательно ослабевшими глазами оказались вдруг однотонные серые листы бумаги, она испугалась по-настоящему. И впервые за все десятилетия рассказала о священном своем ритуале единственному человеку: Валечке. Не только потому, что Валя выросла на ее руках, звала бабушкой

и считала таковой: к тому времени Валя уже стала студенткой Первого медицинского института, и это окончательно убедило Анну Федотовну, что доверить такую тайну можно только своей любимице. И хотя Вале не всегда удавалось читать ей письма регулярно — то отъезды, то ночные дежурства, то непредвиденные молодые обстоятельства, — привычная жизнь в общем своем потоке вернулась в свое русло.

И продолжала неумолимо нестись вперед. Женился и переехал к жене молодой инженер-строитель Андрей; Валя заново перепечатала тексты всех трех писем (оригиналы по-прежнему хранились в заветной шкатулке); в середине семидесятых скончался от старых фронтовых ран Владимир Иванович, Валентина без всякого замужества родила девочку, и Анна Федотовна ослепла окончательно.

Но помощи ей почти не требовалось. Она свободно передвигалась по квартире, в которой практически прожила жизнь, знала, где что стоит да где что лежит, быстро научилась ухаживать за собой и продолжала стирать на всю семью. Вытянув руку и шаркая тапочками, бродила по бывшей коммуналке, в которой опять остались одни женщины, и думала, как странно устроена жизнь, коли с таким упорством возвращает людей к тому, от чего они хотели бы убежать навсегда.

Но главной ее заботой, ее последней радостью и смыслом всего ее черного существования стала теперь голосистая безотцовщина Танечка. Анна Федотовна не могла дожидаться, когда бабушка Римма приведет ее сначала из яслей, потом — из детского сада, а затем и из школы, тем более что вскоре школ оказалось две, поскольку Танечку параллельно заставили учиться еще и в музыкальной. Анна Федотовна играла с ней куда больше, чем занятые работой, магазинами и хозяйством мать и родная бабушка; рассказывала ей сказки, которые когда-то рассказывала своему сыну; отвечала на бесчисленные «почему?», а в пять лет впервые познакомила с заветными письмами, показав не только копии, но и оригиналы и подробнейшим образом растолковав разницу между этими бумажками. А еще через год Танечка научилась читать и заменила маму у постели Анны Федотовны. Правда, из-за этого Анне Федотовне пришлось ложиться раньше Танечки, но и это было к лучшему: она старела, начала быстро уставать, задыхаться, просыпаться до света и долго лежать без сна.

Она любила эти внезапные пробуждения среди ночи. Было как-то особенно тихо, потому что спала не только вся квартира, но и весь мир, а шум редких автомашин лишь скользил по стенам дома, касался стекол в окнах, заставляя их чуть вздрагивать, и исчезал вдали. Темнота, вечно окружавшая ее, делалась беззвучной и ощутимой, как бархат; Анне Федотовне становилось покойно и уютно, и она неторопливо начинала думать о своем Игорьке.

Она вспоминала его совсем крохотным, беспомощным, целиком зависящим от ее тепла, внимания и ласки, от ее груди и ее рук — от нее, матери, будто их все еще соединяла пуповина, будто живые токи ее тела питали его и наливали силой и здоровьем для завтрашних невзгод. Вспоминала, как ежедневно купала его, и до сей поры ощущала то величайшее счастье, которое испытывала тогда. Вспоминала, как он радостно тарачил на нее круглые, доверчивые глаза, как отчаянно взбивал крепкими ножками воду в ванночке, с каким самозабвением колотил по ней кулачками и как при этом не любил и даже побаивался мыла.

Она вспоминала, как он начал сам вставать в кроватке, цепко хватаясь руками за перила. И как сделал... нет, не сделал — как совершил первый шаг и сразу упал, но не испугался, а засмеялся; она подняла его, и он тут же шагнул снова, снова шлепнулся и снова засмеялся. А потом зашагал, затопал, забегал, часто падая и расшибаясь, часто плача от боли, но сразу же забывая эту боль. Ах, сколько синяков и шишек он наставил себе в это время!

Ванночка уже не вмещала сына. Это было на прежней квартире; там всегда почему-то дуло, и она боялась, что простудит Игорька во время этих купаний. И все время хотела куда-нибудь переехать, разменяться с кем-либо на любой район и любую площадь.

Нет, не только потому она стремилась обменять комнату, что сын перестал уместиться в ванночке и его теперь приходилось мыть по частям. Она решилась на этот обмен потому, что сын настолько вырос, что однажды задал вопрос, которого она так ждала и так боялась:

— А где мой папа?

А они даже не были расписаны, и папа уехал навсегда, когда Игорьку исполнилось три года. И матери все время каза-

лось, что сын помнит канувшего в небытие отца, что сама эта комната, соседи, вещи, стены — все рассказывает ему то, о чем не следовало бы знать. И как только сын заинтересовался отцом, Анна Федотовна тут же обменяла свою большую удобную комнату с балконом и оказалась в коммуналке, где сразу же объявила себя вдовой. Вот в этой самой комнате, из которой ушел Игорек и в которой ей, может быть, посчастливится окончить свою жизнь.

Школьный период в коротенькой биографии сына Анна Федотовна вспоминала реже. Нет, она отчетливо помнила все его рваные локти и сбитые коленки, все «очень плохо» и «очень хорошо», все радости и горести. Но тогда он уже не принадлежал ей одной, безраздельно; тогда школа уже вклинилась между нею и сыном, уже успела создать для него особый мир, в котором не оказалось места для нее: мир своих друзей и своих интересов, своих обид и своих надежд. Игорь-школьник принадлежал матери только наполовину, и поэтому она предпочитала помнить его малышом.

Правда, один случай любила вспоминать часто и в подробностях и тогда, кажется, даже чуть улыбалась.

Игорек бежал в Испанию. Мальчики, обреченные на безотцовщину, растут либо отчаянными неслухами, либо тихонями, и ее сын склонялся к последнему типу. Тихони из дома не бегают, зато с удовольствием подчиняются тем, кто бегают, а в том испанском побеге коноводом был соседский Володька, сын Валентины и Ивана Даниловича. Он рвался еще в Абиссинию защищать эфиопов от итальянских фашистов, но по полной географической необразованности запутался в направлении и опоздал. Потом начались испанские события, а в их квартире — строительство баррикад. Баррикады воздвигались совместно с Игорем, соседи ругались, потирая зашибленные места, а по всей коммуналке гремело звонкое «Но пасаран!».

Через год атмосфера в Испании накалилась настолько, что без Володьки республиканцы обойтись никак уже не могли. Одному двигаться было сложно (опять проклятая география!); Володька с трудом уломал Игорька смотаться в Мадрид, разгромить фашистов и вернуться к майским праздникам в Москву. Однако бежали приятели почему-то через Белорусский вокзал, где их и обнаружил сосед Трофим Авдеевич, поскольку вся квартира была брошена на поиски, но повезло именно ему:

— Марш домой, огольцы!

Но каким бы Анна Федотовна ни представляла себе сына — беспомощным, ползающим, топающим, убегающим в Испанию или решающим непонятные ей задачи, — в конце концов он непременно вставал перед ней медленно спускающимся с первого лестничного марша. И каждый вечер она видела его узкую мальчишескую спину и слышала одну и ту же фразу:

— Я вернусь, мама.

И еще она отчетливо помнила дыхание соседок за спиной, тогдашних солдаток, постепенно в порядке непонятной страшной очереди превращавшихся из солдаток во вдов. Перебирала в воспоминаниях коммунальные поминки, общую беду и общую бедность, серую лапшу с яичным порошком, карточки, лимитные книжки для коммерческих магазинов, на которые никогда не хватало денег, и — огороды. У всех тогда были огороды: с них кормилась, на них поднималась послевоенная Москва.

Участки распределялись предприятиями, но выращивали картошку всей коммуналкой сообща. Выходными, а то и просто вечерами по очереди ездили сажать, окучивать, копать. И знали, чью картошку едят сегодня за общим столом: у Любы-аптекарки она поспевала раньше, у Маши была особенно рассыпчатой, а олады лучше всех получались у Валентины. Теперь нет такой картошки. Теперь есть только три сорта: рыночная, магазинная да какая-то кубинская. А тогда был только один: коммунальный. Один для всех, кто пережил войну.

Вот так в привычных дневных делах, вечернем чтении писем, предрассветных воспоминаниях и вечной непроглядной тьме и проходила ее жизнь. Время текло с прежним безразличием к судьбам людским, равномерно отсчитывая падающие в никуда мгновения, но Анна Федотовна уже не замечала своего уходящего времени. Пережив где-то в шестьдесят прозрение в неизбежности скорого разрушения и скорого ухода из жизни, — то, что привычно именуется старостью, — она сохранила ясность ума и способность обходиться без посторонней помощи, потому что весь смысл ее жизни был в прошлом. Все настоящее было преходящим и быстротечным: тот небольшой объем домашней работы, который она оставила за собой; все истинное, то, ради чего еще стоило жить и терпеть, начиналось с вечернего чтения Та-

нечки, короткого сна и заканчивалось бесконечно длинными и прекрасными воспоминаниями о сыне. Там, в этих воспоминаниях, она ощущала свое могущество: могла останавливать само время, поворачивать его вспять, вырывать из него любые куски и перетасовывать их по собственному желанию. Это было ее личное, всею жизнью выстраданное царство, и если к ней допустимо применить понятие счастья, то Анна Федотовна была счастлива именно сейчас, на глубоком закате своей жизни.

Ей уже торжественно справили восьмидесятилетие, на которое собралась не только вся семья, но пришли сыны и дочери тех, кто когда-то жил с нею бок о бок в голодной коммуналке. Кто если и не помнил, так, по крайней мере, мог хотя бы видеть живым ее Игорька, поскольку семенил, пищал и ползал в то первое военное лето. И поэтому им, практически уже незнакомым, посторонним людям, она обрадовалась больше всего.

— Погоди, погоди... — проводила кончиками сухих невесомых пальцев по лицу, осторожно касалась волос. — Так. Полина дочка, что в ванной жила. Роза. Помню, помню. — Голова у Анны Федотовны уже заметно тряслась, но держала она ее прямо и чуть выше обычного, как держат головы все слепые. — Ты без солнышка росла тут, недаром мы тебя Беляночкой звали. Замужем?

— Дайте руку, тетя Аня. — Бывшая Беляночка, а ныне весьма солидная дама взяла сухую старческую ладонь и приложила ее к щеке своего соседа. — Мой муж Андрей Никитич. Знакомьтесь.

— Здравствуй, Андрей. Детишки-то есть у вас?

— Одна детишка со стройотрядом уехала, второй — в армии, — сказал муж. — Мы уж с Розой старики...

Жена сердито дернула его за рукав, и он сразу же виновато примолк. А Анна Федотовна без всякой горечи подумала, какая же тогда она древняя старуха, если дети детей служат в армии и уезжают в неведомые ей стройотряды. Что служат и уезжают — это ничего, это хорошо даже, только бы войны не было. Только бы мальчишки не уходили от матерей, медленно спускаясь по лестничным маршам навсегда.

Такие мысли частенько посещали ее: она принимала окружающую ее жизнь очень близко, потому что эта такая не-

понятная с виду, а по сути такая обыкновенная жизнь представлялась ей теперь вроде большой коммунальной квартиры. Где все рядом, где все свои, где горюют общим горем и радуются общим радостям, где едят общую картошку после общих трудов и откуда могут вдруг снова начать уходить сыновья. Вниз по лестнице в никуда. И до боли страдала за всех матерей.

— А меня узнаете, тетя Аня?

Бережно коснулась рукой:

— Гера. А Юрка где? Не пришел?

Напутала старая: Юрий стоял сейчас перед нею, а не Гера. Но никто не стал уточнять, только поулыбались. А Юрий неуверенно кашлянул и уверенно сказал:

— Юрка-то? Юрка, тетя Аня, гидростанции на Памире строит, привет вам просил передать. И поздравления.

— За стол, ребята, за стол! — скомандовала Римма. — Ведите именинницу на почетное место.

За столом как расселись, так сразу и повели непрерывные разговоры о том далеком времени. Гости вспоминали его и вместе и поодиночке, но вспоминали как-то очень уж общо, точно прочли несколько статей о Москве сорок первого прежде, чем идти сюда. Но Анна Федотовна ничего этого не замечала и была бесконечно счастлива, а седая, располневшая, год назад ушедшая на пенсию Римма могла быть довольна и была довольна, потому что всех этих гостей она не просто привела на торжество, но и хорошенько проинструктировала. Она была очень умной женщиной, и Игорек недаром мечтал с нею переписываться. Она заранее подобрала в библиотеке книжки, но каждому гостю велела прочитать что-то одно, чтобы все вместе могли говорить о разном и даже спорить, а сама Римма, зная об Игоре все, лишь подправляла эти воспоминания вовремя уточненными деталями. И все тогда прошло замечательно: бывшая коммуналка отметила восемь десятков осиротевшей женщины так, как редко кто отмечает.

А затем пришел 1985 год. Год сорокалетия Великой Победы.

К празднику готовились, его ждали, им заслуженно гордились. И снова по телевидению — только теперь несравненно больше, чем двадцать и десять лет назад, — пошли фильмы и хроника, песни и стихи, воспоминания и документы войны.

И все, кроме Анны Федотовны, смотрели передачи цикла «Стратегия победы», а Анна Федотовна уходила к себе. Ей было больно и горько: только она, она одна могла узнать родную мальчишескую спину из далекого сорок первого, но слепота навеки лишила ее этой возможности. Возможности последнего чуда: увидеть перед смертью давно погибшего сына.

А может, тогда, в шестьдесят пятом, и вправду мелькнул не ее Игорек? Тем более что видела она ту спину всего мгновение, видела неожиданно, не успела взглядеться... И внутренне, где-то очень, очень глубоко, почти тайком от себя самой, понимала, что это — не он. Не сын, не Игорек, но не хотела прислушиваться к трезвому голосу рассудка, а хотела верить, что Игорь хоть и погиб, но как бы не окончательно, как бы не весь, что ли. Не исчез бесследно, не истлел в братской могиле, не распался, а остался навеки в бледном отпечатке пленки, когда камера оператора снимала не его специально, а самую фронтовую жизнь, и в той фронтовой реальной жизни реально жил, двигался, существовал теперь уж навсегда ее сын. В это хотелось верить, в это необходимо было верить, и она верила. Только верила, не пытаясь ничего проверять.

— Бабуля, это к тебе, — громко и радостно объявила Танечка, входя в квартиру в сопровождении двух очень серьезных девочек и одного еще более серьезного мальчика. — Ты покажи им все и расскажи, ладно? А я побежала, я в музыкальную школу опаздываю. — И умчалась.

А слепая Анна Федотовна осталась на пороге кухни, не видя, но точно зная, что трое ребятшек застенчиво жмутся у порога.

— Раздевайтесь, — сказала. — И проходите в комнату прямо по коридору. Я сейчас приду к вам.

Гости чинно проследовали в ее комнату, а она вернулась на кухню. Привычно домыла тарелки, с привычной осторожностью поставила их на сушилку и прошла к себе. Дети стояли у дверей, выстроившись в шеренгу; проходя, она легонько коснулась каждого пальцами, определяя, какие же они, ее внезапные гости, обнаружила, что стоявшая первой девочка выше и крепче очень серьезного мальчика, а последняя — маленькая и живая: она все время качалась, шепталась и переминалась с ноги на ногу, поскрипывая туфельками. «Значит, очень уж ей туфельки нравятся, наверно, обновка, — подумала Анна Федо-

товна. — А высокая, видать, у них за старшую, потому-то парнишка и пыжится. Да еще и волнуется, лоб у него в испарине». И, сразу же выяснив все, села в кресло, которое досталось ей по наследству от матери теперь уж тоже покойного Владимира.

— Садитесь, кому где удобнее. И говорите, зачем пришли, по какому такому делу.

Кажется, дети так и не сели, но долго шушукались, подталкивая друг друга. Наконец мальчика, видать, вытолкнули в ораторы.

— Ваша внучка Таня со своей музыкальной школой выступала на сборе нашей пионерской дружины. А мы взяли почин: «Нет неизвестных героев». А она тогда сказала, что у вас фашисты убили сына Игоря и что он вам писал письма.

Мальчик выпалил все единым духом и замолчал. Анна Федотовна обождала, но девочки молчали тоже, и тогда она уточнила:

— Игорь успел написать всего одно письмо. А второе написал после его смерти его товарищ Вадим Переплетчиков.

Протянула руку, взяла с привычного места — с тумбочки у изголовья — папку и достала оттуда листы. Зачитанные и еще не очень зачитанные. Протянула высокой девочке — Анна Федотовна ясно представляла, где она стоит сейчас, эта самая главная девочка.

— Здесь еще уведомление о смерти.

Папку взяли и сразу же сгрудились над ней: Анне Федотовне показалось даже, как при этом стукнулись все три лба, и она улыбнулась. Пионеры пошушукались, но недолго, и большая девочка сказала с нескрываемым недоверием:

— Это же все ненастоящее!

— Правильно, это копии, потому что настоящими письмами я очень дорожу, — пояснила Анна Федотовна, хотя ей не очень-то понравился тон. — Девочка... Та, которая маленькая, ты стоишь возле комода. Правда?

— Правда, — растерянно подтвердила маленькая. — А ваша внучка говорила, что вы ослепли от горя.

— Я научилась чувствовать, кто где стоит, — улыбнулась Анна Федотовна. — Открой верхний левый ящик. Там есть деревянная шкатулка. Достань ее и передай мне.

Опять раздалось шушуканье, потом скрип выдвигаемого ящика, и тут же кто-то — Анна Федотовна определила, что мальчик, — положил на ее руки шкатулку.

— Идите все сюда.

Они сгрудились вокруг: она ощутила их дыхание, теплоту их тел и точно знала, кто где разместился. Открыла шкатулку, бережно достала бесценные листочки.

— Вот, можете посмотреть. Здесь письмо моего сына Игоря, письмо его друга Вадима и... И похоронка. Так называлось тогда официальное уведомление о гибели человека на войне.

Дети долго разглядывали документы, шептались: Анна Федотовна слышала отдельные фразы: «А почему я? Ну почему? Ты — звеньевая...», «А потому, что у нее сын, а не дочь, понятно тебе? Если бы дочь, то я бы сама или Катя, а так ты должен...». Еле уловимый, но, видимо, горячий спор закончился тем, что мальчик нерешительно откашлялся и сказал:

— Вы должны передать эти документы нам. Пожалуйста.

— То есть как это? — почти весело удивилась она. — Эти письма касаются моего сына, почему же я должна передать их вам?

— Потому что у нас в школе организуется музей. Мы взяли торжественное обязательство к сорокалетию Великой Победы.

— Я с удовольствием отдам вашему музею копии этих писем.

— А зачем нам ваши копии? — с вызывающей агрессией вклинилась вдруг звеньевая, и Анна Федотовна подивилась, каким официально-нечеловеческим может стать голос десятилетней девочки. — Нет, это даже очень интересно! Ведь копии, это же так просто, это же бумажка. В копии я могу написать, что моя бабушка — героиня «Молодой гвардии», ну и что? Возьмет такую копию музей?

— Не возьмет. — Анне Федотовне очень не понравился этот вызывающий, полный непонятной для нее претензии тон. — И вы не берите. И, пожалуйста, верните мне все документы.

Дети снова возбужденно зашептались. В обычном состоянии для Анны Федотовны не составляло никакого труда расслышать, о чем это они там спорят, но сейчас она была расстроена и обижена и уже ни к чему не могла да и не хотела прислушиваться.

— Верните мне в руки документы.

— Бабушка, — впервые заговорила самая маленькая, и голосок у нее оказался совсем еще детским. — Вы ведь очень, очень старенькая, правда ведь? А нам предстоит жить и воспитывать-

ся на примерах. А вдруг вам станет нехорошо, и тогда все ваши патриотические примеры могут для нас пропасть.

— Вот когда помру, тогда и забирайте, — угрюмо сказала Анна Федотовна. — Давайте письма, долго еще вам говорить?

— А если вы не скоро... — опять задиристо начала большая, но осеклась. — То есть я хочу сказать, что вы можете не успеть к сорокалетию Великой Победы, а мы не можем. Мы взяли торжественное обязательство.

— Хочешь, значит, чтобы я до Девятого мая померла? — усмехнулась Анна Федотовна. — Кто знает, кто знает. Только и тогда я не вам эти документы велю переслать, а в другую школу. Туда, где мой Игорь учился: там, поди, тоже музей организуют.

Они молча отдали ей письма и похоронку. Анна Федотовна ощупала каждый листок, удостоверилась, что они подлинные, аккуратно сложила в шкатулку и сказала:

— Мальчик, поставь эту шкатулку в левый ящик комода. И плотно ящик задвинь. Плотно, чтобы я слышала.

Но слушала она сейчас плохо, потому что предыдущий разговор сильно обеспокоил ее, удивил и обидел. Это ведь была не детская безгрешная откровенность: ее совсем не по-детски, а крепко, по-взрослому прижимали к стене, требуя отдать ее единственное сокровище.

— Трус несчастный, — вдруг отчетливо, с невероятным презрением сказала большая девочка. — Только пикни у нас.

— Все равно нельзя. Все равно, — горячо и непонятно зашептал мальчик.

— Молчи лучше! — громко оборвала звеньевая. — А то мы тебе такое устроим, что наплачешься. Верно, Катя?

Но и этот громкий голос пролетел мимо сознания Анны Федотовны. Она ждала скрипа задвигаемого ящика, вся была сосредоточена на этом скрипе и, когда наконец он раздался, вздохнула с облегчением:

— Ступайте, дети. Я очень устала.

— До свидания, — три раза по очереди сказали пионеры и направились к дверям. И оттуда мальчик спросил: — Может быть, надо вызвать врача?

— Нет, спасибо тебе, ничего мне не надо.

Делегация молча удалилась.

Горечь и не очень понятная обида скоро оставили Анну Федотовну. «Да что с несмышленишей спрашивать, — думала она. — Что хочется, то и говорится. Души-то чистые». И, примирившись, опять перебралась на кухню, где теперь проходила вся ее деятельная жизнь: старалась не только мыть да прибирать, но и готовить, и была счастлива, когда все ее дружно хвалили. И не догадывалась, что Римма тайком перемывает всю посуду и, как может, улучшает сваренные ею супы и борщи. Но сегодня Римма с утра уехала к старшему сыну Андрею, у которого заболел один из сорванцов, и поэтому кулинарные творения Анны Федотовны никто не корректировал.

Конечно, виной ее теперешних промахов была не столько слепота, сколько возраст. Она забывала привычные дозировки и рецепты, сыпала много соли или не сыпала ее вообще, а однажды спутала кастрюли, одновременно кипящие на плите, и домашние получили довольно загадочное, но абсолютно несъедобное варево. Но старую женщину никто не обижал, и она пребывала в счастливом заблуждении, что и до сей поры не только не обременяет своих, но и приносит им существенную пользу.

Она вскоре позабыла о визите старательных пионеров — она вообще часто забывала то, что только что происходило, но прошлое помнила ясно и цепко, — но чем ближе к вечеру скатывался этот день, тем все более явно ощущала она некую безадресную тревогу. И оттого, что тревога ощущалась безадресно, оттого, что Анна Федотовна никак не могла припомнить никакой даже косвенной ее причины, ей делалось все беспокойнее. Уже примчалась из музыкальной школы Татьяна, уже Анна Федотовна старательно покормила ее, отправила заниматься, перемыла посуду, а тревожное беспокойство все нарастало в ней.

— Переутомление, — определила Римма, когда по возвращении услышала смутную жалобу Анны Федотовны. — Ложись в постель, я сейчас Таньку пришлю, чтоб почитала.

— Не трогай ты ее, Римма. Она только уроки учить села.

— Ну, сама почитаю. И о внуке расскажу. Простуда у него, в хоккей набегался, а панику развели...

К этому времени странность Анны Федотовны уже давно перестала быть тайной. То, чего она боялась, оказалось настолько тактично принятым всеми, что Анна Федотовна уже ничего не скрывала, а наоборот, просила того, кто был посвободнее, де-

сять минут почитать ей перед сном. Чаще всего это была Танечка, так как Валентина работала на полторы ставки, чтобы содержать семью с двумя пенсионерками и одной пионеркой, а Римма была по горло занята не только собственной семьей, но и вечно простуженными мальчишками Андрея, жившего в новом районе, как назло, довольно далеко от их квартиры.

— «Я здоров, все нормально, воюю, как все, — читала Римма, тоже наизусть выучив все письма за эти длинные годы. — Как ты-то там одна, мамочка?..»

На этом месте с благоговейным спокойствием воспринимавшая ритуальное это чтение седая старуха вдруг подняла руку, и Римма удивленно смолкла. Спросила после напряженного странного молчания:

— Что случилось?

— Он чего-то не хотел, а они грозились, — невразумительно пробормотала Анна Федотовна, то ли всматриваясь, то ли вслушиваясь в себя.

— Кто он-то?

— Мальчик. Мальчик не хотел, а девочка его пугала. Он вроде отказывался «не буду, мол, не буду», а та — «трус, мол, только скажи...». Римма, — Анна Федотовна вдруг привстала на кровати. — Римма, загляни в шкатулку. Загляни в шкатулку...

Не очень еще понимая, но и не споря, Римма встала, выдвинула ящик комода, открыла шкатулку. Старуха напряженно ждала, подавшись вперед в судорожном напряжении.

— Нету? Ну? Что ты молчишь?

— Нету, — тихо сказала Римма. — Похоронка на месте, фотографии, значки, а писем нет. Ни Игорька, ни второго, друга его. Только одна похоронка.

— Только одна похоронка... — прохрипела Анна Федотовна, теряя сознание.

«Неотложка» приехала быстро, врачи вытащили Анну Федотовну из безвременья, объявили, что функции организма, в общем, не нарушены, что больной следует с недельку полежать и все придет в норму. Анна Федотовна молчала, ни на что не жаловалась и глядела невидящими глазами не только сквозь врачей, сквозь Римму, сквозь оказавшую ей первую помощь Валентину и перепуганную Танечку, даже не только сквозь стены родной и вечно для нее коммунальной кварти-

ры, но казалось, и сквозь само время. Сквозь всю толщу лет, что отделяли ее сегодняшнюю от собственного сына.

— Я вернусь, мама.

Нет, не слышала она больше этих слов. Она ясно помнила, где, как и когда произнес их Игорь, но голос его более не звучал в ее душе.

— Идите, — с трудом, но вполне четко и осознанно произнесла она, по-прежнему строго глядя в существующую только для нее даль. — Я засну. Я отдохну. Идите.

— Может, почитать... — робко начала Римма, но дочь одернула ее: читать было нечего.

Они выключили свет и тихо вышли из комнаты. Потом угасли шаги, голоса, проскрипели двери, и все стихло.

Анна Федотовна прикрыла слепые глаза, затаила дыхание, напряженно прислушалась, но душа ее молчала, и голос сына более не звучал в ней. Он угас, умер, погиб вторично, и теперь уже погиб навсегда. И, поняв это, старая, почти на полстолетия пережившая смерть единственного сына мать ощутила вдруг на дряблых, изрубленных глубокими морщинами щеках что-то теплое. С трудом поднесла непослушную руку, коснулась щеки и поняла, что это — слезы. Первые слезы с того далекого, отступившего на добрых пять десятков лет дня получения похоронки. Официального клочка бумаги со штампом и печатью, бесстрастно удостоверяющего, что ее единственный сын действительно погиб, что нет более никаких надежд и что последнее, что еще осталось ей, это память о нем.

А от всей памяти оставили только похоронку. Разумом Анна Федотовна еще понимала, что память нельзя украсть, но то — разум, а то — действительность, и в этой действительности одновременно с исчезновением писем сына и его друга исчезли и их голоса. Они более не звучали в ней, как ни напрягала она свою память, как ни прислушивалась, как ни умоляла сжаться над нею и позволить еще хотя бы разочек, один-единственный раз услышать родной голос.

Но было глухо и пусто. Нет, письма, пользуясь ее слепотой, вынули не из шкатулки — их вынули из ее души, и теперь ослепла и оглохла не только она, но и ее душа.

— Господи...

И вдруг отчетливо и громко зазвучал голос. Не сына, другой: официальный, сухой, без интонаций, тепла и грусти, не говоривший, а докладывающий:

— ...уведомляем, что ваш сын рядовой Силантьев Игорь Иванович пал смертью храбрых восемнадцатого декабря одна тысяча девятьсот сорок первого года в бою под деревней Ракировка Клинского района Московской области.

«Нет! Нет! Нет! Не надо! Не хочу!» — беззвучно кричала она, но голос продолжал все нарастать и нарастать в ней, заглушая ее собственные беспомощные слова: «...что ваш сын рядовой Силантьев Игорь Иванович пал смертью храбрых... что ваш сын Игорь пал...» Голос уже гремел в ней, а по морщинистым щекам без перерыва, точно стремясь наверстать упущенное, текли слезы.

И даже когда она умерла и перестала ощущать все живое, голос еще долго, очень долго звучал в ее бездыханном теле, а слезы все медленнее и медленнее текли по щекам. Официальный холодный голос смерти и беспомощные теплые слезы матери.

А письма оказались в запаснике школьного музея. Пионерам вынесли благодарность за активный поиск, но места для их находки так и не нашлось, и письмо Игоря и сержанта Переплетчикова отложили про запас, то есть попросту сунули в долгий ящик.

Они и сейчас там, эти два письма с аккуратной пометкой: «ЭКСПОНАТ №...» Лежат в ящике стола в красной папке с надписью: «ВТОРИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ».

Вопросы и задания

1. Определите тему рассказа. Какой смысл вложен автором в название? Можно ли утверждать, что в названии скрыта ирония, горькая усмешка? Обоснуйте свой ответ.
2. Как в рассказе создается образ Игоря? Расскажите как можно подробнее о его характере.

3. Что вы можете сказать о матери солдата Анне Федотовне? Нарисуйте устно ее психологический портрет.
4. Один из значимых образов в рассказе — образ времени. В чем его художественно-выразительная роль? Быстро ли движется время в рассказе? Говорят, время лечит. Согласен ли с этим автор? А вы? Вылечило ли время Анну Федотовну?
5. Что значили для матери письма с фронта? Чего она боялась больше всего? Почему? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Подготовьте тезисный (или цитатный) план ответа на вопрос.
6. В рассказе есть такая деталь: «Уже отметили юбилей Победы, уже телевидение начало резко сокращать количество военных передач, а Анна Федотовна продолжала сидеть перед телевизором, все еще надеясь на чудо». Какого чуда ожидала мать? С помощью примеров из текста покажите, как через деталь раскрывается внутренний мир персонажа.
7. Как повели себя дети по отношению к Анне Федотовне? Подберите синонимический ряд слов, передающих ваше отношение к происшедшему.
8. Какой эпизод произвел на вас самое сильное впечатление? Подробно охарактеризуйте этот эпизод.
9. Как вы поняли финал рассказа? Оказался ли он неожиданным для вас?

Советуем прочитать

Васильев Б.Л. Летят мои кони... — М., 1984.

ВАСИЛИЙ
МАКАРОВИЧ
ШУКШИН
1929—1974

ТАЛАНТ, СОГРЕТЫЙ ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

В.М. Шукшин создавал замечательные сценарии, по которым поставлены кинофильмы, и сам сыграл во многих из них, он — автор десятков удивительных рассказов, повестей, романа «Любавины». Его таланту присуща необыкновенная черта — любовь к Человеку. Эта любовь была неброской, сдержанной, неговорливой, может быть, даже застенчивой. Но она была искренней и естественной — как и все творчество Шукшина.

Естественность, простота, стремление понять правду и быть во всем честным и порядочным (ведь только тогда можешь звать к высокой нравственности других) составляют основу его творчества.

Эти нравственные представления, это миропонимание пришли к Шукшину из самого раннего детства. Точнее было бы сказать, что они были впитаны им, как впитывается деревенский воздух.

В.М. Шукшин родился на Алтае в деревне Сростки, которая находится в 35 километрах от города Бийска. И, наверное, мало кто знал бы об этой деревеньке в глубине России, если бы не Шукшин. Она стала местом притяжения многих людей как при жизни писателя, так и после его смерти.

Шукшин не скрывал преклонения перед своими дедами и прадедами, почитал их как хранителей вековых и лучших человеческих качеств — умения честно трудиться, быть правдивыми, хранить добрые традиции, прививать эти качества детям и внукам.

В.М. Шукшин во время учебы в Автомобильном техникуме.
1944—1946 гг.; Дом-музей В.М. Шукшина в селе Сростки
Бийского района Алтайского края

Двенадцатилетним ребенком Шукшин вместе с родными, со всей страной услышал страшное слово — война. В 1942 г. в бою погиб отчим писателя — Павел Николаевич Куксин, к которому Шукшин относился с великим уважением. «Это был человек редкого сердца — добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми» — такие строки он написал в рассказе «Из детских лет Ивана Попова».

Беды одна за другой подстерегали семью Шукшиных. Но переживания лишь укрепляли, закаляли душу. В начале 60-х гг. XX в. Шукшин задумывает и снимает фильм «Живет такой парень». Он признается: «Черт его знает, какой ненормальный я человек. Иногда так убиваюсь по родной стороне, что места себе не нахожу. Весь свет клином на Алтае сошелся, и самое яркое окошко — мои Сростки. Ностальгия... И чего бы, кажется, помнить? Военное лихолетье, холод да голод, безотцовщина, работа двужилная... А вот поди ж ты! Нет ничего милее родного края, и краше, и святее... И фильм вот об этом задумал». Характеризуя главную мысль кинофильма «Живет такой парень», Шукшин подчеркивал:

«Я хотел создать фильм о красоте чистого человеческого сердца, способного к добру. Мне думается, это самое дорогое наше богатство — людское».

Помнить о добре и быть благодарным — главное для Шукшина. В автобиографии 1966 г. Шукшин писал: «За свою жизнь встречал ужасно много добрых людей.

В 1954 г. поступил учиться во ВГИК, на режиссерский факультет, в мастерскую Михаила Ильича Ромма. Михаил Ромм — это из тех добрых людей, которым я так обязан. <...>

Будучи еще студентом, на режиссерской практике, встретился с Марленом Хуциевым. Он готовился снимать второй свой фильм — «Два Федора». О фильме потом много спорили. Дело десятилетней давности — фильм хороший, честный. Я же от начала до конца съемок пробыл с человеком необычайно талантливым, добрым. Полтора года почти я каждый день убеждался: в искусстве надо быть честным. И только так. И не иначе...»

О добрых людях, безвестных и всенародно ценимых, людях Добра Шукшин не только помнил. Его память была активной — он рассказал о них своим читателям. Рассказал ярко и просто.

В.М. Шукшин с дочерьми Машей и Олей.
Фотография Н. Кочнева. 20 октября 1973 г.

Голоса из прошлого постоянно звучали в нем и не отпускали. В своеобразной манере полусна-полувидения размышляет Шукшин, и мы забываем уже об этой причудливой манере, а видим лишь то, что дорого автору и становится дорогим нам всем, ибо это было вчера с нами, а завтра будет с нашими близкими — детьми, внуками.

Перед вами фрагмент из очерка В.М. Шукшина «Вот моя деревня...». Писатель разговаривает с каждым из нас о самом сокровенном. И, конечно, очень надеется, что это найдет отклик в душе читателя.

«И учительница тоже называет фамилии — те же, только имена другие.

Это — в школе.

Это уже внуки тех...

Встают — мальчишки, девчонки. Какие-то все рослые! Седьмой или восьмой класс, а девчата уже невесты целые. А парням бриться в пору.

Это — внуки. Как-то трудно совместить эти понятия... Только что поразила молодость тех, на фотографиях, а это уже — их внуки. Но это так.

<...> А этот балбес... смотрит в книгу, а видит, конечно... все, что угодно, только не формулу. Улица на уме! <...>

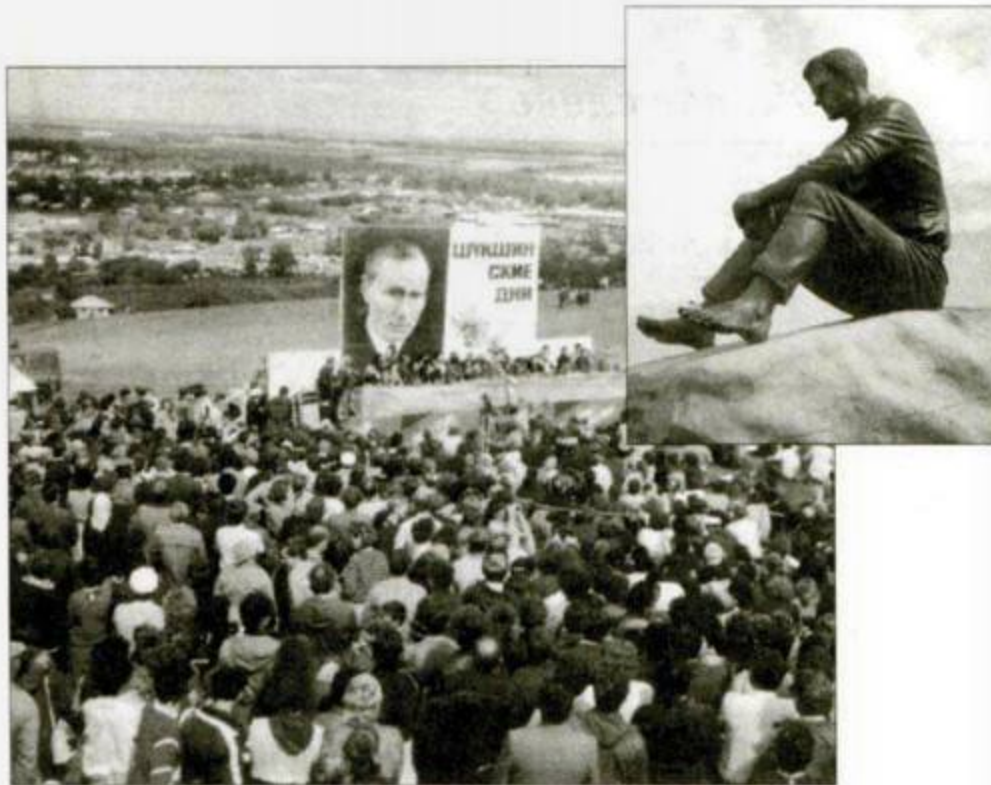
Что же тут поделаешь, когда на улице-то, правда, так хорошо!

А на речке что делается!

Нет, учиться, конечно, надо. Хорошо надо учиться. Но и реку вот эту, и острова, и околос, и согра¹ — это ты только теперь и вберешь в сердце. И всю жизнь потом будешь помнить и любить... А если тебя судьба занесет куда-нибудь далеко от этих мест, то так будешь их любить, что и заплачешь один ночью, когда никто не видит. С этим тоже ничего не поделаешь. Так что учись, конечно, сынок, но покрепче и запомни вот все это...»

Это, пожалуй, самое главное качество Шукшина — любовь к малой родине и к Человеку — отметили многие исследователи и читатели. Выступая на горе Пикет в день 50-летия Шукшина во время Шукшинских чтений, писатель Виктор Астафьев сказал: «Я все время пытался, когда встречался с Василием Макаровичем, представить, на что он похож обликом своим, характером, своим нравственным поведением, сво-

¹ *Сóгра* — лес, тайга.

Ежегодные Шукшинские дни на родине писателя на горе Пикет; Памятник писателю на горе Пикет. Скульптор В.М. Клыков. 2004 г.

ей мужественной и суровой внешностью? И только сегодня понял, что Василий Макарович — вылитая его, так сказать, родная сторона, вот то место, где мы сейчас с вами находимся».

Вопросы и задания

1. Какие качества ценил В.М. Шукшин в человеке превыше всего?
2. Какие испытания выпали на долю поколения, к которому принадлежат герои произведений В.М. Шукшина?
3. Прочитайте фрагмент из статьи В.М. Шукшина «Слово о малой родине». Назовите слова, определяющие миропонимание писателя, его представление о высших человеческих ценностях.

Живое слово

Подберите материал о В.М. Шукшине — сценаристе и режиссере. Расскажите об одном из кинофильмов с его участием.

СЛОВО О МАЛОЙ РОДИНЕ (Фрагмент)

Те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины (понятно, что я имею в виду так называемую малую родину) — а таких много, — невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть. С годами грусть слабеет, но совсем не проходит. Может, отсюда проистекает наше неловкое заискивание перед земляками, когда мы приезжаем к ним из больших «центров» в командировку или в отпуск. Не знаю, как другие, а я чего-то смущаюсь и заискиваю. Я вижу какое-то легкое раздражение и недовольство моих земляков чем-то, может, тем, что я — уехал, а теперь, видите ли, — приехал. <...> И вот все вокруг вроде бы не мое родное, и я потерял право называть это своим. Я хотел бы в этом разобраться. Мое ли это — моя родина, где я родился и вырос? Мое. Говорю это с чувством глубокой правоты, ибо всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, живу ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько... <...>

Больше всего в родной своей избе я любил полати. Не печку даже (хотя печку тоже очень любил), а полати. Теперь, когда и видеть-то не видишь нигде полатей (даже в самых глухих и далеких деревнях), оглядываюсь мысленно по стране (которую, по-моему, неплохо знаю) и вижу Алтай — как если бы это мои родные полати из детства, особый, в высшей степени дорогой мир. Может, это потому (возвышение-то чудится), что село мое — на возвышении, в предгорье, а может, потому это, что с полатами связана неповторимая пора жизни... Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти — неизменно —

полати. Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет.

<...> Когда я хочу точно представить, что же особенно прочно запомнил я из той жизни, которую прожил на родине в те свои годы, в какие память наша, особенно цепкая, обладает способностью долго удерживать то, что ее поразило, то я должен выразиться громоздко и несколько неопределенно, хотя для меня это точность и конкретность полная: я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен, начиная с языка, с жилья.

<...> У меня было время и была возможность видеть красивые здания, нарядные гостиные, воспитанных, очень культурных людей, которые непринужденно, легко входят в эти гостиные, сидят, болтают, курят, пьют кофе... Я всегда смотрел и думал: «Ну, вот это, что ли и есть та самая жизнь — так надо жить?» Но что-то противилось во мне этой красоте и этой не-

В.М. Шукшин на родине. 1960-е гг.

В.М. Шукшин у писателя В.И. Белова. Вологда, 1973 г.

принужденности, а демонстрация непринужденности, свободы — это уже тоже, по-своему, несвобода. В доме деда была непринужденность, была свобода полная. <...> Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по праздникам, там много, очень много работали... Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла — с ней засыпали, к ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но — учили... Никак не могу внушить себе, что все — глупо, некультурно, а я думаю, что отсюда — от такого устройства и самочувствия в мире — очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим мерилам нравственного роста человека: неужели в том только и беда, что слов этих «честь», «достоинство» там не знали? Но там знали все, чем жив и крепок человек и чем он — нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие... Нет явления в жизни, нет такого качества в человеке, которое бы там не знали, или, положим, знаем его так, а пришло время, и

стало это качество человеческое на поверку, в результате научных открытий, вовсе не плохим, а хорошим, ценным. Ни в чем там не заблуждались, больше того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, еще в маленьком, губились на корню. Если в человеке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка — она была просто лень, поэтому высмеивалась, истреблялась. Зазнайство, хвастливость, завистливость — все было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слова, ни за фокусы. Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть — нарисовать зачем-то картину жизни идеальной: нет, она, конечно, была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось — правда, справедливость. <...>

1973

Живое слово

Напишите сочинение-размышление о своей малой родине. Дайте заголовок своему сочинению.

МИКРОСКОП

На это надо было решиться. Он решился.

Как-то пришел домой — сам не свой — желтый; не глядя на жену, сказал:

— Это... я деньги потерял. — При этом ломаный его нос (кривой, с горбатинкой) из желтого стал красным. — Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка? Да нет, этот кривоносик никогда не шутит, не умеет. Она глупо спросила:

— Где?

Тут он невольно хмыкнул.

— Дак если б я знал, я б пошел и...

— Ну, не-ет!! — взревела она. — Ухмыляться ты теперь долго не будешь! — И побежала за сковородником. — Месяцев девять, гад!

Он схватил с кровати подушку — отражать удары. (Древние только форсили своими сверкающими щитами. Подушка!) Они закружились по комнате...

— Подушку-то, подушку-то мараешь! Самой стирать!..

— Выстираю! Выстираю, кривоносик! А два ребра мои будут! Мои! Мои!..

— По рукам, слушай!..

— От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!

— По рукам, зараза! Я ж завтра на бюлитень сяду! Тебе же хуже!..

— Садись!

— Тебе же хуже...

— Пускай!

— Ой!

— От так!

— Ну, будет?

— Нет, дай я натешусь! Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоносая! Дятел... — Тут она изловчилась и больно достала его по голове. Немножко сама испугалась...

Он бросил подушку, схватился за голову, застонал. Она пытливо смотрела на него: притворяется или правда больно? Решила, что — правда. Поставила сковородник, села на табуретку и завyla. Да с причетом, с причетом:

— Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!.. Все берегла-то я, берегла, скважина ты кривоносая-а!.. Ох-х!.. Каждую-то копеечку откладывала да радовалась: будут у моих детушек к зиме шубки теплые да нарядные!.. И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!..

— Где это они у тебя рваные-то ходят? — не вытерпел он.

— Замолчи, скважина! Замолчи. Съел ты эти денюжки от своих же детей! Съел и не подавился... Хоть бы ты подавился имя, нам бы маленько легче было...

— Спасибо на добром слове, — ядовито прошептал он.

— М-хх, скважина!.. Где был-то? Может, вспомнишь?.. Может, на работе забыл где-нибудь? Может, под верстак положил да забыл?

— Где на работе!.. Я в сберкассе-то с работы пошел. На работе...

— Ну, может, заходил к кому, скважина?

— Ни к кому не заходил.

— Может, пиво в ларьке пил с алкоголиками?.. Вспомни. Может, выронил на пол... Беги, они пока ишо отдадут.

— Да не заходил я в ларек!

— Да где ж ты их потерять-то мог, скважина?

— Откуда я знаю?

— Ждала его!.. Счас бы пошли с ребятами, примерили бы шубки... Я уж там подобрала — какие. А теперь их разберут. Ох, скважина ты, скважина...

— Да будет тебе! Заладила: скважина, скважина...

— Кто же ты?

— Што теперь сделаешь?

— Будешь в две смены работать, скважина! Ты у нас худой будешь... Ты у нас выпьешь теперь читушечку после бани, выпьешь! Сырой водички из колодца...

— Нужна она мне, читушечка. Без нее обойдусь.

— Ты у нас пешком на работу ходить будешь! Ты у нас покатаешься на автобусе.

Тут он удивился:

— В две смены работать и — пешком? Ловко.

— Пешком! Пешком — туда и назад, скважина! А где, так ишо побежишь — штоб не опоздать. Отольются они тебе, эти денюжки, вспомнишь ты их не раз.

— В две не в две, а по полторы месячишко отломаю — ничего, — серьезно сказал он, потирая ушибленное место. — Я уж с мастером договорился... — Он не сообразил сперва, что проговорился. А когда она недоуменно глянула на него, поправился: — Я, как хватился денег-то, на работу снова поехал и договорился.

— Ну-ка дай сберегательную книжку, — потребовала она. Посмотрела, вздохнула и еще раз горько сказала: — Скважина.

С неделю Андрей Ерин, столяр маленькой мастерской при «Заготзерне», что в девяти километрах от села, чувствовал себя

Иллюстрация к рассказу «Микроскоп».
Художник Г.В. Калиновский. 1979 г.

скверно. Жена все злилась; он то и дело получал «скважину», сам тоже злился, но обзываться вслух не смел.

Однако дни шли... Жена успокаивалась. Андрей ждал. Наконец решил, что — можно.

И вот поздно вечером (он действительно «вламывал» по полторы смены) пришел он домой, а в руках держал коробку, а в коробке, заметно, что-то тяжеленькое. Андрей тихо сиял.

Ему нередко случалось приносить какую-нибудь работу на дом, иногда это были небольшие какие-нибудь деревянные штучки, ящички, завернутые в бумагу, — никого не удивило, что он с чем-то пришел. Но Андрей тихо сиял. Стоял у порога, ждал, когда на него обратят внимание... На него обратили внимание.

— Чего эт ты, как... голый зад при луне, светисся?
— Вот... дали за ударную работу... — Андрей прошел к столу, долго распаковывал коробку... И, наконец, открыл. И выставил на стол... микроскоп. — Микроскоп.

— Для чего он тебе?

Тут Андрей Ерин засуетился. Но не виновато засуетился, как он всегда суетился, а как-то снисходительно засуетился.

— Луну будем разглядывать! — И захохотал. Сын-пятиклассник тоже засмеялся: луну в микроскоп!

— Чего вы? — обиделась мать.

Отец с сыном так и покатались.

Мать навела на Андрея строгий взгляд. Тот успокоился.

— Ты знаешь, что тебя на каждом шагу окружают микробы? Вот ты зачерпнула кружку воды... Так? — Андрей зачерпнул кружку воды. — Ты думаешь, ты воду пьешь?

— Пошел ты!!..

— Нет, ты ответь.

— Воду пью.

Андрей посмотрел на сына и опять невольно захохотал.

— Воду она пьет!.. Ну не дура?..

— Скважина! Счас сковородник возьму.

Андрей снова посерьезнел.

— Микробов ты пьешь, голубушка, микробов. С водой-то. Миллиончика два тяпнешь — и порядок. На закуску! — Отец и сын опять не могли удержаться от смеха. Зоя (жена) пошла в куть за сковородником.

— Гляди суда! — закричал Андрей. Подбежал с кружкой к микроскопу, долго настраивал прибор, капнул на зеркальный кружок капельку воды, приложился к трубе и, наверно, мину-ты две, еле дыша, смотрел.

Сын стоял за ним — смерть как хотелось тоже глянуть.

— Пап!..

— Вот они, собаки!.. — прошептал Андрей Ерин. С каким-то жутким восторгом прошептал: — Разгуливают...

— Ну, пап!

Отец дрыгнул ногой.

— Туда-суда, туда-суда!.. Ах, собаки!

— Папка!

— Дай ребенку посмотреть! — строго велела мать, тоже явно заинтересованная.

Андрей с сожалением оторвался от трубки, уступил место сыну. И жадно и ревниво уставился ему в затылок. Нетерпеливо спросил:

— Ну?

Сын молчал.

— Ну?!

— Вот они! — заорал парнишка. — Беленькие...

Отец оттащил сына от микроскопа, дал место матери.

— Гляди! Воду она пьет...

Мать долго смотрела... Одним глазом, другим...

— Да никого я тут не вижу.

Андрей прямо зашелся весь, стал удивительно смелый.

— Оглазела! Любую копейку в кармане найдет, а здесь микробов разглядеть не может. Они ж чуть не в глаз тебе прыгают, дура! Беленькие такие...

Мать, потому что не видела никаких беленьких, а отец с сыном видели, не осердилась.

— Вон, однако... — Может, соврала, у нее выскакивало. Могла приврать.

Андрей решительно оттолкнул жену от микроскопа и прилип к трубке сам. И опять голос его перешел на шепот.

— Твою мать, што делают! Што делают!..

— Мутненькие такие? — расспрашивала сзади мать сына. — Вроде как жиринки в супу?.. Они, што ли?

— Ти-ха! — рывкнул Андрей, не отрываясь от микроскопа. — Жиринки... Сама ты жиринка. Ветчина целая. — Странно, Андрей Ерин становился крикливым хозяином в доме.

Старший сынишка-пятиклассник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших.

— Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...

Отец уступил место у микроскопа и взволнованно стал ходить по комнате. Думал о чем-то.

Когда ужинали, Андрей все думал о чем-то, поглядывал на микроскоп и качал головой. Зачерпнул ложку супа, показал сыну:

— Сколько здесь?.. Приблизительно?

Сын наморщил лоб:

— С полмиллиончика есть.

Андрей Ерин прищурил глаз на ложку.

— Не меньше. А мы их — ам! — Он проглотил суп и хлопнул себя по груди. — И — нету. Сейчас их там сам организм начнет колошматить. Он-то с имя управляется!

— Небось сам выпросил? — Жена с легким неудовольствием посмотрела на микроскоп. — Может, пылесос бы дали. А то пропылесосить — и нечем.

Нет, Бог, когда создавал женщину, что-то такое намудрил. Увлёкся Творец, увлёкся. Как всякий художник, впрочем. Да ведь и то — не Мыслителя делал.

Ночью Андрей два раза вставал, зажигал свет, смотрел в микроскоп и шептал:

— От же ж собаки!.. Што вытворяют. Што они только вытворяют! И не спится им!

— Не помешайся, — сказала жена, — тебе ведь не много и надо-то — тронешься.

— Скоро начну открывать, — сказал Андрей, залезая в тепло к жене. — Ты с ученым спала когда-нибудь?

— Еще чего!..

— Будешь. — И Андрей Ерин ласково похлопал супругу по мягкому плечу. — Будешь, дорогуша, с ученым спать...

Неделю, наверно, Андрей Ерин жил, как во сне. Приходил с работы, тщательно умывался, наскоро ужинал... Косился на микроскоп.

— Дело в том, — рассказывал он, — что человеку положено жить сто пятьдесят лет. Спрашивается, почему же он шестьдесят, от силы семьдесят — и протянул ноги? Микробы! Они, сволочи, укорачивают век человеку. Пролезают в организм, и, как только он чуток ослабнет, они берут верх.

Вдвоем с сыном часами сидели они у микроскопа, исследовали. Рассматривали каплю воды из колодца, из питьевого ведра... Когда шел дождик, рассматривали дождевую капельку. Еще отец посылал сына взять для пробы воды из лужицы... И там этих беленьких кишмя кишело.

— Твою мать-то, што делают!.. Ну вот как с имя бороться? — У Андрея опускались руки. — Наступил человек в лужу, пришел домой, наследил... Тут же прошел и ребенок босыми ногами и, пожалуйста, подцепил. А какой там организм у ребенка!

— Поэтому всегда надо вытирать ноги, — заметил сын. — А ты не вытираешь.

— Не в этом дело. Их надо научиться прямо в луже уничтожать. А то — я вытру, знаю теперь, а Сенька вон Маров... докажи ему: как шлепал, дурак, так и впредь будет.

Рассматривали также капельку пота, для чего сынишка до изнеможения бегал по улице, потом отец ложечкой соскреб у него со лба влагу — получили капельку, склонились к микроскопу...

— Есть! — Андрей с досадой ударил себя кулаком по колену. — Иди проживи сто пятьдесят лет!.. В коже и то есть.

— Давай спробуем кровь? — предложил сын.

Отец уколол себе палец иголкой, выдавил ярко-красную ягодку крови, стряхнул на зеркальце... Склонился к трубке и застонал.

— Хана, сынок, — в кровь пролезли! — Андрей Ерин распрямился, удивленно посмотрел вокруг. — Та-ак. А ведь знают, паразиты, лучше меня знают — и молчат!

— Кто? — не понял сын.

— Ученые. У их микроскопы-то получше нашего — все видят. И молчат. Не хотят расстраивать народ. А чего бы не сказать? Может, все вместе-то и придумали бы, как их уничтожить. Нет, сговорились и молчат. Волнение, мол, начнется.

Андрей Ерин сел на табуретку, закурил.

— От какой мелкой твари гибнут люди! — Вид у Андрея был убитый.

Сын смотрел в микроскоп.

— Друг за дружкой гоняются! Эти маленько другие... Кругленькие.

— Все они — кругленькие, длинненькие — все на одну масть. Матери не говори пока, што мы у меня их в крове видели.

— Давай у меня посмотрим?

Отец внимательно поглядел на сына... И любопытство и страх отразились в глазах у Ерина-старшего. Руки его, натруженные за много лет — большие, пропахшие смолем... чуть дрожали на коленях.

— Не надо. Может, хоть у маленьких-то... Эх, вы! — Андрей встал, пнул со зла табуретку. — Вшей, клопов, личинок всяких — это научились выводить, а тут каких-то... меньше же гниды самой маленькой — и ничего сделать не можете! Где же ваша ученая степень?!

— Вшу видно, а этих... Как ты их?

Отец долго думал.

— Скипидаром?.. Не возьмет. Водка-то небось покрепче... я ж пью, а вон видел, што делается в крове-то!

— Водка в кровь, что ли, поступает?

— А куда же? С чего же дуреет человек?

Как-то Андрей принес с работы длинную тонкую иглу... Умылся, подмигнул сыну, и они ушли в горницу.

— Давай попробуем... Наточил проволочку — может, сумеем наколоть парочку.

Кончик проволочки был тонкий-тонкий — прямо волосок. Андрей долго ширял этим кончиком в капельку воды. Пыхтел... Вспотел даже.

— Разбегаются, заразы... Нет, толстая, не наколоть. Надо тоньше, а тоньше уже нельзя — не сделать. Ладно, счас поужинаем, попробуем их током... Я батарейку прихватил: два проводка подведем и законтачим. Посмотрим, как тогда будут...

И тут-то во время ужина нанесло поурочного: зашел Сергей Куликов, который работал вместе с Андреем в «Заготзерне». По случаю субботы Сергей был под хмельком, потому, наверно, и забрел к Андрею — просто так.

В последнее время Андрею было не до выпивок, и он с удивлением обнаружил, что брезгует пьяными. Очень уж они глупо ведут себя и говорят всякие несуразные слова.

— Садись с нами, — без всякого желания пригласил Андрей.

— Зачем? Мы вот тут... Нам што? Нам — в уголку!..

«Ну чего вот сдуру сиротой казанской прикинулся?»

— Как хочешь.

— Дай микробов посмотреть?

Андрей встревожился.

— Каких микробов? Иди проспись, Серега... Никаких у меня микробов нету.

— Чего ты скрываешь-то? Оружью, што ли, прячешь? Научное дело... Мне мой парнишка все уши прожужжал: дядя Андрей всех микробов хочет уничтожить. Андрей!.. — Сергей стукнул себя в грудь кулаком, устремил свирепый взгляд на «ученого». — Золотой памятник отольем!.. На весь мир прославим! А я с тобой рядом работал!.. Андрюха!

Зое Ериной, хоть она тоже не выносила пьяных, тем не менее лестно было, что по селу говорят про ее мужа — ученый.

Скорей по привычке поворчать при случае, чем из истинного чувства, она заметила:

— Не могли уж чего-нибудь другое присудить? А то — микроскоп. Свихнется теперь мужик — ночи не спит. Штобы — пылесос какой-нибудь присудить... А то пропылесосить, и нечем, не соберемся никак купить.

— Кого присудить? — не понял Сергей.

Андрей Ерин похолодел.

— Да премию-то вон выдали... Микроскоп-то этот...

Андрей хотел было как-нибудь — глазами — дать понять Сергею, что... но куда там! Тот уставился на Зою как баран.

— Какую премию?

— Ну премию-то вам давали!

— Кому?

Зоя посмотрела на мужа, на Сергея...

— Вам премию выдавали?

— Жди, выдадут они премию! Догонят да ишо раз выдадут. Премию...

— А Андрею вон микроскоп выдали... за ударную работу... — Голос супруги Ериной упал до жути — она все поняла.

— Они выдадут! — разорвался в углу пьяный Сергей. — Я в прошлом месяце на сто тридцать процентов нарядов назакрывал... так? Вон Андрей не даст соврать...

Все рухнуло в один миг и страшно устремилось вниз, в пропасть.

Андрей встал... Взял Сергея за шкурку и вывел из избы. Во дворе стукнул его разок по затылку, потом спросил:

— У тебя три рубля есть? До получки...

— Есть... Ты за што меня ударил?

— Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами.

В эту ночь Андрей Ерин ночевал у Сергея. Напились они с ним до соплей. Пропили свои деньги, у кого-то еще занимали до получки.

Только на другой день, к обеду, появился Андрей домой... Жены не было.

— Где она? — спросил сынишку.

— В город поехала, в эту... как ее... в комиссионку.

Андрей сел к столу, склонился на руки. Долго сидел так.

— Ругалась?

В.М. Шукшин. 1960-е гг.

— Нет. Так, маленько. Сколько пропил?
 — Двенадцать рублей. Ах, Петька... сынок... — Андрей Ерин, не поднимая головы, горько сморщился, заскрипел зубами. — Разве же в этом дело?! Не поймешь ты по малости своей... не поймешь...
 — Понимаю: она продаст его.
 — Продаст. Да... Шубки надо. Ну ладно — шубки, ладно. Ничего... Надо, конечно...

1969

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В.М. ШУКШИНА

Изучать своеобразие языка писателя — это значит постигать самое сокровенное в его художественных исканиях — его душу, потому что душа автора, его миропонимание проявляются прежде всего в подборе слов. Одно и то же слово способно выражать самые разнообразные оттенки чувств, состояний, мыслей... Важно, как оно произнесено (интонация), в каком значении — прямом или переносном — употреблено, какой контекст его окружает, как данное конкретное слово соот-

носится с образом персонажа, темой рассказа, цепочкой событий. Таким образом, вырисовывается, как правило, очень полная и неожиданная картина, которая при первом чтении вряд ли доступна пониманию даже самого опытного и образованного читателя.

Попробуем провести небольшое исследование. Для этого вам придется вспомнить, какие бывают стили речи и какая лексика употребляется в рассказе. Найдите в тексте слова (сочетания слов, обороты речи), наиболее точно и полно раскрывающие своеобразие отдельно взятого рассказа писателя. Сначала составим толковый словарь таких слов, расположив их по алфавиту, а затем распределим их по стилям художественной речи. Вы можете выполнять данное исследование индивидуально, парами или в малых группах.

Выполнение задания позволит вам сформулировать ответы на вопросы:

1. В чем художественное своеобразие рассказа «Микроскоп»?
2. Какие средства художественной выразительности использует В.М. Шукшин в рассказе?

В.М. Шушин во время съемок фильма «Калина красная». 1973 г.

Вламывать — много, напряженно работать. Широко распространено в современном разговорном языке.

Горбатинка — горбинка на носу. Разговорное.

Доктор кислых щей — пренебрежительно-ироническое о человеке, считающем себя умным и образованным. Широко распространено в разговорном языке, особенно детском.

Законтачить — установить электрический контакт. Профессионализм.

Кривоносик — человек с кривым (сломанным) носом. Разговорное.

Оглазеть — смотреть не туда, куда надо, не видеть очевидного, быть невнимательным, рассеянным. Диалектное.

Оружия (оружию) — оружие. Просторечное.

Отеньки-коротеньки — словосочетание, сопровождающее некие определенные действия (ср. «оппа», «оппочки», «оп-паньки» и др.). Разговорное.

Отлиться — о возмездии, неминуемом наказании. Разговорное.

Получать — быть обруганным каким-либо бранным словом. Разговорное.

Скважина — бранное, обращенное к провинившемуся (несимпатичному для другого) человеку. Жаргонизм.

Сковородник — железная лопатка с плоским крюком, служащая для захвата и поднимания горячей сковороды. Разговорное.

Тяпнуть — в данном случае: выпить. Разговорное.

Для вас, любознательные !

Прочитайте фрагменты статьи ученого В.С. Елистратова «Русская правда Василия Шукшина». Какие из мыслей автора кажутся вам наиболее важными и отражающими ваше представление о творчестве писателя?

«Шукшинские произведения для меня — это «акт делания добра», а иначе — «акт говорения правды». По Шукшину, «Нравственность есть Правда», значит — это одно и то же. Для Шукшина, в конечном счете, читатель важнее писателя, чтение важнее текста, творчество чтения (понимания через интерпретацию) важнее творчества писания <...>. С одной стороны, Шукшин — один из самых «интересных» писателей: его просто интересно читать <...>. С другой стороны, Шукшин — один из самых неконъюнктурных писателей XX века. Иначе говоря, им не написано ни одной (или почти ни одной) строчки в угоду читателю. Если такие строчки появлялись — Шукшин казнился в статьях. Шукшин максимально суров, подчас даже жесток с читателем. Можно сказать и так: он с ним не церемонится, не помогает ему «читать», не оправдывает его интеллектуальных и духовных ожиданий, не показывает ему, что он (читатель) умный и добрый. Даже так: он бросает его (читателя), толком не умеющего плавать, в свой мир («космос»), отворачивается, играя скулами, и уходит, поскрипывая кирзой, к следующему рассказу. И при всем этом читатель (вернее, Читатель) любит и уважает Шукшина все-таки намного больше, чем тех, которые с читателем нянькаются. Он благодарен ему именно за эту суровость».

«В текстах Шукшина мы не встретим обилия неожиданных, «свежих» метафор, олицетворений. Он лаконичен до аскетизма.

Например, и у Бунина и у Шукшина есть рассказы под названием «Волки». Бунинское описание волков можно назвать роскошным: «...под стеной леса стоят, багрово серея (в свете за-рева. — В.Е.), три больших волка, и в глазах у них мелькает то сквозной зеленый блеск, то красный, — прозрачный и яркий, как горячий сироп варенья из красной смородины». Это — «словесная правда» Бунина. Шукшин пишет о волке: «Он не рычал и не пугал... Он догонял жертву. И взгляд его круглых желтых глаз был прям и прост». У Шукшина абсолютно нейтрально описана форма (круглые), цвет (желтые) и выражение (прямое и простое) глаз волка. Совершенно аниконическое (безобразное) описание в контексте рассказа производит сильнейшее впечатление».

После уроков

...

Ежегодно в день рождения писателя в Сростках проводятся Шукшинские чтения. В них принимают участие литературоведы, критики, писатели, деятели культуры, кино, приезжают любители таланта В.М. Шукшина.

Проведите у себя в школе малые Шукшинские чтения. В качестве тем можете взять, например, следующие:

1. Жизнь В.М. Шукшина в кино.
2. Моя любимая роль актера В.М. Шукшина.
3. Сростки в жизни и судьбе В.М. Шукшина.
4. В.М. Шукшин о главных качествах личности.

Советуем прочитать

Коробов В. Василий Шукшин. — М., 1984.

РУССКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА О РОССИИ

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА (1889—1966)

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА
(1892—1941)

* * *

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

1934

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЕЛЯКОВ
(1913—1972)

ИСТОРИЯ

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
шагов Истории самой.

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
вся та преемственная связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

1966

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ
(1919—1959)

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ¹

Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой.
Не тратя время попусту,
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
И шишки все еловые,
Медовые на ней.

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется
И звезды не горят.

¹ Музыку к стихам написал композитор В.П. Соловьев-Седой.

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии —
В далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне.

Горит свечи огарочек,
Гремит недалёкий бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой...

1945

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН
(1913—1968)

* * *

Не разучился ль
ходить за плугом?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый slopeц изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном дому —
Издали встретят четыре березы, —
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидеть,
Обо всем расспросить,
Полею пройти, поздороваться с лугом?
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ
(р. 1933)

МУРОМСКИЙ СРУБ

Деревянный сруб,
деревянный друг,
пальцы свел в кулак
деревянных рук.

Как и я, глядит вселенная во мрак,
подбородок положивши на кулак.

Предок, сруб мой, ну о чем твоя печаль
над скамейкою замшелой, как пицаль?
Кто наврал, что я любовь твою продал
по электроэlegantным городам?

Полежим. Поразмышляем. Помолчим.
Плакать — дело, недостойное мужчин.

Сколько раз мои печали отвели
эти пальцы деревянные твои...

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ
(р. 1928)

ВОЛГА

А я без Волги просто не могу...
Как хорошо малиновою ранью
прийти и посидеть на берегу,
и помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает,
с чем ни приду — с обидой иль бедой...
И все она, наверно, понимает,
коль грусть моя уносится с водой.

Как будто бы расслабленная ленью,
течет река без шума, без волны.
Но я-то знаю – сколько в ней волненья
и сколько сил в глубинах тишины.

Она своих трудов не замечает.
Суда качает и ломает лед.
И ничего зазря не обещает,
и ничего легко не отдает.

Мне по душе и тишь ее, и гам.
Куда б меня судьба ни заносила,
я возвращаюсь к волжским берегам,
откуда начинается Россия.

1966

Вопросы и задания

1. Перед вами стихи поэтов XX в. о России. Как вы думаете, что сближает их с прочитанными вами стихами о России поэтов XIX в., а что отличает?
2. Какое из приведенных стихотворений вам особенно понравилось? Почему?
3. Дайте развернутую характеристику одного стихотворения. Какие образно-выразительные средства использованы автором и с какой целью?
4. Выучите наизусть одно из стихотворений о Родине поэтов XX в.

Из зарубежной литературы

Произведения зарубежной литературы получили наибольшее распространение в России в период царствования Петра I, когда в результате его политики в страну приехало значительное количество иностранцев. Они прибыли сюда не только со своими привычками, но многие и со своими книгами, которые становились известными и русским читателям, пусть даже самому избранному кругу. Этот процесс продолжился и в годы правления Екатерины II. Пик популярности зарубежной книги в России приходится на XIX столетие. В России начинается расцвет литературы. Она развивалась не изолированно, а в тесной связи с мировой культурой. Достаточно вспомнить творчество В.А. Жуковского и А.С. Пушкина.

В этом разделе вы познакомитесь с поэзией и прозой зарубежных авторов. Вас ждет встреча с героями приключенческого романа «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, вы откроете для себя творчество других, ранее не изучавшихся авторов – Уильяма Шекспира, Роберта Бёрнса, Антуана де Сент-Экзюпери.

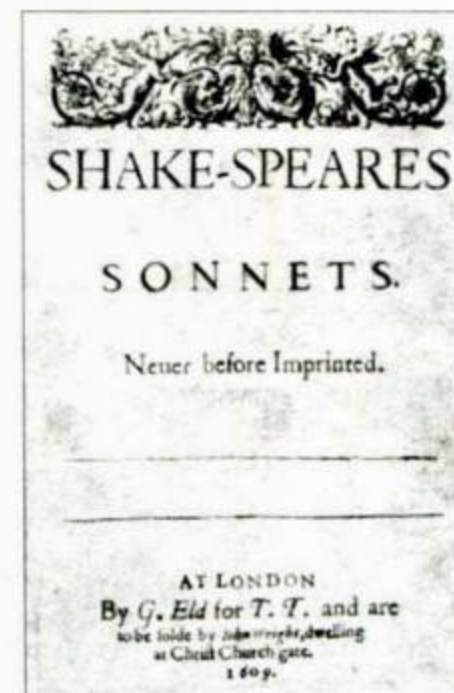
УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР
1564—1616

Уильям Шекспир — английский драматург и поэт. Родился в провинциальном городе Стратфорд-он-Эйвон в семье ремесленника и торговца. Был вынужден рано оставить школу и помогать семье. Около 1585 г. покинул свой родной город и переехал в Лондон, где работал в театре, сначала актером и пайщиком в труппе лорда-камергера. После 1603 г. театр стал труппой короля, с которой Шекспир будет связан до конца своей театральной деятельности. Шекспир в ней играл в основном второстепенные роли. С 1599 г. труппа владела театром «Глобус» (сгорел в 1613 г.).

Драматургическая деятельность Шекспира началась около 1590 г. Как постоянный драматург своей труппы, Шекспир в первое время писал две-три пьесы в год, в период зрелости — по одной пьесе каждый сезон. Больших доходов ни написание пьес, ни актерская работа не приносили. Кроме того, он редактировал пьесы других драматургов, писавших для этого театра. В 1599 г. Шекспир получил низшее дворянское звание и право на семейный герб.

Помимо драматических произведений Шекспир создавал поэмы на сюжеты древнегреческого мифа («Венера и Адонис») и древнеримского предания («Обесчещенная Лукреция»), но особое место в его творчестве занимали сонеты. Их он написал свыше 150. Сонеты принесли автору не меньшую славу, чем его драматические произведения.

Сонетам Шекспира чужда вычурная манера придворно-аристократической лирики. Они удивительны по содержанию, совершенны и просты по форме. В сонетах Шекспир рассказал о драматически напряженных отношениях с другом и историю своих чувств к возлюбленной.

У. Шекспир. «Сонеты». Титульный лист. 1609 г.

В 1612 г. Шекспир вернулся на родину, где жил до последних дней. Похоронен он был под алтарем храма Троицы.

Известность писателя быстро перешагнула за пределы Англии. В России о Шекспире говорили и спорили уже с XVIII — начала XIX в.: Н.М. Карамзин и К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер и А.С. Пушкин. Сложным было отношение к Шекспиру у Л.Н. Толстого. Произведения писателя переводили М. Лозинский, Б. Пастернак, Т. Щепкина-Куперник, С. Маршак и др. Спектакли по пьесам Шекспира не сходят со сцен практически всех театров России. Классикой кино стали фильмы «Ромео и Джульетта», «Король Лир», «Двенадцатая ночь», «Гамлет».

Почему же не ослабевает интерес к творчеству писателя, жившему свыше 400 лет тому назад? Не только в силу художественного совершенства его творений. Шекспир сумел «задеть» за живое такие струны души человека, которые будут «звенеть», не давая покоя, и через сто, и через тысячу лет. Он поставил такие вопросы, на которые, кажется, уже много раз даны все ответы. Но это только кажется. Каждый человек задает их себе вновь и вновь. И часто не находит точного ответа.

Вопросы и задания

1. Что нового вы узнали о драматурге и поэте У. Шекспире?
2. Имена каких переводчиков Шекспира вам известны? Какие произведения поэта они переводили?

Сонет — стихотворная форма, которая состоит из четырнадцати строк: как правило, двух четверостиший и двух трехстиший или трех четверостиший и одного двестишия.

Сонет — форма трехчастная. В первой части формулируется тезис. Далее следует развернутое описание события с подробной, насколько это возможно в сжатой стихотворной форме, передачей эмоционального состояния персонажа. Третья часть — разрешение темы, как правило, неожиданное. Иногда сонет сравнивают с новеллой — именно из-за неожиданного финала.

Сонет всегда иносказателен. Его темы — это прежде всего жизнь и смерть, истинная и ложная красота, любовь, творчество.

Сонеты Шекспира пронумерованы самим автором. Все сонеты приводятся в переводе С.Я. Маршака.

СОНЕТЫ

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой.
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестка глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

90

Уж если ты разлюбишь, — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре,
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливом утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

102

Люблю, — но реже говорю об этом,
Люблю нежней, — но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда ее умолкнут излинья.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

1592—1598

Вопросы и задания

1. Определите тему каждого сонета. Предложите для каждого из них название.
2. Где в сонете № 30 описание, а где — разрешение темы?
3. В чем иносказательный смысл сонета № 54?
4. Наиболее частый художественный прием в сонетах — прямое и скрытое сравнение. Что с чем сравнивается в сонете № 102 и как это сравнение помогает лучше понять разрешение темы, финальную часть стихотворения?
5. Выучите наизусть один из сонетов У. Шекспира.

После уроков

Проведите фестиваль, посвященный Шекспиру, подготовьте устный журнал или еще какое-либо интересное творческое дело, название которому вы дадите сами. Подберите для него материалы: сообщения (например, «Пьесы Шекспира на сцене русских театров»; «Пьесы Шекспира на киноэкране»; «Произведения Шекспира в музыке»), выставку книг и иллюстраций, вопросы для литературных игр и др.

Советуем прочитать

Шенбаум С. Шекспир: Краткая документальная биография. — М., 1985.

РОБЕРТ
БЁРНС
1759—1796

Выдающийся шотландский поэт Роберт Бёрнс родился в деревне Аллоуэй на юго-западе Шотландии 25 января 1759 г. в бедной крестьянской семье. Учиться в школе не мог из-за отсутствия возможности заплатить, и азы грамоты освоил с помощью сельского учителя. Дальнейшее образование было самостоятельным.

Народная поэзия окружала его с детства. В семье Бёрнсов хорошо помнили шотландские народные баллады, старинные легенды и песни. Именно фольклор Шотландии пробудил в мальчике интерес к сочинительству. Писать стихи он начал в 15 лет, но об издании своих произведений и не мечтал. Многие его стихотворения в округе читались в рукописях.

Известность пришла неожиданно. Юный Бёрнс решил искать счастья за океаном — на Ямайке. Чтобы заработать хоть немного средств, он издал в 1786 г. сборник «Стихотворения, написанные преимущественно на шотландском диалекте». Произошло то, на что начинающий поэт и рассчитывать не смел, — книгу ждал огромный успех. В своих стихотворениях и поэмах он говорил о чувстве национальной гордости шотландцев, изображал их быт и труд, чем и заслужил любовь простых людей. Интересен такой факт: батраки и служанки отдавали последние гроши, чтобы купить только что изданную книгу его стихов. Такое признание земляков изменило решение Бёрнса об отъезде, и вместо Ямайки он направился в Эдинбург — центр литературной жизни Шотландии, где вскоре получил широкое признание как поэт. Поэзия Бёрнса выражала национальные чувства шотландцев, утративших свою независимость, и потому была принята не только простыми гражданами, но и местной знатью.

Представление о личности Бёрнса дает такой замечательный факт: не обладая большими средствами, он тем не менее покупает несколько пушек и отправляет их в дар Конвенту революционной Франции, которая в это время вела мужественную борьбу за национальное освобождение.

Прожил Бёрнс очень недолгую жизнь. Он умер 25 июня 1796 г. в возрасте 37 лет на ферме неподалеку от города Нит в Шотландии. За гробом поэта шли громадные толпы крестьян.

День рождения Бёрнса отмечается в Шотландии как национальный праздник. Стихи поэта переведены на многие языки народов мира. В России переводы произведений Бёрнса стали появляться в первое десятилетие XIX в.

Вопросы и задания

1. Какие детали из биографии Р. Бёрнса помогли вам лучше представить образ поэта?
2. Запишите краткий план статьи и подготовьте рассказ о поэте по этому плану.

Заставка для сборника «Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака» (1950).
Художник В.А. Фаворский

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Отцов ребята лишены,
И горько плачут вдовы.

Я шел домой в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснялся Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, —
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой — и сам не знаю.

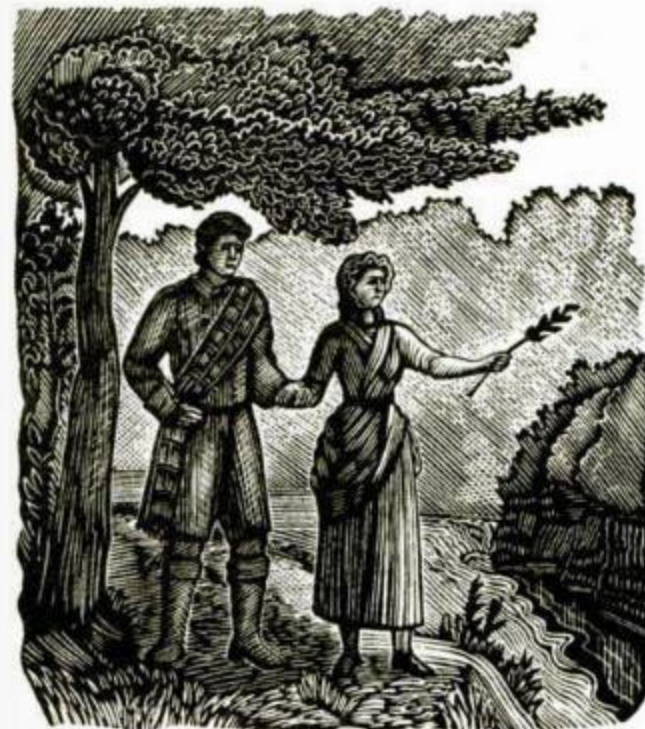

Иллюстрация к стихотворению «Возвращение солдата».
Художник В.А. Фаворский

Потом сказал я: «Ты светлей,
Чем этот день погожий.
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже.

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?»

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
«Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!»

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: «Это ты?»
Потом сказала: «Вилли!»

«Да, это я, моя любовь,
А ты моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты мой клад бесценный!»

Она сказала: «Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!»

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет,
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

Перевод С.Я. Маршака

Вопросы и задания

1. О чем стихотворение Р. Бёрнса?
2. Попробуйте определить жанр произведения. В случае затруднений вернитесь к разделу «Песни». Какой народный песенный жанр напоминает вам стихотворение? По каким признакам вы отнесли его к этому жанру? Обоснуйте свой выбор.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело погружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его подрезал острый нож,
Свалил беднягу с ног,
И, как бродягу на правез,
Везут его на ток.

Иллюстрация к стихотворению «Джон Ячменное Зерно».
Художник В.А. Фаворский

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер.
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клоочет Джон
Ячменное Зерно!

Перевод С.Я. Маршака

Вопросы и задания

1. Какими качествами наделяет Бёрнс своего героя? Почему он вызывал ярость и ненависть у трех королей? На какого героя русского фольклора похож Джон Ячменное Зерно?
2. Во что превратили враги Джона? В чем скрытый смысл этого превращения?
3. Джон Ячменное Зерно — образ-персонаж? Или имя — это метафора? Перечитайте очень внимательно строфы от слов: «Настало время помирать...» до слов: «И души веселит». Какие действия подробно и реалистически изображены в тексте? Вспомните определение аллегории. Приведите примеры аллегории из текста стихотворения.
4. Стихотворение Р. Бёрнса «Джон Ячменное Зерно» написано в жанре баллады. Постарайтесь обосновать этот вывод. Для этого вспомните определение баллады и изученные вами произведения в этом жанре.
5. Какова художественная идея баллады? Свой ответ обоснуйте.

Советуем прочитать

Райт-Ковалева Р. Роберт Бёрнс. — М., 1965.

РОБЕРТ
ЛЬЮИС
СТИВЕНСОН
1850—1894

Роберт Льюис был сыном и внуком шотландских инженеров, знаменитых строителей маяков. Он и сам надеялся стать борцом с морской стихией, спасителем кораблей, с трудом пробивающихся сквозь туманы и бури среди гибельных отмелей и скал. Он готовился к этому... Но слабые легкие, а потом и открывшаяся у него чахотка заставили его по предписанию врачей уехать от шотландских туманов в теплую Южную Францию.

Он не смог выполнить то, о чем мечтал, но он не сдался, не покорился судьбе. Он начал писать стихи и прозу. Все, чего нельзя было достичь в реальной жизни, воплотилось в стихах и книгах: таинственные события, захватывающие поединки, сильные гордые люди, пренебрегающие опасностями. Они стали кумирами многих и многих людей не только на его родине, но и в других странах мира. Наиболее значительную часть наследия Стивенсона составляют авантюрно-приключенческие романы. Иногда в их основе лежат исторические сюжеты («Черная стрела», «Похищенный»), иногда в жанровом отношении они близки к литературе «кошмаров и ужасов» («Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда»).

По состоянию здоровья Стивенсон жил и лечился на острове Самоа, где и умер. Его «Остров сокровищ» уже многие десятилетия остается одним из любимых романов в России.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ (Избранные главы)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Мои приключения на суше

ГЛАВА XIII

КАК НАЧАЛИСЬ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ

Когда утром я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, чем вчера. Хотя ветер утих, мы все же значительно продвинулись за ночь и теперь стояли в штилевом море, в полумиле от низкого восточного берега. Большую часть острова покрывали темные леса. Однообразный серый цвет прерывался кое-где в ложбинах желтизной песчаного берега и зеленью каких-то высоких деревьев, похожих на сосны. Эти деревья росли то поодиночке, то купами и поднимались над уровнем леса, но общий вид острова был все же очень однообразен и мрачен. На вершине каждого холма торчали острые голые скалы. Эти холмы удивляли меня странной формой своих очертаний. Подзорная Труба была на триста или четыреста футов выше остальных и казалась самой странной: отвесные склоны и срезанная, плоская вершина, как пьедестал для статуи.

Океан так сильно качал «Испаньолу», что вода хлестала в шпигаты. Утлегарь натягивал блоки, руль водило с борта на борт, и весь корабль прыгал, стонал и трещал, как фабричный цех. Я вцепился рукой в бакштаг и почувствовал, что меня мутит. Все закружилось у меня перед глазами. Я уже успел привыкнуть к морю, когда корабль бежал по волнам, но когда он стоял на якоре и в то же время вертелся на воде, как бутылка, мне становилось дурно, особенно по утрам, на пустой желудок.

Не знаю, что на меня повлияло — качка ли или эти серые, печальные леса, эти дикие, голые камни, этот грохот прибоя, бьющего в крутые берега, — но, хотя солнце сияло горячо и ярко, хотя морские птицы вились вокруг и с криками ловили в море рыбу, хотя всякий, естественно, был бы рад, увидев землю после такого долгого пребывания в открытом море, мне почему-то

стало тошно и жутко. И с первого взгляда я возненавидел Остров Сокровищ.

В это утро нам предстояла тяжелая работа. Так как ветра не было, нам пришлось спустить шлюпки, проверповать шхуну три или четыре мили, обогнуть мыс и ввести ее в узкий пролив за Островом Скелета.

Я уселся в одну из шлюпок, хотя в ней мне было нечего делать. Солнце жгло нестерпимо, и матросы все время ворчали, проклиная свою тяжелую работу. Нашей шлюпкой командовал Эндерсон. Вместо того чтобы сдерживать остальных, он сам ворчал и ругался громче всех.

— Ну да ладно, — сказал он и выругался. — Скоро всему этому будет конец.

«Плохой признак», — решил я. До сих пор люди работали усердно и охотно. Но одного вида острова оказалось достаточно, чтобы дисциплина ослабла.

Долговязый Джон стоял, не отходя, возле рулевого и помогал ему вести корабль. Он знал пролив как свои пять пальцев и несколько не смущался тем, что при промерах всюду оказывалось глубже, чем было обозначено на карте.

— Этот узкий проход прорыт океанским отливом, — сказал он. — Отлив углубляет его всякий раз, как лопата.

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и треть мили — от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц, кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

Пролив был превосходно закрыт со всех сторон. Он терялся среди густых лесов. Леса начинались у самой линии пролива. Берега были плоские. А вдали амфитеатром поднимались холмы. Две болотистые речонки впадали в пролив, казавшийся тихим прудом. Растительность возле этих речонек поражала какой-то ядовитой яркостью. С корабля не было видно ни постройки, ни частокола — деревья заслоняли их совсем, и, если бы не карта, мы могли бы подумать, что мы первые люди, посетившие этот остров, с тех пор как он поднялся из глубин океана.

Воздух был неподвижен. Лишь один звук нарушал тишину — отдаленный шум прибоя, разбиравшегося в полумиле от нас о скалы. Станный, затхлый запах стоял вокруг корабля —

запах прелых листьев и гниющих стволов. Я заметил, что доктор все нюхает и морщится, словно ему попало тухлое яйцо.

— Не знаю, есть ли здесь сокровище, — сказал он, — но клянусь своим париком, что лихорадка здесь есть.

Поведение команды, тревожившее меня на шлюпке, стало прямо-таки угрожающим, когда мы воротились на корабль. Матросы развалились на палубе и о чем-то переговаривались. Приказания, даже самые пустячные, они выслушивали угрюмо и исполняли весьма неохотно. Мирных матросов тоже охватила зараза недовольства, и некому было призвать их к порядку. Назревал бунт, и эта опасность нависла над нашими головами, как грозная туча.

Не только мы, обитатели каюты, заметили опасность. Долговязый Джон из всех сил старался поддержать порядок, переходя от кучки к кучке, то уговаривая, то подавая пример. Он из кожи лез, стараясь быть услужливым и любезным. Он улыбался каждому. Если отдавалось какое-нибудь приказание, Джон мигом хватал свой костыль и первый бросался исполнять его, весело крича:

— Есть, есть, сэр!

А когда нечего было делать, он запевал песни, одну за другой, чтобы не так была заметна угрюмость остальных.

Из всего, что происходило в этот злоеущий день, самым злоеущим казалось нам поведение Долговязого Джона.

Мы собрались в каюте на совет.

— Сэр, — сказал капитан, — если я отдам хоть одно приказание, весь корабль кинется на нас. Видите, сэр, какое дело: мне грубят на каждом шагу. Если я отвечу на грубость, нас разорвут в клочки. Если я не отвечу на грубость, Сильвер может заметить, что тут что-то неладно, и игра будет проиграна. А ведь теперь мы можем полагаться только на одного человека.

— На кого? — спросил сквайр.

— На Сильвера, сэр, — ответил капитан. — Он не меньше нас с вами хочет их унять. Это у них каприз, и, если ему дать возможность, он уговорит их не бунтовать раньше времени... Я предлагаю дать ему эту возможность. Отпустим матросов на берег погулять. Если они сойдут на берег все вместе, что же... мы захватим корабль. Если никто из них не сойдет, мы запремся в каюте и будем защищаться, и да поможет Бог правому. Если же сойдут лишь некоторые, то, поверьте мне, Сильвер доставит их обратно на корабль послушными, как овечки.

Так и решили. Надежным людям мы роздали заряженные пистолеты. Хантера, Джойса и Редрута мы посвятили в наши планы. Узнав обо всем, они не очень удивились и отнеслись к нашему сообщению гораздо спокойнее, чем мы ожидали. Затем капитан вышел на палубу и обратился к команде.

— Ребята! — сказал он. — Сегодня здорово пришлось поработать, и все мы ужасно устали и издергались. Прогулка на берег никому не повредит. Шлюпки спущены. Кто хочет, пускай отправляется в них на берег. За полчаса до захода солнца я выстрелю из пушки.

Вероятно, эти дураки вообразили, что найдут сокровища, как только высадятся на берег. Вся их угрюмость разом исчезла. Они так громко закричали «ура», что эхо проснулось в далеких холмах и вспугнутые птицы снова закружили над стоянкой.

Капитан поступил очень разумно: он сразу ушел, предоставив Сильверу распоряжаться сборами. Да и как же иначе было ему поступить? Ведь останься он на палубе, он не мог бы притвориться ничего не понимающим.

Все было ясно как день. Капитаном был Сильвер, и у него была команда мятежников. А мирные матросы — вскоре обнаружилось, что были на корабле и такие, — оказались сущими глупцами. Возможно, впрочем, что и они все до одного были восстановлены против нас вожаками, только в разной степени, и кое-кому из них, неплохим в общем людям, слишком далеко заходить не хотелось. Одно дело — непослушание, воркотня и лентяйничанье, а другое — захват корабля и убийство ни в чем не повинных людей. После долгих споров команда разделилась так: шестеро остались на корабле, а остальные тринадцать, в том числе и Сильвер, начали рассаживаться в шлюпках.

Вот тут-то и решился я вдруг на первый из отчаянных поступков, которые впоследствии спасли нас от смерти. Я рассуждал так: мы не можем захватить корабль, раз Сильвер оставил на борту шестерых своих разбойников. С другой стороны, раз их осталось всего шестеро, значит, на корабле я сейчас не нужен. И я решил отправиться на берег. В одно мгновение я перелез через борт и свернулся калачиком в носу ближайшей шлюпки, которая в ту же секунду отчалила.

Никто не обратил на меня внимания, и только передний гребец сказал:

— Это ты, Джим? Держи голову пониже!

Но Сильвер, сидевший в другой шлюпке, внимательно всмотрелся в нашу и окликнул меня, чтобы убедиться, что это действительно я. И тогда я пожалел, что не остался.

Шлюпки помчались к берегу наперегонки. Но та шлюпка, в которой сидел я, отчалила первой. Она оказалась более легкой, гребцы в ней подобрались самые лучшие, и мы сразу опередили другую шлюпку. Едва нос нашей шлюпки коснулся берега, я ухватился за ветку, выскочил и кинулся в чащу. Сильвер и его товарищи остались ярдов на сто позади.

— Джим! Джим! — кричал он.

Но, понятно, я не обратил на его крик никакого внимания. Без оглядки, подпрыгивая, ломая кусты, ныряя в траве, я бежал все вперед и вперед, пока не выбился из сил.

ГЛАВА XIV

ПЕРВЫЙ УДАР

Довольный, что удрал от Долговязого Джона, я развеселился и стал с любопытством разглядывать незнакомую местность.

Сначала я попал в болото, заросшее ивами, тростником и какими-то деревьями неизвестной мне породы. Затем вышел на открытую песчаную равнину, около мили длиной, где росли редкие сосны и какие-то скрюченные, кривые деревья, похожие на дубы, но со светлой листвой, как у ивы. Вдали была видна двуглавая гора: обе странные скалистые вершины ярко сияли на солнце.

Впервые я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем. Люди с моей шлюпки остались далеко позади, и я никого не мог встретить, кроме диких зверей и птиц. Я осторожно пробирался среди деревьев. Повсюду мне попадались какие-то неведомые растения и цветы.

То тут, то там я натыкался на змей. Одна из них ползла по уступу скалы. Она подняла голову и зашипела на меня, зашипела, как вертящаяся юла. А я и представления не имел, что это знаменитая гремучая змея, укусы которой смертельны.

Наконец я вошел в чащу деревьев, похожих на дубы. Впоследствии я узнал, что их называют вечнозелеными дубами. Они росли на песке, очень низкие, словно кусты терновника. Узловатые ветви их были причудливо изогнуты, густая листва сплелась наподобие кровли. Заросли их, становясь все выше и гуще, спускались с песчаного откоса к широкому, поросшему

тростником болоту, через которое протекала одна из впадающих в пролив речек. Пар поднимался над болотом, и очертания Подзорной Трубы дрожали в знойном тумане.

Вдруг зашуршал камыш. С криканьем взлетела дикая утка, за нею другая, и скоро над болотом повисла огромная туча птиц, с криком круживших в воздухе. Я сразу догадался, что кто-нибудь из наших моряков идет по краю болота, и не ошибся... Вскоре я услышал отдаленный голос, который, приближаясь, становился все громче.

Я страшно испугался, юркнул в ближайшую чащу вечнозеленых дубов и притаился, как мышь.

Другой голос ответил. Затем снова заговорил первый голос, и я узнал его — это был голос Сильвера. Он говорил о чем-то не умолкая, так что его спутнику лишь изредка удавалось вставить слово. Судя по голосам, они разговаривали горячо, почти злобно, но слов разобрать я не мог.

Наконец они замолчали и, вероятно, присели, потому что птицы постепенно успокоились и опустились на болото.

И я почувствовал, что уклоняюсь от своих обязанностей. Если уж я так глуп, что сошел на берег с пиратами, я должен по крайней мере подслушать, о чем они совещаются. Мой долг велит мне подкрасться к ним как можно ближе и спрятаться в густой листве кривых, узловатых дубков.

Я мог с точностью определить то место, где сидят оба моряка, и по голосам, и по волнению нескольких птиц, все еще круживших над их головами.

Медленно, но упорно полз я на четвереньках вперед. Наконец, подняв голову и глянув в просвет между листьями, я увидел на зеленой лужайке возле болота, под деревьями, Джона Сильвера и еще одного моряка. Они стояли друг против друга и разговаривали.

Их обоих жгло солнце. Сильвер швырнул свою шляпу на землю, и его большое, пухлое, белесое, покрытое блестящим потом лицо было обращено к собеседнику чуть ли не с мольбой.

— Приятель, — говорил он, — ты для меня чистое золото. Неужели, ты думаешь, я стал бы хлопотать о тебе, если бы не любил тебя всем своим сердцем? Все уже сделано, ты ничего не изменишь. Я хочу спасти твою шкуру — вот только почему я с тобой. Если бы наши матросы узнали, о чем я с тобой говорю, Том, подумай, что бы они со мной сделали!

— Сильвер... — отвечал моряк, и я заметил, что лицо у него стало красным, а охрипший, каркающий голос дрожит, как натянутый канат. — Сильвер, ты уже не молодой человек и как будто имеешь совесть. По крайней мере, тебя никто не считает мошенником. У тебя есть деньги... а у многих ли бедолаг-моряков они есть? И к тому же ты не трус. Так объясни мне, пожалуйста, почему ты связываешься с этими гнусными крысами? Нет, ты не можешь быть с ними заодно. Я скорее дам отсечь себе руку... но долгу своему не изменю...

Внезапный шум прервал его. Наконец-то я нашел одного честного моряка! И в то же время до меня донеслась весть о другом честном моряке. Далеко за болотом раздался гневный, пронзительный крик, потом второй и затем душераздирающий вопль. Эхо в скалах Подзорной Трубы повторило его несколько раз. Вся армия болотных птиц снова разом взвилась в вышину и заслонила небо. Долго еще этот предсмертный вопль раздавался в моих ушах, хотя кругом опять воцарилось безмолвие, нарушаемое только хлопаньем крыльев опускающейся стаи птиц и отдаленным грохотом прибоя.

Том вздрогнул, как пришпоренная лошадь. Но Сильвер даже глазом не моргнул. Он стоял, опираясь на костыль, и глядел на своего собеседника, как змея, готовая ужалить.

— Джон! — сказал моряк, протягивая к нему руку.

— Руки прочь! — заорал Сильвер, отскочив на шаг с быстротой и ловкостью акробата.

— Хорошо, Джон Сильвер, я уберу руки прочь, — сказал моряк. — Но, право, только нечистая совесть заставляет тебя бояться меня. Умоляю тебя, объясни мне, что там случилось?

— Что случилось? — переспросил его Сильвер. Он улыбнулся, но не так широко, как всегда, и глаза его на огромном лице стали крошечными, как острия иголок, и засверкали, как стеклышки. — Что случилось? По-моему, это Алан.

Несчастный Том принял эту весть с отвагой, достойной героя.

— Алан! — воскликнул он. — Мир его праху! Он умер, как настоящий моряк. А ты, Джон Сильвер... Мы долго были с тобой товарищами, но теперь уж этому не быть! Пусть я умру, как собака, но я своего долга не нарушу. Ведь это вы убили Алана, а? Так убейте и меня, если можете! Но знай, что я плюю на вас!

С этими словами отважный моряк повернулся к коку спиной и зашагал к берегу. Но ему не удалось уйти далеко: Джон

Иллюстрации к роману «Остров сокровищ» —
художник Г. Брок

вскрикнул, схватился за ветку дерева, выхватил свой костыль из-под мышки и метнул ему вслед, как копье. Костыль, пущенный с невероятной силой, свистя, пролетел в воздухе и ударил Тома острым наконечником в спину между лопатками. Бедняга Том взмахнул руками и упал.

Не знаю, сильно ли он был ранен... Судя по звуку, у него был разбит позвоночник. Сильвер не дал ему опомниться. Без костыля, на одной ноге, он вспрыгнул на противника с ловкостью обезьяны и дважды всадил свой нож по самую рукоят-

ку в его незащищенное тело. Сидя в кустах, я слышал, как тяжело дышал убийца, нанося удары.

Никогда прежде я не терял сознания и не знал, что это такое. Но тут весь мир поплыл вокруг меня, как в тумане. И Сильвер, и птицы, и вершина Подзорной Трубы — все вертелось, кружилось, качалось. Уши мои наполнились звоном разнообразных колоколов и какими-то далекими голосами.

Когда я пришел в себя, костыль был уже у негодя под мышкой, а шляпа на голове. Перед ним неподвижно лежал Том. Но убийца даже не глядел на него. Он чистил свой окровавленный нож пучком травы.

Кругом все было по-прежнему. Солнце беспощадно жгло и болото, над которым клубился туман, и высокую вершину горы. И не верилось, что минуту назад у меня на глазах совершилось убийство.

Джон засунул руку в карман, достал свисток и несколько раз свистнул. Свист разнесся далеко в знойном воздухе. Я, конечно, не знал значения этого сигнала, но все мои страхи разом проснулись. Сюда придут люди. Меня заметят. Они уже убили двух честных моряков, почему же после Тома и Алана не стать жертвой и мне?

Стараясь не шуметь, я выбрался из кустарника и как можно быстрее пополз на четвереньках в лес. Удирая, я слышал, как старый пират перекликался со своими товарищами. От их голосов у меня точно выросли крылья. Чаша осталась позади. Я побежал так быстро, как не бегал еще никогда. Я несея, не разбирая дороги, лишь бы подальше уйти от убийц. С каждым шагом страх мой все усиливался и превратился наконец в безумный ужас.

Положение мое было отчаянное. Разве я осмелюсь, когда выпалит пушка, сесть в шлюпку вместе с этими разбойниками, забрызганными человеческой кровью? Разве любой из них, увидев меня, не свернет мне шею, как цыпленку? Уже самое мое отсутствие — разве оно не доказало им, что я их боюсь и, значит, обо всем догадываюсь? Прощай, «Испаньола»! Прощайте, сквайр, доктор, капитан! Я погибну либо от голода, либо от бандитского ножа.

Я мчался, не зная куда, и очутился у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной. В этой части острова вечнозеленые дубы росли не так густо и похожи были своими размерами не на кусты, а на обыкновенные лесные деревья. Изредка между ними

возвышались одинокие сосны высотой в пятьдесят — семьдесят футов. Воздух здесь был свежий и чистый, совсем не такой, как внизу, у болота.

Но тут меня подстерегала другая опасность, и сердце мое снова замерло от ужаса.

ГЛАВА XV

ОСТРОВИТАНИН

С обрывистого каменистого склона посыпался гравий и — покатился вниз, шурша и подскакивая между деревьями. Я невольно посмотрел вверх и увидел странное существо, стремительно прыгнувшее за ствол сосны. Что это? Медведь? Человек? Обезьяна? Я успел заметить только что-то темное и косматое и в ужасе остановился.

Итак, оба пути отрезаны. Сзади меня стерегут убийцы, впереди — это неведомое чудовище. И сразу же я предпочел известную опасность неизвестной. Даже Сильвер казался мне не таким страшным, как это лесное отродье. Я повернулся и, минутно оглядываясь, побежал в сторону шлюпок.

Чудовище, сделав большой крюк, обогнало меня и оказалось впереди. Я был очень утомлен. Но даже если бы я не чувствовал усталости, я все равно не мог бы состязаться в быстроте с таким проворным врагом. Странное существо перебегало от ствола к стволу со скоростью оленя. Оно двигалось на двух ногах, по-человечески, хотя очень низко пригибалось к земле, чуть ли не складываясь вдвое. Да, то был человек, в этом я больше не мог сомневаться.

Я вспомнил все, что слышал о людоедах, и собирался уже позвать на помощь. Однако мысль о том, что предо мною находится человек, хотя бы и дикий, несколько приободрила меня. И страх мой перед Сильвером сразу ожил. Я остановился, размышляя, как бы ускользнуть от врага, и тут меня осенило: у меня есть пистолет! Как только я убедился, что я не беззащитен, ко мне вернулось мужество, и я решительно двинулся навстречу островитянину.

Он опять спрятался, но, как видно, зорко наблюдал за мной, потому что, едва я направился к нему, как он вышел из засады и сделал было шаг мне навстречу. Потом в нерешительности

потоптался на месте, попятился и вдруг, к величайшему моему изумлению и смущению, упал на колени и с мольбой протянул ко мне руки.

Я снова остановился.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Бен Ганн, — ответил он; голос у него был хриплый, как скрип заржавленного замка. — Я несчастный Бен Ганн. Три года я не разговаривал ни с одной христианской душой.

Это был такой же белый человек, как и я, и черты его лица были, пожалуй, приятны. Только кожа так сильно загорела на

солнце, что даже губы у него были черные. Светлые глаза с поразительной резкостью выделялись на темном лице. Из всех нищих, которых я видел на своем веку, этот был самый оборванный. Одежда его состояла из лохмотьев старого паруса и матросской робы. Один лоскут этой невообразимой рванины скреплялся с другим самым замысловатым и нелепым способом: либо медной пуговицей, либо прутиком, либо просмоленным обрывком шпагата. Единственной неизодранной вещью из всего его костюма был кожаный пояс с медной пряжкой.

— Три года! — воскликнул я. — Вы потерпели крушение?

— Нет, приятель, — сказал он. — Меня бросили тут, на острове.

Я слышал об этом ужасном наказании пиратов: виновного высаживали на какой-нибудь отдаленный и пустынный остров и оставляли там одного, с небольшим количеством пороха и дрови.

— Брошен на этом острове три года назад, — продолжал он. — С тех пор питаюсь козлятиной, ягодами, устрицами. Я так думаю, что человек способен жить везде, куда бы его ни закинуло. Но если бы ты знал, друг, как стосковалось мое сердце по настоящей человеческой еде! Нет ли у тебя с собой кусочка сыру?.. Нет? Ну вот, а я много долгих ночей вижу во сне сыр на ломтике хлеба... Просыпаюсь, а сыра нет.

— Если мне удастся вернуться к себе на корабль, — сказал я, — вы получите вот такую головку сыра.

Он щупал мою куртку, гладил мои руки, разглядывал мои сапоги и, замолкая, по-детски радовался, что видит перед собой человека.

Услышав мой ответ, он взглянул на меня с каким-то лукавством.

— Если тебе удастся вернуться к себе на корабль? — повторил он мои слова. — А кто же может тебе помешать?

— Уж, конечно, не вы, — ответил я.

— Конечно, не я! — воскликнул он. — А как тебя зовут, приятель?

— Джим, — сказал я.

— Джим, Джим... — повторял он с наслаждением. — Да, Джим, я вел такую жизнь, что мне стыдно даже рассказывать. Поверил бы ты, глядя на меня, что моя мать была очень благочестивая женщина?

— Поверить трудновато, — согласился я.

— Она была на редкость благочестивая женщина, — сказал он. — Я рос вежливым, набожным мальчиком и умел так быстро повторять наизусть катехизис, что нельзя было отличить одно слово от другого. И вот что из меня вышло, Джим. А все оттого, что я смолodu ходил на кладбище играть в орлянку. Начал с орлянки да и покатился. Мать, святая душа, говорила, что я плохо кончу, и ее предсказание сбылось. Да только само провидение послало меня на этот остров. Я много размышлял здесь в одиночестве и раскаялся. Теперь уже не соблазнишь меня выпивкой. Конечно, от выпивки я не откажусь и сейчас, но самую малость, не больше наперстка, на счастье... Я дал себе слово исправиться и теперь уж не собьюсь! А главное, Джим... — он оглянулся и понизил голос до шепота, — ведь я сделался теперь богачом.

Тут я окончательно убедился, что несчастный сошел с ума в одиночестве. Вероятно, эта мысль отразилась на моем лице, потому что он повторил с жаром:

— Богачом! Говорю тебе — богачом! Слушай, Джим, я сделаю из тебя человека! Ах, Джим, ты будешь благословлять судьбу, что первый нашел меня!.. — Вдруг лицо его потемнело, он сжал мою руку и угрожающе поднял палец. — Скажи мне правду, Джим: не Флинта ли это корабль?

Меня осенила счастливая мысль: этот человек может сделаться нашим союзником. И я тотчас же ответил ему:

— Нет, не Флинта, Флинт умер. Но раз вы хотите знать правду, вот вам правда: на корабле есть кое-кто из команды Флинта, и для нас это большое несчастье.

— А нет ли у вас... одноногого? — выкрикнул он, задыхаясь.

— Сильвера? — спросил я.

— Сильвера? Да, его звали Сильвером.

— Он у нас кок. И верховодит всей шайкой.

Он все еще держал меня за руку и при этих словах чуть не вывихнул ее.

— Если ты подослан Долговязым Джоном, — сказал он, — я пропал. Но знаешь ли ты, где ты находишься?

Я сразу же решил, что мне делать, и рассказал ему все — и о нашем путешествии и о трудном положении, в котором мы оказались. Он слушал меня с глубоким вниманием и, когда я кончил, погладил меня по голове.

— Ты славный малый, Джим, — сказал он. — Но теперь вы все завязаны мертвым узлом. Ладно, положитесь на Бена Ганна, и он выручит вас, вот увидишь. Скажи, как отнесется ваш сквайр к человеку, который выручит его из беды?

Я сказал ему, что сквайр — самый щедрый человек на всем свете.

— Так-то оно так... Но, видишь ли, — продолжал Бен Ганн, — я не собираюсь просить у него лакейскую ливрею или место привратника. Нет, этим меня не прельстишь! Я хочу знать: согласится он дать мне хотя бы одну тысячу фунтов из тех денег, которые и без того мои?

— Уверен, что даст, — ответил я. — Все матросы должны были получить от него свою долю сокровищ.

— И доставит меня домой? — спросил он, глядя на меня испытующим взглядом.

— Конечно! — воскликнул я. — Сквайр — настоящий джентльмен. Кроме того, если мы избавимся от разбойников, ваша помощь будет очень нужна на корабле.

— Да, — сказал он, — значит, вы и вправду возьмете меня.

И он облегченно вздохнул.

— А теперь послушай, что я тебе расскажу, — продолжал он. — Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища. С ним было еще шесть моряков — здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы услышали выстрел с берега и увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, голова его была повязана синим платком. Выходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам... один, а остальные шестеро были убиты... убиты и похоронены... да... Как он справился с ними, никто из нас никогда не узнал. Была ли там драка, резня или внезапная смерть... А он был один против шестерых!.. Билли Бонс был штурманом, а Долговязый Джон — квартирмейстером. Они спросили у него, где сокровища. «Ступайте на берег и поищите, — сказал он в ответ. — Но, клянусь громом, корабль не станет вас ждать». Вот как он сказал им. А три года назад я плыл на другом корабле, и мы увидели этот остров. «Ребята, — сказал я, — здесь Флинт зарыл сокровища. Сойдемте на берег и поищем». Капитан очень рассердился. Но все матросы были со мной заодно, и мы причалили к этому берегу. Двенадцать дней мы искали сокровища и ничего не нашли. С каждым днем товарищи ругали меня все

сильней и сильней. Наконец они собрались на корабль. «А ты, Бенджамин Ганн, оставайся! — сказали они. — Вот тебе мушкет, заступ и лом, Бенджамин Ганн... Оставайся здесь и разыскивай денежки Флинта». С тех пор, Джим, вот уже три года живу я здесь и ни разу не ел по-христиански. А теперь взгляни на меня: разве похож я на простого матроса?.. Нет, говоришь, не похож? Да и не был похож никогда.

Он подмигнул мне одним глазом и сильно ущипнул меня за руку.

— Так и скажи своему сквайру, Джим: он никогда не был похож на простого матроса, — продолжал он. — Скажи ему, что Бен три года сидел тут, на острове, один-одинешенек, и днем и ночью, и в хорошую погоду и в дождь. Иногда, может быть, думал о молитве, иногда вспоминал свою престарелую мать, дай-то Бог, чтобы она еще была жива, — так и скажи ему. Но большую часть времени... уж это ты непременно ему скажи... большую часть времени Ганн занимался другими делами. И при этих словах ущипни его вот так.

И он снова ущипнул меня самым дружеским образом.

— Ты ему, — продолжал он, — вот еще что скажи: Ганн — отличный человек — так ему и скажи, Ганн гораздо больше доверяет джентльмену прирожденному, чем джентльмену удачи, потому что он сам был когда-то джентльменом удачи.

— Из того, что вы мне тут толкуете, я не понял почти ничего, — сказал я. — Впрочем, это сейчас и не важно, потому что я все равно не знаю, как попасть на корабль.

— Да, — сказал он, — видишь, какая загвоздка. Ну да ладно, у меня есть лодка, которую я смастерил себе сам, собственными руками. Она спрятана под белой скалой. И в крайнем случае попробуем добраться на ней, когда станет темнее... Но постой! — закричал он вдруг. — Что это там такое?

Как раз в эту минуту с корабля грянул пушечный выстрел. Гулкое эхо подхватило его и разнесло по всему острову. А между тем до захода солнца оставалось еще добрых два часа.

— Там идет бой! — крикнул я. — За мною!

И кинулся бежать к стоянке корабля, забыв свои недавние страхи. Рядом со мной легко и проворно бежал злополучный пленник.

— Левее, левее! — приговаривал он. — Держи левее, друг Джим! Ближе к деревьям! Вот в этом месте в первый раз я под-

стрелил козу. Теперь козы сюда не спускаются. Они бегают только по горам, потому что боятся Бенджамина Ганна... А! А вот кладбище. Видишь холмики? Я приходил сюда и молился изредка, когда я думал, что, может быть, сейчас воскресенье. Это не то что часовня, но все как-то торжественней. Правда, я был один, без капеллана, без Библии...

Он болтал на бегу, не дожидаясь ответа, да я и не мог отвечать.

После пушечного выстрела долгое время была тишина, а потом раздался залп из ружей.

И опять тишина. И потом впереди над лесом, в четверти мили от нас, взвился британский флаг.

1883

Перевод К.И. Чуковского

О РОМАНЕ «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

Он мечтал быть путешественником, солдатом, строителем жизни, а сам был годами прикован к постели.

Вместо участия в настоящей войне Стивенсон вынужден был руководить войнами игрушечных солдатиков, которыми он развлекает своего маленького пасынка Ллойда Осборна. На темном и низком чердаке своего домика в Давосе он при свете свечи играет с пасынком в солдатики и неделями с увлечением проводит какую-нибудь сложную операцию по всем правилам настоящей войны. Пол расчерчен мелом наподобие карты, устроены горы, реки, дороги и шоссе, болота и заболоченные, нездоровые зоны, проходя через которые войска теряют известный процент заболевших солдат. Учтены относительная скорость передвижения пехоты и конницы, влияние погоды, обеспеченность снабжением; издаются приказы, бюллетени, газеты, причем один «редактор» за разглашение военной тайны был даже повешен «генералом Осборном», и взамен его газеты стал выходить другой, менее богатый орган. Словом, эта комнатная война велась ими всерьез.

Точно так же вместо постройки настоящих городов или маяков Стивенсон учил своего пасынка строить «город из деревяшек».

Бери деревяшки и строй городок:
Дома и театры, музеи и док.
Пусть дождик прольется и хлынет опять:
Нам весело дома дворцы созидать!

Диван — это горы, а море — ковер.
Мы город построим близ моря, у гор.
Вот мельница, школа, здесь — башня, а там
Обширная гавань — приют кораблям.

Дворец на холме и красив, и высок;
С террасой широкой, он сам городок;
Пологая лестница сверху ведет
До моря, где в бухте собрался наш флот.

Идут корабли из неведомых стран;
Матросы поют про седой океан
И в окна глядят, как по залам дворца
Дары из-за моря несут без конца.

Перевод В. Брюсова

Из подобной игры возник и «Остров сокровищ» — книга, сделавшая Стивенсона знаменитым.

А случилось это так. Однажды Стивенсон нарисовал для пасынка карту воображаемого острова, потом вокруг карты стало складываться повествование о людях, посетивших этот остров. В ход пошли рассказы моряков, бакенщиков, маячных сторожей, которые Стивенсон слышал в детстве, сопровождая отца в его инспекционных поездках по маякам. К юному слушателю присоединился старый, и это именно он, отец Стивенсона, подсказал содержимое пиратского сундука, название корабля капитана Флинта. Так реальные вещи: карта, сундук — породили вымышленную повесть о пиратах, память о которых еще жива была в Англии времен Стивенсона.

Пиратство широко развилось на протяжении вековых войн главных морских держав того времени: Англии и Испании. Особенно рьяно грабили пираты испанские караваны, доставлявшие заморское золото из Мексики, Перу, Вест-Индии. Во время войны такой узаконенный грабеж вели так называемые каперы, совершавшие свои набеги под английским флагом. Но англичане не хотели приостанавливать этот выгодный

промысел и на время перемирий. Они снаряжали уже не под своим флагом так называемых корсаров, действовавших по принципу «не пойман — не вор». Английские короли милостиво принимали от них добычу и бесстыдно открещивались от них, если тем случалось попасть в беду. Некоторые из таких корсаров становились мстителями за себя и защитниками обиженных (это подсказало Куперу образ его «Красного корсара»), но чаще, оказавшись вне закона, эти отверженные пополняли ряды пиратов, разбойничавших уже на свой страх и риск. Выкинув черный флаг с черепом и костями, они не давали проходу и своим, английским, торговым судам и позднее доставили много хлопот английскому правительственному флоту, прежде чем были им истреблены.

И.А. Кашкин

Вопросы и задания

1. Расскажите подробно об истории создания романа «Остров сокровищ».
2. Составьте план основных событий третьей части романа «Мои приключения на суше». Какие из них показались вам наиболее захватывающими и важными? Почему?
3. Зачитайте эпизоды романа, проиллюстрированные Г. Брокком. Придумайте названия для иллюстраций.

Советуем прочитать

Урнов М. Роберт Луис Стивенсон: Жизнь и творчество // Роберт Луис Стивенсон. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. — М., 1967.

МАЦУО

БАСЁ

1644—1694

ПОЭТ-СТРАННИК

Встретив этого немолодого уже человека, бредшего куда-то в одиночестве по запыленной дороге, многие его соотечественники были убеждены, что видят перед собой обычного бродягу, ночующего под открытым небом только лишь потому, что вряд ли найдется желающий предоставить ему кров.

Все те, для кого дорога имела конкретную цель, кто спешил по своим делам, с пренебрежением поглядывали на этого скитальца, чей путь, казалось, был бесконечен.

Вот он сошел с узкой горной тропки для того, чтобы отдохнуть и перекусить. Но, хотя скудная трапеза давно окончена, этот человек не спешит вновь пуститься в путь. Как замороженный, он сидит на том же месте, будто что-то не дает ему двигаться. Из его сумы появляется тушечница¹ и бумага, на которой странник оставляет несколько иероглифов:

Парящих жаворонков выше,
Я в небе отдохнуть присел, —
На самом гребне перевала.

Перевод Веры Марковой

История стерла имена всех тех, кто прошел мимо этого человека, бросив на него надменный взгляд. За более чем три века, что протекли с тех пор, многое изменилось, и Япония те-

¹ *Тушечница* — сосуд, в котором разводили твердую тушь для письма кистью; тушечницы существовали до XVI—XVII вв.

перь ассоциируется вовсе не с самураями¹ и дзен-буддизмом². Остались только эти три строчки и имя их автора — Мацуо Басё.

Детство Басё протекало в небольшом замковом городе Уэно провинции Ига, что на острове Хонсю. В 1644 г. в семье самурая Мацуо Едзаэмона родился третий ребенок. Места, где прошли первые дни жизни будущего поэта, отличались необыкновенной красотой. И, возможно, именно эта гармония природы оказала воздействие на формирование его внутреннего мира и образов, впоследствии нашедших свое отражение в стихах.

Уже став добровольным скитальцем, навсегда покинув свои родные места и не приобретя новых, Басё будет часто вспоминать о своей родине, о своем, как писал он сам, отождествляя себя с бродягой-вороном, «старом гнезде».

Японский феодальный замок-дворец Инуяма. 1600 г.

¹ *Самурай* — член привилегированной феодальной военной касты Японии.

² *Дзен-буддизм* — направление в восточной культуре, в основе которого лежит учение о Четырех Благородных Истинах: о страдании, о происхождении и причинах страдания, о подлинном прекращении страдания и устранении его источников, об истинных путях к прекращению страдания.

Образец японской каллиграфии — книга-гармошка, XII в.

Как известно, Басё — литературный псевдоним поэта, имя, под которым он запомнился своим соотечественникам и вошел в мировую историю. Главное имя этого человека, но далеко не единственное. В детстве, сразу же после рождения, его называли Кинзаку. Но по японскому обычаю, когда мальчик подрастал и становился мужчиной, на смену детским именам приходили имена мужские. Мацуо Манэфуса — так называли будущего поэта, когда он стал взрослым.

Родители Кинзаку были людьми не очень богатыми, но образованными. Его отец и старший брат зарабатывали себе на хлеб преподаванием каллиграфии¹ при дворах более обеспеченных самураев. И мальчик уже в ранние годы смог получить неплохое по тем временам образование. Особенно его увлекало чтение книг китайских авторов, таких, как знаменитый Ду Фу. Книги в те времена уже были доступны даже дворянам средней руки.

Многим исследователям творчества великого поэта не дает покоя один вопрос: когда же его рука, держащая рисовую палочку, впервые прикоснулась к бумаге для того, чтобы оставить на ней хайку? Вполне возможно, что первые поэтические

¹ Каллиграфия — искусство писать четким, красивым почерком.

опыты Мацуо пришлось еще на те времена, когда он познавал жизнь в отчем доме. Но, скорее всего, юноша начал писать стихи уже после того, как отправился на услужение в замок знатного и богатого самурая Тодо Ешитава.

С каждым днем поэзия захватывала Мацуо все больше и больше, и в конце концов он стал перед выбором — либо оставить службу для того, чтобы всецело предаться творчеству, либо, полностью или частично, отречься от своего таланта, получив взамен обеспеченную и лишенную всяких опасностей жизнь.

Мацуо Манэфуса никогда бы не стал великим Басё, выбери он второе.

Решение полностью посвятить себя поэзии стоило ему многого. Например, разрыва со своими родными. Безусловно, семья не одобрила его выбор, и после того, как Мацуо уходит из дома Ешитава, на помощь близких ему рассчитывать не приходится.

Распрощавшись с Ешитавой, Мацуо отправляется в Эдо, теперешний Токио, — самый крупный японский город того времени. Все его богатство — сборник собственных стихов под мышкой и стихи ненаписанные — еще не прожитые мгновения радости встречи нового дня и печали расставания.

К тому времени двадцативосьмилетний поэт уже заимел своих первых поклонников — стихи Собо, как он тогда подписывался, были опубликованы в нескольких популярных сборниках, не раз они звучали на распространенных тогда поэтических турнирах. Но кому, как не их автору, было известно: существовать только за счет своего творчества в Японии тех лет не представлялось возможным. И вскоре после приезда в Эдо поэт был вынужден поступить на государственную службу и заниматься строительством водных путей.

Однако жизнь чиновника была для Мацуо невыносимой, и прошло совсем мало времени, прежде чем он вновь обрел свободу.

Мацуо Манэфуса становится учителем поэзии. В последователях у него никогда не было недостатка — есть сведения о том, что искусством составления стихов при его посредничестве овладело в общей сложности более двух тысяч учеников. Но известность не принесла Мацуо денег, и, по собственному признанию поэта, первые девять лет, проведенные в Эдо, стали годами постоянной нужды и заботы о хлебе насущном.

Полностью посвятить свое время созерцанию и творчеству поэт смог лишь после того, как один из его учеников, сын богатого торговца рыбой Сампу, по-настоящему устроил его жизнь, подарив Мацуо небольшую хижину, расположенную в предместье Эдо Фукагава.

Поэт с большой радостью принимает этот дар. Его потребности никогда не были велики; наоборот, он всегда сознательно предпочитал довольствоваться малым — горстью рисовых зерен и глотком родниковой воды. И маленькая неухоженная хижина на берегу заброшенного пруда, подвластная всем ветрам, была для него куда более желанной, чем огромный дворец.

Это место, не отличавшееся особой красотой, научило поэта видеть прекрасное во всем, даже в самом обыденном пейзаже. В своей хижине Мацуо прожил всего лишь несколько лет, но она запомнилась ему надолго.

У входа в свое жилище поэт посадил банановые пальмы. Поэтому и дом его вскоре стали называть Басё-ан (Банановая хижина). Отсюда происходит и псевдоним поэта, ставший намного более известным, чем остальные его имена. «Басё» переводится как «банановое дерево».

Но радость спокойной жизни была недолгой — в 1682 г. во время страшного пожара, уничтожившего чуть ли не полгорода, хижина сгорела. Это было страшной утратой для Басё. Ничто теперь не держит его в Эдо. И в 1684 г. он отправляется странствовать.

Ученики отстроили его хижину, но прошлого было не вернуть. И до конца своих дней, до 1694 г., Басё вел образ жизни поэта-бродяги — у него теперь нет своего дома, и ему очень редко хочется оставаться на одном месте долгое время. Он путешествует в одиночестве, реже — с одним или двумя самыми близкими учениками. Его мало волнует то, что теперь он похож на обычного нищего, странствующего из города в город в поисках хлеба насущного. Потертая одежда и изорванные сандалии были для него более приемлемыми, чем одеяния короля поэзии.

«Странник! — это слово станет именем моим», — напишет о себе Басё. Именно путешествия становятся для поэта источником его вдохновения. После каждого из них появляется поэтический сборник. «Зимние дни», «Весенние дни», «Заглохшее поле»... Эти названия более чем красноречивы.

Странствия учат Басё многому. Он не заботится о завтрашнем дне, ибо живет даже не сегодняшним днем, а каждым мгновением.

Он и умер во время одного из таких путешествий, заведшего поэта в город Осака.

Значительную и наиболее важную для нас часть наследия Басё составляют его хайку — трехстрочные поэтические миниатюры, состоящие всего из 17 слогов:

В чашечке цветка
Дремлет шмель. Не тронь его,
Воробей-дружок!

Перевод Веры Марковой

Именно Басё разработал и передал своим ученикам многие эстетические принципы сложения хайку, имеющие глубокие корни в японской философии. Это «сатори» — состояние озарения, когда взгляду открываются вещи, недоступные другим людям, «саби» — слово, означающее одиночество, отчуждение от всего внешнего мира, воспоминания, навевающие светлую грусть.

Воробей и бамбук. Камышовка и слива.

Раскрашенные гравюры на дереве.

Художник Андо Хиросигэ. Первая половина XIX в.

Такие ощущения были присущи поэту, когда он коротал свои дни у входа в банановую хижину, подолгу предаваясь раздумьям. Не покинули они его и после того, как Басё отправился странствовать. Но его эстетические взгляды постоянно менялись, эволюционировали. В лексиконе Басё постепенно появляются такие слова, как «каруми» — легкость и возвышенность, простота восприятия, «хосоми» — тонкость и ломкость, «сюри» — грусть, сочувствие и, наконец, «фуэки-рюко» — неизменная изменчивость мира, единство движения и покоя.

Хайку Басё последних лет становятся еще более простыми. Сам поэт говорил своим ученикам, что он стремится к стихам, «мелким, как река Сунагава». Именно в простоте образов кроется истинная красота, считает Басё:

Только дохнет ветерок —
С ветки на ветку ивы
Бабочка перепорхнет.
Перевод Веры Марковой

И. Свирин

Краб. Гравюра на дереве.
1833–1836 гг.

Мотылек. Раскрашенная гравюра
на дереве.
Художник Андо Хиросигэ. XIX в.

Вопросы и задания

1. Каким вы представляете себе Басё?
2. Какие чувства вызвал у вас образ жизни Басё и его отношение к творчеству?
3. Басё довольствовался малым. Докажите этот тезис фразами из статьи.
- 4*. Определите на основании статьи основные принципы написания хокку (хайку). Связаны ли они с дзен-буддизмом? Обоснуйте свой ответ.

ХОККУ (ХАЙКУ)

Хóкку (иначе — хайку), жанр и форма японской поэзии; трехстишие, состоящее из двух опоясывающих пятисложных стихов и одного семисложного посередине.

В своем становлении хокку прошел несколько этапов. Поэты Аракида Моритакэ (1465–1549) и Ямадзаки Сокана (1465–1553) видели в хокку чисто комический жанр. Заслуга превращения хокку в ведущий лирический жанр принадлежит Мацуо Басё, с его приходом в литературу основным содержанием хокку стала пейзажная лирика. С именем Танигути Бусона (1716–1783) связано расширение тематики хокку. Прочитайте размышления об особенностях этого жанра поэта и переводчика Владимира Соколова. «Хайку — это суета сует, ловля ветра и томление духа. Для понимания хайку необходимо представить печаль и грусть одиночества, немного налета старины, много подтекста, мало слов — всего пять слогов в первой строке, семь — во второй и пять — в третьей. Хайку состоит из трех строк, но включает в себя весь окружающий мир и требует взамен лишь немного фантазии, внутренней свободы и воображения. В Древней Японии хайку являлось простым народным стихотворением, как, скажем, в России — частушка. Но хайку только внешне проста и народна, как это стихотворение Мацуо Басё:

После хризантем,
Кроме редьки,
Ничего нет.

1691

Перевод Т.И. Бреславец

Поэт утверждает: внутренняя красота овоща может быть так же очевидна и прекрасна, как воспетые в японской лирике цветы хризантем. Но параллель частушки и хайку не заканчивается на народности происхождения, можно заметить и композиционную близость с японскими трехстишьями: каждая из стихотворных строк несет свою смысловую нагрузку: так, первая строка — *тэза*¹, вторая — *антитэза*², а третья — озарение, или *катарсис*³. На этом близость с частушками и заканчивается, поэтому хайку ни в коем случае нельзя перевести в частушечном рифмованном виде, это не только опустит высокую поэзию до плебейского восприятия, но и погубит все то, что отличает человеческую сущность от животного братства.

Иллюстрация из «Трактата о цветах».
Гравюра на дереве. XIX в.

¹ *Тэза* — положение, истинность которого должна быть доказана.

² *Антитэза* — противопоставление, противоположность.

³ *Катарсис* — нравственное очищение, испытываемое человеком в процессе сопереживания и сострадания.

Хайку — не стихи, а образ жизни, часть философского восприятия мира по дзен-буддизму, для полного погружения в который требуется осмысление таких категорий, как единение истинности и красоты, гибкости в соединении печали и сострадания, тонкости и хрупкости в стремлении постичь внутреннюю жизнь самых незначительных предметов, что соотносится с дзен-буддистским представлением о духовном слиянии человека с явлениями и вещами окружающего мира.

Необходимо понимание очарования простых вещей, сочетания легкости, простоты и прозрачности с глубиной мысли и чувств. И самое главное, ради чего собственно создается хайку, — это озарение или просветление, наступающее не только вследствие долгих и мучительных раздумий, но и вслед внутреннему освобождению, почти мгновенно, неожиданно, вдруг...

Я чуть доплелся
До горной ночлежки, как
Вдруг глицинный цвет.

1686

Мацуо Басё

Перевод В. Соколова

В хайку так сочетается простое и сложное, что разобраться может каждый, у кого возникнет желание погружаться в мир одиночества, грусти и счастья внутреннего прозрения, в мир наслаждений и открытий, мир, который вас окружает, но в который все же стоит внимательнее взглянуться».

Летние травы!
Вот они, воинов павших
Грёзы о славе¹.

¹ Здесь и далее: хокку даны в переводе В. Марковой. Данное стихотворение сочинено на развалинах крепости Такалэтэ, где погиб вместе со своими сторонниками в XII в. герой рыцарского эпоса Ёсицун Э.

О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит¹.

Конец осенним дням.
Уже разводит руки
Каштана скорлупа.

Кишат в морской траве
Прозрачные мальки... Поймаешь —
Растают без следа.

ЛОВЛЯ СВЕТЛЯЧКОВ НАД РЕКОЙ СЭТА²

Еще мелькают в глазах
Горные вишни... И чертят огнем
Вдоль них светлячки над рекой.

ВОЗЛЕ «КАМНЯ СМЕРТИ»

Ядом дышит скала.
Кругом трава покраснела.
Даже роса в огне³.

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок⁴.

¹ В стихотворении говорится о шлеме знаменитого воина XII в. Санэмори. Басё увидел этот шлем в одном из храмов во время своих скитаний.

² *Ловля светлячков над рекой* — одно из любимых летних увеселений в Японии.

³ В префектуре Тотиги есть скала, возле которой из земли выходит ядовитый газ, убивая птиц и насекомых. Согласно легенде, в эту скалу обратилась убитая лисица. Поблизости поставлен камень с высеченным на нем стихотворением; традиция приписывает его Басё: «Облака одни // Могут пролететь в небесной вышине // Над тобой, скала».

⁴ В Японии и Китае стрекозу насекомых (сверчков, цикад) держат в доме в маленьких клетках, как певчих птиц.

Чашка для чайной
церемонии. XVII в.

Павильон для чайной
церемонии. Около 1618 г.

Вопросы и задания

?

1. Что необходимо для понимания хокку?
2. Владимир Соколов утверждает, что хокку — это «не стихи, а образ жизни». Разверните эту мысль на примере жизни Басё.
3. Возьмите любое стихотворение Басё и определите в нем содержание тезы, антитезы и катарсиса.
4. Выучите наизусть несколько стихотворений Басё.

Живое слово

!

1. Попробуйте самостоятельно сочинить хокку.
2. Япония — страна с богатыми чайными традициями. Найдите о них материал и подготовьте сообщение.

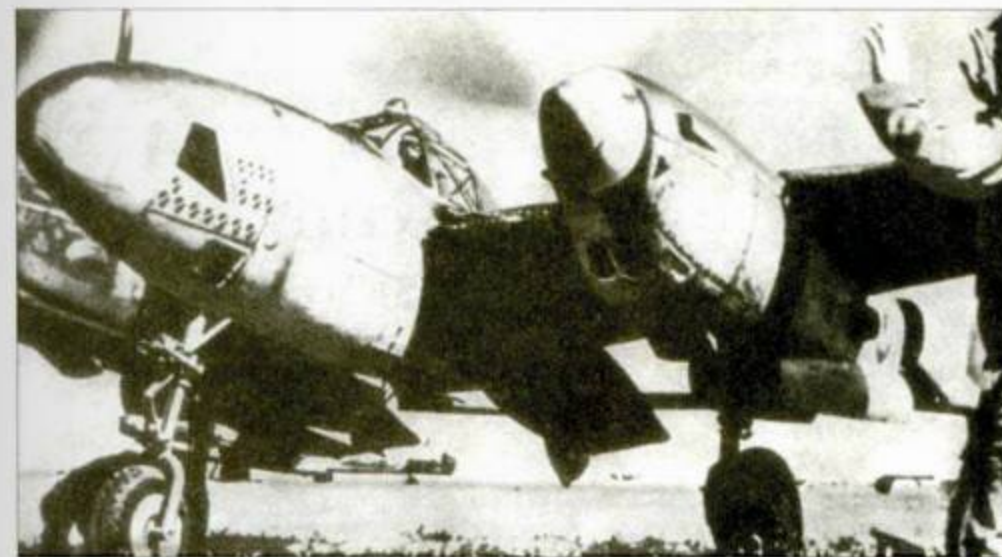
АНТУАН
де СЕНТ-
ЭКЗЮПЕРИ
1900—1944

Антуан Мари Роже де Сент-Экзюпери (таково его полное имя) вспоминает в «Письме к заложнику» удивительный эпизод, который произошел с ним во время гражданской войны в Испании. Он был задержан республиканским патрулем и едва не был расстрелян. Его конвоиры не знали французского языка, он — каталонского. Между ним и солдатами пролегла пропасть безнадежного непонимания. «Вот тут и произошло чудо...» Этим чудом была простая человеческая улыбка. Он попросил закурить «и при этом чуть заметно улыбнулся». Человек, секунду тому назад готовый нажать курок, «сначала выпрямился, медленно провел рукой по лбу, потом посмотрел уже не на мой галстук, а мне в лицо и, к моему величайшему изумлению, улыбнулся тоже. Это было как рассвет».

Герой одного из произведений Экзюпери восклицает: «Уважать Человека! Уважать Человека!» Экзюпери не просто уважал его. Он сделал все, чтобы человек сам научился ценить и уважать в себе Человека.

Техника и Слово — как два крыла, одновременно поддерживали его в удивительном полете, которым была жизнь этого человека. Но не техника ради техники и не литература ради литературы. И то и другое — ради Человека.

Он не сразу стал писателем. В 1919 г. Сент-Экзюпери поступил в военно-морское училище. И «срезался» на сочинении. Он не хотел фальшивить на экзамене, не хотел писать того, что не чувствовал по предложенной теме «Впечатления эльзасца, ко-

Возвращение А. де Сент-Экзюпери из полета.
Фотография. 1944 г.

торый вернулся в родную деревню, когда она снова стала французской». Сдал всего несколько строк. После поступил на архитектурное отделение Парижской академии искусств. Очень скоро понял: выбрал не то. Через пятнадцать месяцев ушел из академии и записался в полк истребительной авиации. Это стало первым настоящим его делом.

В 1926 г. Экзюпери опубликовал свой первый рассказ «Летчик». Так он нашел и второе свое дело.

Экзюпери погиб 31 июля 1944 г. Долгое время считалось, что он пропал без вести. Но в 2004 г. были обнаружены остатки его самолета. Вероятно, военный летчик был сбит в воздушном бою, но это навсегда останется лишь гипотезой.

«Люди всегда хотят, чтобы им говорили об их силе и красоте — не льстя им, бросая им в лицо суровую правду об их ошибках, слабостях, робости, но веря в них, веря, что от природы они здоровы и добры. Люди хотят еще и слышать о том, что человек всегда находит путь, ведущий к огню». Этот путь подсказали многим читателям книги писателя Экзюпери.

В России произведения Сент-Экзюпери получили всеобщее распространение и признание во многом благодаря переводчице Норе Галь.

I

ЛИНИЯ

Это было в 1926 году. Я поступил тогда пилотом на авиалинию компании «Латекоэр», которая, еще прежде чем «Аэропосталь» и «Эр-Франс», установила сообщение между Тулузой и Дакаром. Здесь я учился нашему ремеслу. Как и другие мои товарищи, я проходил стажировку, без которой новичку не доверят почту. Пробные вылеты, перегоны Тулуза — Перпиньян, нудные уроки метеорологии в ангаре, где зуб на зуб не попадал. Мы страшились еще неведомых нам гор Испании и с почтением смотрели на «стариков».

«Старики» мы встречали в ресторане — они были хмурые, даже, пожалуй, замкнутые, снисходительно оделяли нас советами. Бывало, кто-нибудь из них, возвратясь из Касабланки или Аликанте, приходил позже всех, в кожанке, еще мокрой от дождя, и кто-нибудь из нас робко спрашивал, как прошел рейс, — и за краткими, скупыми ответами нам виделся необычайный мир, где повсюду подстерегают ловушки и западни, где перед тобою внезапно вырастает отвесная скала или налетает вихрь, способный вырвать с корнями могучие кедры. Черные драконы преграждают вход в долины, горные хребты увенчаны снопами молний. «Старики» умело поддерживали в нас почтительный трепет. А потом кто-нибудь из них не возвращался, и живым оставалось вечно чтить его память.

Помню, как вернулся из одного такого рейса Бюри, старый пилот, разбившийся позднее в Корбьерах. Он подсел к нашему столу и медленно ел, не говоря ни слова; на плечи его все еще давила тяжесть непомерного напряжения. Это было под вечер, в один из тех мерзких дней, когда на всей трассе, из конца в конец, небо словно гнилое и пилоту кажется, что горные вершины перекатываются в грязи, — так

на старинных парусниках срывались с цепей пушки и бороздили палубу, грозя гибелью. Я долго смотрел на Бюри и наконец, сглотнув, осмелился спросить, тяжел ли был рейс. Бюри хмуро склонялся над тарелкой, он не слышал. В самолете с открытой кабиной пилот в непогоду высовывается из-за ветрового стекла, чтобы лучше видеть, и воздушный поток еще долго хлещет по лицу и свистит в ушах. Наконец Бюри словно бы очнулся и услышал меня, поднял голову — и рассмеялся. Это было чудесно — Бюри смеялся не часто, этот внезапный смех словно озарил его усталость. Он не стал толковать о своей победе и снова молча принялся за еду. Но во хмелю ресторана, среди мелких чиновников, которые утешались здесь после своих жалких будничных хлопот, в облике товарища, чьи плечи придавила усталость, мне вдруг открылось необыкновенное благородство: из грубой оболочки на миг просквозил ангел, победивший дракона.

Наконец, однажды вечером, вызвали и меня в кабинет начальника. Он сказал коротко:

— Завтра вы летите.

Я стоял и ждал, что сейчас он меня отпустит. Но он, помолчав, прибавил:

— Инструкции хорошо знаете?

В те времена моторы были ненадежны, не то что нынешние. Нередко ни с того ни с сего они нас подводили: внезапно оглушал грохот и звон, будто разбивалась вдребезги посуда, — и приходилось идти на посадку, а навстречу щерились колючие скалы Испании. «В этих местах, если мотору пришел конец, пиши пропало — конец и самолету!» — говорили мы. Но самолет можно и заменить. Самое главное — не врезаться в скалу. Поэтому нам, под страхом самого сурового взыскания, запрещалось идти над облаками, если внизу были горы. В случае аварии пилот, снижаясь, мог разбиться о какую-нибудь вершину, скрытую под белой ватой облаков.

Вот почему в тот вечер, на прощанье, медлительный голос еще раз настойчиво внушал мне:

— Конечно, это недурно — идти над Испанией по компасу, над морем облаков, это даже красиво, но...

И еще медлительнее, с расстановкой:

— ...но помните, под морем облаков — вечность...

И вот мирная, безмятежная гладь, которая открывается взору, когда выходишь из облаков, сразу предстала передо мной в новом свете. Это кроткое спокойствие — западня. Мне уже чудилась огромная белая западня, подстерегающая далеко внизу. Казалось бы, под нею кипит людская суета, шум, неугомонная жизнь городов, — но нет, там тишина еще более полная, чем наверху, покой нерушимый и вечный. Белое вязкое месиво становилось для меня границей, отделяющей бытие от небытия, известное от непостижимого. Теперь я догадывался, что смысл видимого мира постигаешь только через культуру, через знание и свое ремесло. Море облаков знакомо и жителям гор. Но они не видят в нем таинственной завесы.

Я вышел от начальника гордый, как мальчишка. С рассветом настанет мой черед, мне доверят пассажиров и африканскую почту. А вдруг я этого не стою? Готов ли я принять на себя такую ответственность? В Испании слишком мало посадочных площадок, — случись хоть небольшая поломка, найду ли я прибежище, сумею ли приземлиться? Я склонялся над картой, как над бесплодной пустыней, и не находил ответа. И вот в преддверии решительной битвы, одолеваемый гордостью и робостью, я пошел к Гийоме. Мой друг Гийоме уже знал эти трассы. Он изучил все хитрости и уловки. Он знает, как покорить Испанию. Пусть он посвятит и меня в свои секреты.

Гийоме встретил меня улыбкой.

— Я уже слышал новость. Ты доволен?

Он достал из стенного шкафа бутылку портвейна, стаканы и, не переставая улыбаться, подошел ко мне.

— Такое событие надо спрыснуть. Увидишь, все будет хорошо!

От него исходила уверенность, как от лампы — свет. Несколько лет спустя он, мой друг Гийоме, совершил рекордные перелеты с почтой над Кордильерами и Южной Атлантикой. А в тот вечер, сидя под лампой, освещавшей его рубашку, скрещенные руки и улыбку, от которой я сразу воспрянул духом, он сказал просто:

— Неприятности у тебя будут — гроза, туман, снег, без этого не обойтись. А ты рассуждай так: летали же другие, они через это прошли, значит, и я могу.

Я все-таки развернул свою карту и попросил его просмотреть со мною маршрут. Наклонился над освещенной картой, оперся на плечо друга — и вновь почувствовал себя спокойно и уверенно, как в школьные годы.

Станный то был урок географии! Гийоме не преподносил мне сведения об Испании, он дарил мне ее дружбу. Он не говорил о водных бассейнах, о численности населения и поголовье скота. Он говорил не о Гуадисе, но о трех апельсиновых деревьях, что растут на краю поля неподалеку от Гуадиса. «Берегись, отметь их на карте...» И с того часа три дерева занимали на моей карте больше места, чем Сьерра-Невада. Он говорил не о Лорке, но о маленькой ферме возле Лорки. О жизни этой фермы. О ее хозяине. И о хозяйке. И эта чета, затерявшаяся на земных просторах за тысячу с лишним километров от нас, безмерно вырастала в моих глазах. Их дом стоял на горном склоне, их окна светили издалика, словно звезды, — подобно смотрителям маяка, эти двое всегда готовы были помочь людям своим огнем.

Так мы извлекали из забвения, из невообразимой дали мельчайшие подробности, о которых понятия не имеет ни один географ. Ведь географов занимает только Эбро, чьи воды утоляют жажду больших городов. Но им нет дела до ручейка, что прячется в траве западнее Мотриля — кормилец и поилец трех десятков полевых цветов. «Берегись этого ручья, он портит поле... Нанеси его тоже на карту». О да, я буду помнить про мотрильскую змейку! Она выглядела так безобидно, своим негромким журчаньем она могла разве что убаюкать нескольких лягушек, но сама она спала вполглаза. Затаясь в траве за сотни и сотни километров отсюда, она подстерегала меня на краю спасительного поля. При первом удобном случае она бы меня превратила в сноп огня...

Готов я был и к встрече с драчливыми баранами, которые всегда пасутся вон там, на склоне холма, и, того гляди, бросятся на меня. «Посмотришь — на лугу пусто, и вдруг — бац! — прямо под колеса кидаются все тридцать баранов...» И я изумленно улыбался столь коварной угрозе.

Так понемногу Испания на моей карте, под лампой Гийоме, становилась какой-то сказочной страной. Я отмечал крестиками посадочные площадки и опасные ловушки. Отметил фермера на горе и ручеек на лугу. Старательно нанес на карту пастушку

с тридцатью баранами, совсем как в песенке, — пастушку, которой пренебрегают географы.

Потом я простился с Гийоме, и мне захотелось немного пройтись, подышать морозным вечерним воздухом. Подняв воротник, я шагал среди ничего не подозревающих прохожих, молодой и ретивый. Меня окружали незнакомые люди, и я гордился своей тайной. Они меня не знают, бедняги, а ведь на рассвете с грузом почты они доверят мне свои заботы и душевные порывы. В мои руки предадут свои надежды. И, уткнувшись в воротник, я ходил среди них как защитник и покровитель, а они ничего и ведать не ведали.

Им не были вняты и знаки, которые я ловил в ночи. Ведь если где-то зреет снежная буря, которая помешает мне в моем первом полете, от нее, возможно, зависит и моя жизнь. Одна за другой гаснут в небе звезды, но что до этого прохожим? Я один понимал, что это значит. Перед боем мне посылали весть о расположении врага...

А между тем эти сигналы, исполненные для меня такого значения, я получал возле ярко освещенных витрин, где сверкали рождественские подарки. Казалось, в ту ночь там были выставлены напоказ все земные блага, — и меня опьяняло горделивое сознание, что я от всего этого отказываюсь. Я воин, и мне грозит опасность, на что мне искристый хрусталь — украшение вечерних пиршеств, что мне абажуры и книги? Меня уже окутывали туманы, — рейсовый пилот, я уже вкусил от горького плода ночных полетов.

В три часа меня разбудили. Я распахнул окно, увидел, что на улице дождь, и сосредоточенно, истово оделся.

Полчаса спустя я уже сидел, оседлав чемоданчик, на блестящем мокром тротуаре и дожидался автобуса. Сколько товарищей до меня пережили в день посвящения такие же нескончаемые минуты, и у них вот так же сжималось сердце! Наконец он вывернулся из-за угла, этот допотопный дребезжащий тарантас, и вслед за товарищами настал мой черед по праву занять место на тесной скамье между невыспавшимся таможенником и двумя или тремя чиновниками. В автобусе пахло затхлой и пыльной канцелярией, старой конторой, где, как в болоте, увязает человеческая жизнь. Через каждые пятьсот

метров автобус останавливался и подбирал еще одного письмоводителя, еще одного таможенника или инспектора. Вновь прибывший здоровался, сонные пассажиры бормотали в ответ что-то невнятное, он с грехом пополам втискивался между ними и тоже засыпал. Точно в каком-то унылом обозе, трясло их на неровной тулузской мостовой, и поначалу рейсовый пилот был неотличим от всех этих канцеляристов... Но мимо плыли уличные фонари, приближался аэродром — и старый тряский автобус становился всего лишь серым коконом, из которого человек выйдет преображенным.

В жизни каждого товарища было такое утро, и он вот так же чувствовал, что в нем, в подчиненном, которого пока еще может безнаказанно шпынять всякий инспектор, рождается тот, кто скоро будет в ответе за испанскую и африканскую почту — тот, кто через три часа среди молний примет бой с драконом Оспиталета, а через четыре часа выйдет из этого боя победителем; и тогда он волен будет избрать любой путь — в обход, над морем, или на приступ, напрямик через Алкойский кряж, — он поспорит и с грозой, и с горами, и с океаном.

В жизни каждого товарища было такое утро, и он, затерянный в безликой и безымянной кучке людей под хмурым небом зимней Тулузы, вот так же чувствовал, как растет в нем властелин, который через пять часов оставит позади зиму и север, дожди и снега и, уменьшив число оборотов, неторопливо спустится в лето, в залитый ослепительным солнцем Аликанте.

Старого автобуса давно уже нет, но он и сейчас жив в моей памяти, жесткий, холодный и неудобный. Он был точно символ непрременной подготовки к суровым радостям нашего ремесла. Все здесь было проникнуто строгой сдержанностью. Помню, три года спустя в этом же автобусе (не было сказано и десятка слов) я узнал о гибели Лекривэна, одного из многих наших товарищей, туманным днем или туманной ночью ушедших в отставку навеки.

Была такая же рань — три часа ночи, и такая же сонная тишина, как вдруг наш начальник, неразличимый в полутьме, окликнул инспектора:

- Лекривэн не приземлился ночью в Касабланке.
- А? — отозвался инспектор.

Неожиданно вырванный из сна, он с усилием встряхнулся, стараясь показать свой ревностный интерес к службе.

— А, что? Ему не удалось пройти? Повернул назад?

Из глубины автобуса ответили только:

— Нет.

Мы ждали, но не слышали больше ни слова. Тяжело падали секунды, и понемногу стало ясно, что после этого «нет» ничего больше и не будет сказано, что это «нет» — жестокий и окончательный приговор: Лекривэн не только не приземлился в Касабланке — он уже никогда и нигде не приземлится.

Так в то утро, на заре моего первого почтового рейса, и я, как все мои товарищи по ремеслу, покорялся незыблемому порядку, и смотрел в окно на блестящий под дождем асфальт, в котором отражались огни фонарей, и чувствовал, что не слишком уверен в себе. От ветра по лужам пробегала рябь, похожая на пальмовые ветви. «Да... не очень-то мне везет для первого рейса...» — подумал я. И сказал инспектору:

— Погода как будто неважная?

Инспектор устало покосился на окно.

— Это еще ничего не значит, — проворчал он, помедлив.

Как же тогда разобрать, плохая погода или хорошая? Накануне вечером Гийоме одной своей улыбкой уничтожил все недобрые пророчества, которыми угнетали нас «старики», но тут они опять пришли мне на память: «Если пилот не изучил всю трассу назубок да попадет в снежную бурю... одно могу сказать, жаль мне его, беднягу!...» Надо же им было поддержать свой авторитет, вот они и качали головой, и мы смущенно поеживались под их соболезнающими взглядами, чувствуя себя жалкими простачками.

И в самом деле, для многих из нас этот автобус оказался последним прибежищем. Сколько их было — шестьдесят? Восемьдесят? Всех ненастным утром вез тот же молчаливый шофер. Я огляделся: в темноте светились огненные точки, каждая то разгоралась, то меркла в такт раздумьям курильщика. Убогие раздумья стареющих чиновников... Скольким из нас эти спутники заменили погребальный кортеж?

Я прислушивался к разговорам вполголоса. Говорили о болезнях, о деньгах, поверяли друг другу скучные домашние заботы. За всем этим вставали стены унылой тюрьмы, куда заточили себя эти люди. И вдруг я увидел лик судьбы.

Старый чиновник, сосед мой по автобусу, никто никогда не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты — человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то.

Я уже не в обиде на дождь, что хлещет в окна. Колдовская сила моего ремесла открывает предо мною иной мир: через каких-нибудь два часа я буду сражаться с черными драконами и с горными хребтами, увенчанными гривой синих молний, — и с наступлением ночи, вырвавшись на свободу, проложу свой путь по звездам.

Так совершалось наше боевое крещение, и мы начинали работать на линии. Чаще всего рейсы проходили гладко. Невозмутимо, как опытные водолазы, погружались мы в глубь наших владений. Сегодня они перестали быть неизведанной стихией. Летчик, бортмеханик и радист уже не пускаются в путь наудачу, самолет для них — лаборатория. Они повинуются не скользящему под крылом ландшафту, а дрожи стрелок. За стенками кабины тонут во мраке горы, — но это уже не горы, это незримые силы, чье приближение надо рассчитать. Радист при свете лампы старательно записывает цифры, механик делает пометки на карте, — и если горы снесло в сторону, если вершины, которые пилот намеревался обойти слева, безмолвно развернулись прямо перед ним, точно вражеская армия в засаде, он попросту выправляет курс.

И на земле дежурные радисты, прислушиваясь к голосу товарища, все разом старательно записывают: «0 часов 40 минут. Курс 230. На борту все благополучно».

Так странствует в наши дни экипаж воздушного корабля. Он и не замечает, что движется. Словно ночью в море, он далек от каких-либо ориентиров. Но моторы заполняют все непрерывной дрожью, и от этого кабина уже не просто освещенная комнатка. И время идет. И за всеми этими циферблатами, радиолампами, стрелками действует некая незримая алхимия. Секунда за секундой таинственные жесты, приглушенные слова, сосредоточенное внимание готовят чудо. И в урочный час пилот может уверенно выглянуть наружу. Из небытия рождается золото, оно сверкает посадочными огнями.

И все же с каждым из нас случалось так: в рейсе, в двух часах от аэродрома задумаешься и вдруг ощутишь такое одиночество, такую оторванность от всего на свете, каких не испытал бы и в самом сердце Индии, — и кажется, уже не будет возврата.

Так было с Мермозом, когда он впервые пересек на гидроплане Южную Атлантику и под вечер приблизился к Пот-о-Нуар. С каждой минутой перед ним все теснее сходились хвосты ураганов, — словно на глазах воздвигали стену, — потом опустилась ночь и скрыла эти приготовления. А часом позже он вывернулся из-под облаков и очутился в заколдованном царстве.

Перед ним вздымались смерчи, они казались неподвижными — черные колонны невиданного храма. Вверху они расширялись, поддерживая низкий, мрачный свод бури, но через проломы в своде падали широкие полосы света, и полная луна сияла меж колонн, отражаясь в холодных плитах вод. И Мермоз пробирался через эти руины, куда не вступала больше ни одна душа, скользил по лунным протокам, среди бакенов света, метивших извилистый фарватер, огибал гигантские гремучие колонны вставшего дыбом океана, — четыре часа шел он к выходу из храма. Это грозное величие ошеломяло, и, лишь когда Пот-о-Нуар остался позади, Мермоз вдруг понял, что даже не успел испугаться.

Мне тоже помнятся такие часы, когда покидаешь пределы реального мира: в ту ночь все радиопеленги, посланные с аэродромов Сахары, невероятно искажались и совсем сбили меня и моего радиста Нери с толку. Неожиданно сквозь просвет в тумане под нами блеснула вода, и я круто повернул к берегу, но невозможно было понять, далеко ли мы ушли над морем.

Как знать, доберемся ли мы теперь до берега? Может не хватить горючего. И даже если доберемся, надо еще найти посадочную площадку. А меж тем луна уже заходила. Все трудней

становилось производить измерения сноса — и мы, уже оглохшие, постепенно слепли. Луна угасала в тумане, словно тлеющий уголь в сугробе. Небо над нами тоже затягивалось облачной пеленой, и мы плыли между облаками и туманом, в тусклой мертвой пустоте.

Аэродромы, которые откликались на наш зов, не могли определить, где мы находимся. «Пеленг дать не можем... Пеленг дать не можем...» — повторяли они, потому что наш голос доносился до них отовсюду и ниоткуда.

И вдруг, когда мы уже отчаялись, впереди слева на горизонте сверкнула огненная точка. Я неистово обрадовался. Нери наклонился ко мне, и я услышал — он поет! Конечно же это аэродром, конечно же маяк! Ведь больше здесь нечему светить — по ночам вся огромная Сахара погружается во тьму, вся она словно вымирает. Но огонек померцал немного и угас. То была заходящая звезда, всего на несколько минут проглянула она над горизонтом, между облаками и пеленой тумана, и на нее-то мы взяли курс...

А потом перед нами вставали еще и еще огни, и мы со смутной надеждой брали курс на каждый новый огонек. И если он не угасал сразу, мы подвергали его испытанию.

— Видим огонь, — передавал Нери аэродрому в Сиснеросе. — Трижды погасите и зажгите маяк.

Сиснерос гасил и вновь зажигал свой маяк, но не мигал жестокий свет, за которым мы жадно следили, — неподкупная звезда.

И хоть горючее все убывало, мы каждый раз попадались на золотой крючок: уж теперь-то впереди настоящий маяк! Уж теперь-то это аэродром — и жизнь!.. И опять мы меняли звезду.

Вот тогда мы почувствовали, что заблудились в пространстве, среди сотен недостижимых планет, и кто знает, как отыскать ту настоящую, ту единственную нашу планету, на которой остались знакомые поля и леса, и любимый дом, и все, кто нам дорог...

Единственная планета... Я вам расскажу, какая мне тогда привиделась картина, хотя, быть может, вы сочтете это ребячеством. Но ведь и в минуту опасности остаешься человеком со всеми человеческими заботами, и я был голоден и хотел пить. Если только доберемся до Сиснероса, думал я, там напомним баки горючим и снова в путь, и вот рано поутру мы в Касабланке. Дело сделано! Мы с Нери отправимся в город. Иные

маленькие быстро на рассвете уже открыты... Мы усядемся за столик, нам подадут свежие рогалики и кофе с молоком, и мы посмеемся над опасностями минувшей ночи. Мы с Нери примем утренние дары жизни. Так старой крестьянке трудно было бы ощутить Бога, не будь у нее яркого образа, наивной ладанки, четок: чтобы мы услышали, с нами надо говорить простым и понятным языком. Так радость жизни воплотилась для меня в первом глотке ароматного обжигающего напитка, в смеси кофе, молока и пшеницы — в этих узах, что соединяют нас с мирными пастбищами, с экзотическими плантациями и зрелыми нивами, со всей Землей. Среди великого множества звезд лишь одна наполнила этим душистым напитком чашу нашей утренней трапезы, чтобы стать нам ближе и понятнее.

Но между нашим воздушным кораблем и той обитаемой планетой ширились неодолимые расстояния. Все богатства мира остались на крохотной песчинке, затерявшейся меж созвездий. И звездочет Нери, пытаясь ее распознать, все еще напрасно заклинал светила.

Вдруг он стукнул меня по плечу. За туманом последовала записка. Я прочел: «Все хорошо, принимаю превосходное сообщение». С бьющимся сердцем я ждал, пока он допишет те несколько слов, которые нас спасут. И вот наконец этот дар небес у меня в руках.

К нам обращалась Касабланка, откуда мы вылетели накануне вечером. Послание задержалось в пути и неожиданно настигло нас за две тысячи километров, когда мы плутали где-то над морем, между облаками и туманом. Исходило оно от государственного контролера аэропорта в Касабланке. В радиограмме говорилось: «Господин де Сент-Экзюпери, я вынужден просить Париж наложить на вас взыскание: при вылете из Касабланки вы развернулись слишком близко к ангарам». Да, правда, я развернулся слишком близко к ангарам. Правда и то, что этот человек отчитывал меня просто по долгу службы. И в конторе аэропорта я смиренно выслушал бы выговор. Но там, где он настиг нас, он был неуместен. Дико прозвучал он среди этих редких звезд, в густом тумане, над морем, которое дышало угрозой. Нам вручена была судьба почты и самолета, и наша собственная судьба; нелегкая была задача — остаться в живых, а тут человек срывал на нас свою мелочную злость. Но мы с Нери ничуть не возмутились —

напротив, вдруг повеселели и даже возликовали. Он помог нам сделать открытие: здесь мы сами себе хозяева! Итак, этот капрал не заметил по нашим нашивкам, что нас произвели в капитаны? Он прервал наши думы на полпути от Большой Медведицы к созвездию Стрельца, и стоило ли волноваться по мелочам, когда встревожить нас могло разве что предательство луны...

Долг планеты, с которой подал голос этот человек, прямой и единственный ее долг был — сообщить нам точные данные, чтобы мы могли рассчитать свой путь среди светил. И данные эти оказались неверны. А обо всем прочем ей бы пока помолчать. И Нери пишет мне: «Чем валять дурака, лучше бы они нас куда-нибудь привели...» Они — это означало: все население земного шара, все народы с их парламентами и сенатами, с армиями, флотами и императорами. И, перечитывая послание глупца, вздумавшего сводить с нами счеты, мы повернули на Меркурий.

Спасла нас поразительная случайность. Уже не надеясь добраться до Сиснероса, я повернул под прямым углом к берегу и решил держаться этого курса, пока не иссякнет горючее. Тогда, быть может, мы и не упадем в море. На беду, мнимые маяки завлекли меня Бог весть куда. И, на беду, в лучшем случае нам предстоит среди ночи нырнуть в густой туман, так что, скорее всего, мы разобьемся при посадке. Но у меня не оставалось выбора.

Все было ясно, и я только невесело пожал плечами, когда Нери сообщил мне новость, которая часом раньше могла нас спасти: «Сиснерос пробует определить, где мы. Сиснерос передает: предположительно двести шестнадцать...» Сиснерос уже не молчал, зарывшись в темноту. Сиснерос пробуждался, мы чувствовали, что он где-то слева. Но далеко ли до него? Мы с Нери наспех посоветовались. Слишком поздно. Мы оба это понимали. Погонишься за Сиснеросом — и, пожалуй, вовсе до берега не дотянешь. И Нери радировал в ответ: «Горючего осталось на час, продолжаем курс девяносто три».

Между тем один за другим просыпались аэродромы. В наш разговор вступали новые голоса — Агадир, Касабланка, Дакар. И в каждом городе поднималась тревога: радиостанция вызывала начальника аэропорта, тот — наших товарищей. Понемногу все они собрались вокруг нас, словно у постели больного. Бесплодное сочувствие, но все же сочувствие. Напрасные советы, но сколько в них нежности!

И вдруг издалека, за четыре тысячи километров, подала голос Тулуза, головной аэродром. Тулуза ворвалась к нам и без предисловий спросила: «Индекс вашего самолета F...?» (Сейчас я уже не помню номер.) — «Да». — «Тогда в вашем распоряжении горючего еще на два часа. У вашей машины нестандартный бак. Курс на Сиснерос».

Так требования ремесла преображают и обогащают мир. Но, для того чтобы в привычных картинах летчику открылся новый смысл, ему вовсе не обязательно пережить подобную ночь. Однообразный вид за окном утомляет пассажира, но экипаж смотрит другими глазами. Вон та гряда облаков, встающая на горизонте, для летчика не декорация: она бросит вызов его мускулам и задаст нелегкие задачи. И он уже принимает ее в расчет, измеряет и оценивает, они говорят на одном языке. А вот высится гора, до нее еще далеко, — чем она его встретит? При свете луны она послужит неплохим ориентиром. Но если летишь вслепую, и, уклоняясь в сторону, с трудом исправляешь курс, и не знаешь точно, где находишься, тогда эта горная вершина обернется взрывчаткой, наполнит угрозой всю ночь, как одна-единственная мина — игрушка подводных течений — отравляет все море.

Иным видится пилоту и океан. Для пассажиров буря остается невидимкой: с высоты незаметно, как вздымаются валы, и залпы водяных брызг кажутся неподвижными. Лишь белеют внизу широко распластанные пальмовые ветви, зубчатые, расщеченные прожилками и словно заиндевевшие. Но пилот понимает, что здесь на воду не сядешь. Эти пальмы для него — как огромные ядовитые цветы.

И даже если рейс выдался удачный, на своем отрезке трассы пилот не просто зритель. Он не восхищается красками земли и неба, следами ветра на море, позолотой закатных облаков, — он их обдумывает. Точно крестьянин, который, обходя свое поле, по тысяче примет узнает, ждать ли ранней весны, не грянут ли заморозки, будет ли дождь, и пилот тоже предвидит по приметам близкий снегопад, туман или ясную, погожую ночь. Поначалу казалось — полет отдаляет человека от природы, — но нет, еще повелительней становятся ее законы. Грозное небо вызывает пилота на суд стихий — и, одинокий, он отстаивает свой груз в споре с тремя изначальными божествами: с горами, морем и бурей.

1939

Перевод Н. Галь

Антуан де Сент-Экзюпери

О «ПЛАНЕТЕ ЛЮДЕЙ»

В 1938 г. Сент-Экзюпери предпринял перелет Нью-Йорк — Огненная Земля, во время которого потерпел аварию в Гватемале. Находясь на лечении в Нью-Йорке, он пишет «Планету людей», над которой продолжает работать по возвращении во Францию. В начале 1939 г. книга выходит в издательстве Галлимаара. В том же году Французская академия присуждает книге Большую премию романа.

«Планета людей» имела огромный успех у современников. Этот успех был не столько литературным, сколько человеческим успехом личности Сент-Экзюпери, который определенно и ярко выразил жизненные устремления людей перед нависшей над миром угрозой нацизма.

Сам Сент-Экзюпери в одном из писем так определил цель своей книги: «Я писал «Планету людей» со страстью, чтобы сказать моему поколению: вы — обитатели одной планеты, пассажиры одного корабля!»

Р. Грачев

Вопросы и задания

1. Какие мысли писателя в «Планете людей» показались вам существенными, важными? Почему?
2. Каким предстает перед нами рассказчик в ходе повествования? Можно ли считать «Планету людей» автобиографическим произведением?
3. В какие жизненные ситуации попадают герои? Как они преодолевают трудности?
- 4*. Определите жанр «Планеты людей». Свой ответ аргументируйте.

Живое слово

Экзюпери пишет:

«Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги. Ибо земля нам сопротивляется. Человек познает себя в борьбе с препятствиями. Но для этой борьбы ему нужны орудия. Нужен рубанок или плуг. Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку ее тайн и добывает всеобщую истину. Так и самолет — орудие, которое прокладывает воздушные пути, — приобщает человека к вечным вопросам».

Выделено несколько тезисов. По каждому из них составьте небольшое сочинение-рассуждение. Примеры можете подыскать и вокруг себя, и взять из глав «Планеты людей».

Советуем прочитать

Галанов Б.Е. Мальчик с астероида // Платье для Алисы: Художник и писатель: Диалоги. — М., 1990.

Кейт К. Антуан де Сент-Экзюпери: Небесная птица с земной судьбой / Пер. с англ. Н.Стиховой; Пер. стихов Е. Крюковой. — М., 2003.

Шифф С. Сент-Экзюпери: Биография / Пер. с англ. Т. Новиковой. — М., 2003.

Для вас, любознательные

Большая часть поэтических текстов в учебнике дана в переводах Самуила Яковлевича Маршака. С.Я. Маршак — не только замечательный детский писатель, на книгах которого выросли многие поколения читателей, он десятилетиями занимался переводами: переводил из английской и шотландской народной поэзии, стихи Уильяма Шекспира и Роберта Бёрнса, Шандора Петёфи и Роберта Стивенсона, Генриха Гейне и Джанни Родари, Ованеса Туманяна, Дмитрия Гуля и многих других поэтов.

Прочитайте отрывки из статьи С.Я. Маршака «Искусство поэтического перевода». Обратите внимание, как характеризуется художественный перевод и какие требования к нему предъявляет взыскательный художник.

ИСКУССТВО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (Отрывки)

«Перевод, переводить, переводчик» — как мало, в сущности, соответствуют эти общепринятые, узаконенные обычаи слова тому содержанию, которое мы вкладываем в понятие художественного, поэтического перевода.

Мы переводим стрелки часов, переводим поезд с одного пути на другой, переводим по почте или по телеграфу деньги.

В слове «перевод» мы ощущаем нечто техническое, а не творческое. Пожалуй, оно вполне оправдывает себя в тех случаях, когда относится к переводу документа, письма или устной речи с одного языка на другой.

Иное дело — художественный перевод, немислимый без затраты душевных сил, без воображения, интуиции — словом, без всего того, что необходимо для творчества...

Но дело не в терминах. Пусть это искусство называется каким угодно словом, лишь бы только и переводчики, и читатели представляли себе с достаточной ясностью всю сложность и трудность мастерства, которое призвано воспроизводить на другом языке сокровенные мысли, образы, тончайшие оттенки чувств, уже нашедшие свое предельно точное выражение в языке подлинника.

Мы знаем, что даже замена одного слова другим в стихах или в художественной прозе весьма существенна. В переводе же не одно, а все слова заменяются другими, да еще принадлежащими иной языковой системе, которая отличается своей особой структурой речи, своими бесчисленными причудами и прихотями...

Надо так глубоко чувствовать природу родного языка, чтобы не поддаться чужому, не попасть к нему в рабство. И в то же время русский перевод с французского языка должен заметно отличаться стилем и колоритом от русского перевода с английского, эстонского или китайского.

При переводе стихов надо знать, чем жертвовать, если слова чужого языка окажутся короче слов своего.

Иначе приходится сжимать и калечить фразу...

Высокая традиция русского переводного искусства всегда была чужда сухого и педантичного буквализма.

Любопытно, что впервые предостерег российских переводчиков от стремления к рабской точности Петр Первый. В своем указе Никите Зотову о том, каких ошибок следует избегать при переводе иностранных книг, он говорит: «...не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, сенс выразумев, на своем языке так писать, как внятнее может быть».

В этом указе, подписанном в г. Воронеже, в 25-й день февраля 1709 г., с необыкновенной простотой, суровостью и лаконизмом выражено основное правило переводческой работы: выразумев сенс — смысл, суть, — писать на своем языке как можно понятнее.

...Настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистической, но она не пережита ее автором.

Чем глубже и пристальнее вникает художник в сущность изображаемого, тем свободнее его мастерство, тем точнее изображение. Точность получается не в результате слепого, механического воспроизведения оригинала. Поэтическая точность дается только смелому воображению, основанному на глубоком и пристальном знании предмета.

С.Я. Маршак

Вопросы и задания

?

1. Почему перевод «немислим без затраты душевных сил, без воображения, интуиции...»?
2. Почему при переводе с одного языка на другой нужно обязательно чем-то «жертвовать»? Чем нужно «жертвовать», по мнению С.Я. Маршака?
3. Другой поэт и переводчик Иннокентий Федорович Анненский считал, что перевод с другого языка позволяет лучше понять своеобразие и красоту языка родного. Как вы думаете, почему? Найдите в статье С.Я. Маршака близкую к позиции И.Ф. Анненского мысль.
4. В чем смысл сравнения искусства переводчика с искусством художника-портретиста, а не с работой фотографа?
- 5*. Найдите и сравните разные варианты перевода одного из сонетов Шекспира. В чем их сходство и различие?

**ЯНКА
КУПАЛА**
1882—1942

Янка Купала — псевдоним выдающегося белорусского поэта Ивана Доминиковича Луцевича. Он родился в семье мелко-го шляхтича, занимавшегося крестьянским трудом на арендованной у помещика земле.

Детство Яся (так первенца звали домашние) прошло «на колесах». Учиться Купала начал на польском языке, русскому языку его обучила няня. Впоследствии свое образование продолжил в сельском народном училище и частной школе в Минске.

Юный Купала решает искать дорогу в жизни самостоятельно. На этой почве возникает конфликт с матерью, не одобрявшей его исканий. В двадцать два года он уходит из родительского дома. Работает переписчиком бумаг у следователя, чернорабочим, помощником винокура, библиотекарем. С 1911 по 1915 г. редактирует газету «Наша нива» в Вильно.

С 1909 по 1913 г. Купала живет в Петербурге, где посещает Черняевские общеобразовательные курсы.

В августе 1915 г., перед самой кайзеровской оккупацией¹, он уезжает из Вильно, какое-то время живет в Орле, затем надолго останавливается в Москве, где женится на Владиславе Францевне Станкевич. В Москве он становится слушателем народного университета А.Л. Шанявского. Из Москвы его призывают в армию. Молодая жена делит с мужем тяго-

¹ Имеются в виду события Первой мировой войны: оккупация Беларуси войсками Германии летом и осенью 1915 г.

ты военной службы в дорожно-строительном отряде Варшавского округа путей сообщения, переезжая вместе с ним из Москвы в Минск, из Минска в Полоцк, из Полоцка в Смоленск.

Жизненные наблюдения, встречи, раздумья о судьбах белорусского народа в полной мере отражаются в его поэзии этих лет. Одно из первых стихотворений Я. Купалы «Мужик», написанное в 1905 г., определило главную тему его творчества: судьба Беларуси и белорусского народа. В период между 1905 и 1907 гг. Купала написал одно из самых пронзительных стихотворений о белорусах «А хто там ідзе...». В 1910 г. оно было положено на музыку композитором Л.М. Роговским.

На стихи Я. Купалы обратил внимание М. Горький. В 1910 г. он писал М.М. Коцюбинскому: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янка Купала — очень интересные ребята! Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств.

Янка Купала и Максим Горький.
Скульптор А.К. Глебов. 1948 г.

О, господи! Вот бы хорошо-то было!
В книжку мою вложен листок — песня и ноты, нечто вроде
белорусского гимна, должно быть.
Меня эта вещь взволновала. Угрюмо.

А кто это их не один миллион
Научил кривду несть, разбудил их сон?
Беда, горе.

Славяне!
Помните — великорусскую песню:
Мы не сами-то идем, —
Нас нужда ведет, нужда горькая!»

В 1911 г. Горький переводит стихотворение «А хто там ідзе...» на русский язык.

Образ родины, нелегкая доля белорусского мужика определили тематику первых стихотворных сборников поэта: «Жа-лейка» (1908), «Гусяр» (1910), «Путем жизни» (1913).

С 1910 по 1917 г. Я. Купалой написано несколько поэм, ставших классикой белорусской литературы: «Курган», «Бондаровна», «Могила льва», «Она и я».

С конца 1917 до начала 1919 г. Я. Купала живет и работает в Смоленске, где служит агентом по снабжению в губпродкоме. Здесь он создает ряд стихотворений, которые отражают его восприятие событий, произошедших с ноября 1917 г. — революции и начавшейся Гражданской войны.

В 1919 г. Купала переезжает в Минск. В 1925 г. в связи с 20-летним юбилеем литературно-художественного творчества правительство БССР присвоило Купале звание народного поэта. Он был избран академиком Белорусской и Украинской академий наук.

Помимо лирических стихотворений и поэм («Над рекой Оресой», «Борисов», «Тарасова доля»), Я. Купала пишет пьесы, которые с успехом идут на сценах белорусских театров: «Павлинка», «Примаки», «Разоренное гнездо».

С особой силой зазвучал его поэтический голос в годы Великой Отечественной войны в стихотворениях: «Белорусским партизанам», «Хищник» и других.

В 1942 г. поэт трагически погиб в Москве.

Янка Купала.
Художник Ю. Романовский. 1963 г.

Вопросы и задания

1. Перечислите основные вехи биографии Янки Купалы.
2. В чем жизненный путь поэта схож с биографиями других известных вам писателей? Каких именно?

Живое слово

Подготовьте сообщение на одну из предложенных тем:

1. Образ Янки Купалы в творчестве художников.
2. Произведения Янки Купалы в музыке.

МУЖИК

Что я мужик, то всем известно,
И целый свет как есть, велик,
Мной помыкает повсеместно, —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Читать, писать я не умею,
Не ходит гладко мой язык,
Ведь только знай пашу и сею,
Ведь я мужик, дурной мужик.

Трудом свой хлеб я добываю,
Сношу я брань, сношу я крик,
А праздник изредка лишь знаю
Ведь я мужик, дурной мужик.

Сидят детишки век без хлеба,
Изодран жонкин черевик,
И ни гроша — проси хоть небо! —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Мне горьким потом застит очи,
Будь я малец, будь я старик, —
Ломлю, как будто вол рабочий,
Ведь я мужик, дурной мужик.

Как мучит хворь — куда податься? —
Я знахарь сам, я сам привык
Без докторов перемогаться, —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Мне голяком придется сгннуть,
Пропасть, как в чаще лесовик,
И, как собаке, свет покинуть,
Ведь я мужик, дурной мужик.

А все ж — хоть сколько жить не буду,
Как мой тут век ни будь велик,
Того я, братцы, не забуду,
Что человек я, хоть мужик.

И всяк, кто спросит — пусть уж знает, —
Единственный услышит крик,
Что, хоть мной каждый помыкает, —
Я буду жить! Ведь я мужик!

1905

Перевод Н. Кислика

А КТО ТАМ ИДЕТ?

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой? —
Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.

А кто же это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —
Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим? —
Людьми зваться.

Между 1905 и 1907

Перевод М. Горького

«А хто там ідзе?». Художник В.П. Шарангович. 1975 г.

АЛЕСЯ

На заре куковала
Кукушка в Полесье.
Мать ласкала-качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели.
Напевала родная
У родной колыбели:

— Спи-засни, мой цветочек,
Пташки все позаснули,
Спи, веселый звоночек,
Люли, люленьки, люли!

Спи-расти без тревоги,
Спи — накапливай силы.
На свои встанешь ноги,
Будешь девкой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть-наматывать нитки,
Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки.

На заре куковала
Кукушка в Полесье,
Мать заранее не знала,
Что станет с Алесей.

Это былъ или нѣбылъ? —
Дочка силы набралась,
Прямо в синее небо
Полетела-помчалась.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой,
По счастливой краине,
Над родимой хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы —
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день — в поднебесье
Смотрит мать из оконца:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца?

На заре куковала
Кукушка над нивой...
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

1935

Перевод М. Исаковского

Вопросы и задания

1. Найдите в переводах белорусские слова. Как вы думаете, почему переводчики не отказались от них?
2. Сравните настроения, переданные поэтом в стихотворениях «Мужик» и «Алеся». Какие чувства вызвали у вас эти произведения?
- 3*. Найдите перевод на русский язык стихотворения «Кто там идет?», выполненный М. Исаковским. Сопоставьте его с переводом М. Горького.
4. Какая строфа из стихотворения «А кто там идет?» наиболее соответствует иллюстрации художника В.П. Шаранговича? Почему?

Советуем прочитать

Рыленков Н. Песня Купалы // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. — М.: Современник, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ

М.В. Ломоносов. Из оды «На день восшествия на всероссийский престол...»

Г.Р. Державин. Отрывок из любого стихотворения.

А.С. Пушкин. 1–2 стихотворения (на выбор).

М.Ю. Лермонтов. Родина.

Н.А. Некрасов. Размышления у парадного подъезда (отрывок).

А.А. Фет. Стихотворение (на выбор).

С.А. Есенин. Стихотворение (на выбор).

Н.А. Заболоцкий. «Не позволяй душе лениться...»

А.Т. Твардовский. «На дне моей жизни...»

У. Шекспир. Один сонет (на выбор).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

Из устного народного творчества

Былины «Святогор и Илья Муромец», «Рождение богатыря».

Из древнерусской литературы

Повесть временных лет (Единоборство Мстислава с Редедю); Житие Сергия Радонежского.

Из русской литературы XVIII века

Г.Р. Державин. Признание.

Из русской литературы XIX века

А.С. Пушкин. 19 октября 1827 г. («Бог помочь вам, друзья мои...»).

М.Ю. Лермонтов. «Прощай, немытая Россия...», Панорама Москвы.

Н.В. Гоголь. Портрет, Коляска (одна из повестей по выбору).

И.С. Тургенев. Первая любовь, Записки охотника (1–2 рассказа из сборника).

Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы (1–2 очерка).

М.Е. Салтыков-Щедрин. Премудрый пискарь, Коняга.

А.П. Чехов. Злоумышленник, Налим.

В.Г. Короленко. Парадокс, Слепой музыкант.

Из русской литературы XX века

М. Горький. В людях.

И.А. Бунин. Цифры.

В.В. Маяковский. Адище города.

Б.Л. Васильев. «Вам привет от бабы Леры...».

В.П. Астафьев. Родные березы, Весенний остров.

А.Т. Твардовский. Дом у дороги.

В.А. Солоухин. Ножичек с костяной ручкой.

В.М. Шукшин. Забуксовал.

Кир Булычев. Белое платье Золушки.

Из зарубежной литературы

Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автобиографическое произведение — художественное произведение, главным образом основанное на событиях и фактах из жизни автора.

Аллегория — иносказание.

Аллитерация — повторение в художественном тексте, чаще поэтическом, согласных, создающих звуковой образ, усиливающих выразительность поэтической речи.

Аннотация — краткое изложение содержания книги, рукописи, статьи.

Антитеза — в художественной литературе и ораторской речи стилистическая фигура: сопоставление резко контрастных, противоположных понятий или образов для усиления впечатления.

Аргумент — основание, довод, приводимый для доказательства чего-либо.

Архаизм — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Ассонанс — повторение в тексте одинаковых или похожих гласных, которое служит для создания звукового образа, усиливает выразительность поэтической речи.

Афоризм — мысль, выраженная в краткой, отточенной форме и имеющая характер самостоятельного изречения.

Баллада — лироэпическое произведение с фантастическим, сказочным или историческим сюжетом, содержащее основные фабульные элементы.

Былина — эпическое произведение русского фольклора; название русских эпических песен.

Возрождение — период в культурном и идеологическом развитии Западной и Центральной Европы (XV–XVI вв.; в Италии — XIV в.), противопоставлявшийся Средним векам и ориентированный на развитие искусства, культуры с позиций гуманизма.

Вульгаризация — представление чего-либо в грубом, упрощенном, искаженном виде.

Герой (литературный) — основное действующее лицо литературного произведения.

Гипербола — стилистическая фигура, образное выражение, преувеличивающее какое-либо действие, предмет, явление.

Града́ция — фигура в виде синтаксической конструкции, внутри которой однородные выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.п.) располагаются в порядке усиления или ослабления признака.

Гротёск — художественный прием в литературе и искусстве, основанный на чрезмерном преувеличении, сочетании неожиданных и резких контрастов, а также произведение литературы или искусства, использующее этот прием.

Деталь художественная — выразительная подробность произведения. В.И. Даль считал, что деталь — важная часть или подробность в отделке произведения.

Диалéкт — местное или социальное наречие, говор.

Дра́ма — 1) род литературных произведений, построенных в форме диалога без авторской речи и предназначенных для исполнения на сцене; 2) произведения подобного рода, серьезного, но не героического содержания (в отличие от комедии и трагедии).

Жа́нр — вид художественного произведения, например: басня, стихотворение, рассказ, поэма, повесть и др.

Завязка — событие, являющееся началом развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звукопи́сь в стихосложении — система звуковых повторов, подобранных с расчетом на звукоподражание.

Звукоподража́ние — передача слуховых впечатлений словами, напоминающими звучание передаваемых явлений.

Идея художественная — основная мысль художественного произведения.

Инве́рсия синтаксическая — расположение слов в предложении или фразе в ином порядке, чем это установлено правилами грамматики.

Иро́ния — фигура, при которой притворно утверждается противоположное тому, что на самом деле думает и хочет сказать автор, или при которой слово употребляется в противоположном значении.

Каламбу́р — игра слов, фигура, основанная на звуковом сходстве слов или сочетаний слов, различных по значению. Обычно создает в тексте комический эффект.

Коме́дия — один из видов драмы, в котором основные события и характеры представлены в смешной, комической форме.

Комментарий — толкование, разъяснение текста.

Компози́ция — расположение частей, построение художественного произведения.

Конфликт — противоречие, противоборство персонажей, их взглядов.

Конте́кст — речевое или ситуативное окружение фрагмента художественного произведения.

Корректу́ра — 1) оттиск типографского набора; 2) исправление ошибок на оттиске.

Кульмина́ция — элемент фабулы, момент наивысшего напряжения в художественном произведении.

Лакони́зм — предельная сжатость, краткость; слово появилось в Древней Спарте, на территории Лаконии.

Легенда — 1) один из жанров письменности на протяжении всего европейского Средневековья (начиная с VI в.); первоначально — житие святого, написанное для чтения в день его памяти. Со временем легендами стали называть истории, имеющие религиозный смысл; 2) в фольклоре легенда — устный народный рассказ, в основе которого лежит чудо, фантастический образ или представления, воспринимающиеся как достоверные.

Лето́писи — памятники исторической письменности и литературы Древней Руси. Повествование в них велось по годам в хронологической последовательности (рассказ о событиях каждого года начинался словами «в лето...» — отсюда и название «летопись»).

Лирические песни — жанр стихотворно-музыкального фольклора. Это песни о мыслях, чувствах, переживаниях человека. В отличие от обрядовых песен, время и обстоятельства их исполнения не обусловлены рамками совершения обрядов.

Лирический герой — образ автора в лирическом произведении (стихотворении), персонаж, чьи мысли и чувства выражены в тексте.

Лироэпические песни — произведения устного народно-песенного творчества. В отличие от лирических песен, имеют фабульные элементы: кульминацию, завязку, развязку.

Литературное направление — явление, художественное движение в искусстве, представители которого объединены общими эстетическими и идеологическими взглядами.

Литературовед — специалист, изучающий закономерности литературного процесса или анализирующий творчество писателей.

Литературоведение — наука о сущности и особенностях художественной литературы.

Мемуарист — автор мемуаров (воспоминаний).

Метафора — слово или выражение, употребленное в переносном значении. В основе такого переносного значения лежит сходство предметов или явлений по какому-либо признаку.

Метонимия — вид метафоры, в котором часть предмета заменяет целое.

Мистификация — намеренное введение в заблуждение.

Мотив — часть темы художественного произведения.

Неологизмы — новые слова, созданные для выражения неизвестных ранее значений.

Новелла — литературный жанр, форма небольшого по объему эпического повествования, сопоставимая с рассказом. В новелле должен быть отчетливый и неожиданный поворот, от которого действие сразу переходит к развязке. И.В. Гёте определял новеллу как «случившееся неслыханное происшествие».

Обрядовая поэзия — это произведения фольклора, которые возникли и исполнялись во время совершения обрядов — установленных действий, имеющих для исполнителей религиозное, бытовое или ритуально-игровое значение.

Ода — стихотворение в торжественном, приподнятом тоне в честь какого-либо значительного события или лица.

Оксюморон (оксímорон) — фигура, в которой соединяются обычно несовместимые понятия, но при этом получается новый смысл, а речь приобретает особую выразительность.

Олицетворение — разновидность метафоры, присвоение предметам неживой природы свойств живых существ.

Описание — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер).

Пейзаж — картина природы в художественном произведении.

Персонаж — действующее лицо в художественном произведении.

Песни обрядовые — стихотворно-музыкальный вид обрядового фольклора. Среди них как жанры выделяются ритуальные, заклинательные, величальные, корильные, игровые и лирические.

Повесть — 1) в Древней Руси повестью называли летописные своды, жития, сказания; 2) в средневековом значении повесть (повествование) — общая жанровая форма, в которую входят произведения разных или одного жанра, объединенные замыслом повествователя; 3) *совр.* эпический прозаический жанр. Повесть обычно меньше по объему, чем роман, а ее сюжет менее сложен, чем в романе.

Поэма — жанр большого многочастного стихотворного произведения. Поэмы бывают лирические, лироэпические, эпические.

Предание — устный рассказ о событиях и героях, часто опирающийся на действительные события.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Проза — литературное нестихотворное произведение.

Просветительство (Просвещение) — идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму. В России идеология Просвещения возникла в XVIII в. Деятели Просвещения боролись за установление «царства разума», за политическую свободу и гражданское равенство. Большое место в достижении нового общественного порядка они отводили распространению знаний.

Псевдоним — подпись, которой автор заменяет свое имя (например: Максим Горький вместо А.М. Пешков, Шедрин вместо М.Е. Салтыков).

Публицистика — род литературы и журналистики; рассматривает актуальные политические, экономические и другие проблемы.

Развязка — один из элементов фабулы, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Рассказ — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рассказчик — персонаж в художественном произведении, от чьего лица часто ведется повествование (рассказ); в событиях, как правило, не участвует.

Рецензия — отзыв, разбор и оценка художественного, научного или научно-популярного произведения.

Ритм — «соразмерность» — повторяемость тех или иных сходных явлений через определенные, соизмеримые промежутки.

Риторика — наука об ораторском искусстве.

Риторические фигуры — синтаксические средства выразительности (риторический вопрос, риторическое вос-

кливание, риторическое обращение и др.). Прилагательное «риторический» образовано от слова «риторика» — наука о красноречии, ораторском искусстве.

Риторический вопрос — фигура, в которой в форме вопроса содержится утверждение. Риторический вопрос не требует ответа, он используется, чтобы усилить эмоциональность, выразительность речи.

Риторическое восклицание — фигура, в которой в форме восклицания содержится утверждение. Риторическое восклицание отличается эмоциональностью, произносится с торжественностью, приподнятостью, воодушевлением. Служит для усиления выразительности речи.

Риторическое обращение — фигура, в которой в форме обращения к неодушевленным предметам, явлениям, понятиям и т.п. выражается различное отношение автора к тому, о чем говорится, передается торжественность, патетичность, приподнятость и другие оттенки настроения.

Рифма — созвучие окончаний стихотворных строк.

Сарказм — вид комического; язвительная насмешка, злая ирония.

Сатира — беспощадное изображение, разрешающееся смехом, осмеяние действительности, человека, поступков.

Символ — предмет, действие, служащее условным обозначением какого-либо понятия, идеи.

Сонет — стихотворная форма, которая состоит из четырнадцати строк: как правило, двух четверостиший и двух трехстиший или трех четверостиший и одного двустишия.

Сравнение — образно-выразительное средство, при котором характеристика одного предмета (лица) дается через сопоставление его с другим предметом (явлением, лицом).

Стихотворение — небольшое поэтическое произведение, написанное ритмизованной речью, стихами. Термин «стихотворение» объединяет разнообразные стихотворные жанры: оду, балладу, элегию, послание и др.

Строфа́ — группа строк стихотворного произведения, составляющих единство. Строки в строфе связаны определенным расположением рифм.

Сюже́т — ход, последовательность событий, описанных в художественном произведении.

Тема — круг событий и явлений действительности, образующих основу художественного произведения.

Традиция — установившиеся принципы, правила.

Устное народное творчество, или фольклор, — искусство устного слова, создаваемое народом, передающееся из уст в уста, от одного поколения к другому. Распространенные жанры фольклора — пословицы и поговорки, сказки, песни, былины, скороговорки, считалки, загадки и др.

Фа́була — повествование о событиях, изображенных в литературном произведении.

Фантастика — разновидность художественной литературы, в которой создан мир заведомо нереальных образов, событий, героев.

Фина́л — окончание художественного произведения.

Эпизод — относительно самостоятельная единица текста, фрагмент произведения.

Эпило́г — элемент фабулы; часть повествования после развязки, в которой, как правило, сообщается о судьбе персонажей через значительный промежуток времени после описываемых событий.

Эпи́тет — образно-выразительное средство, образное определение, слово или словосочетание, определяющее лицо, действие или предмет с позиций автора. Отличается от простого определения художественной выразительностью.

Эпос — 1) повествовательный род литературы, в отличие от лирики и драмы; 2) совокупность народных героических песен, былин, сказаний, поэм.

Эссе́ — очерк в свободной форме о литературных, нравственных или иных проблемах.

Этимоло́гия — происхождение слова и его родственные отношения к другим словам того же самого или других языков; наука о происхождении слов.

Юмор — вид комического, художественный прием, основанный на изображении чего-либо в комическом, смешном виде.

1. *Эфрос Абрам*. Рисунки поэта. Academia, 1933.
2. *Эфрос Абрам*. Автопортреты Пушкина. М.: Гослитиздат, 1945.
3. *Лебедев Г.Е.* Русская книжная иллюстрация XIX в. М.: Искусство, 1952.
4. Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре. М.: Государственное издательство изобразительного искусства, 1953.
5. *Кузьмин Н.* Штрих и слово. Л.: Художник РСФСР, 1967.
6. *Петров В.Н.* Михаил Иванович Козловский. М.: Изобразительное искусство, 1977.
7. *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М.: Изобразительное искусство, 1977.
8. О Шукшине. Экран и жизнь. М.: Искусство, 1979.
9. *Шукин В.М.* Рассказы. М.: Детская литература, 1980.
10. *Пушкин А.С.* Полтава. М.: Детская литература, 1982.
11. Янка Купала в творчестве художников. Минск: Беларусь, 1982.
12. *Курбатов В.* Василий Шукшин. М.: Современник, 1984.
13. Русское искусство эпохи барокко. Л.: Искусство, 1984.
14. *Николаева Н.С.* Художественная культура Японии XVI столетия. М.: Искусство, 1986.
15. *Завадская Е.В.* Японское искусство книги (VII—XIX века). М.: Книга, 1986.
16. А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: В 2 т. М., 1987.
17. *Некрасова Е.А.* Ломоносов-художник. М.: Искусство, 1988.
18. Государственный Русский музей. Скульптура. XVIII — начало XX века: Каталог. Л.: Искусство, 1988.
19. Записки Якоба Штеллина об изящных искусствах в России. Т. 1 и 2. М.: Искусство, 1990.
20. *Корх А.С.* Петр I и Северная война. М.: Внешторгиздат, 1990.
21. Музей Есенина в книге. М.: Конрад-Пресс. Х.Г.С., 1995.
22. *Скорнякова Н.Н.* Старая Москва. Гравюры и литографии XVI—XIX вв. из собрания Государственного исторического музея. М.: Галарт, 1996.
23. «Я к вам пишу...» Пушкиниана на открытках XIX—XX вв. М.: Русский Мир, 1999.
24. Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Скульптура XVIII—XIX вв. М.: Красная площадь, 2000.
25. *Некрасов С.М., Незутова Р.В.* Три эпохи музея. СПб., 2004.
26. Суримоно XVIII—XIX веков из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Изд-во ГМИИ: Группа ЭПОС, 2008.

Издательство благодарит Государственный литературный музей за предоставленные изобразительные материалы.

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА 3

Максим Горький	4
Автобиография	7
Детство (<i>Избранные главы</i>)	12
Старуха Изергиль (<i>Легенда о Данко</i>)	61
Иван Алексеевич Бунин	71
«Догорел апрельский светлый вечер...»	73
Как я пишу (<i>Фрагменты</i>)	74
Кукушка	77
Александр Иванович Куприн	95
Куст сирени.	98
Allez!	106
Владимир Владимирович Маяковский	114
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	117
Сергей Александрович Есенин	124
«Я покинул родимый дом...»	129
«Отговорила роща золотая...»	130
Иван Сергеевич Шмелев	134
Русская песня.	135
Михаил Михайлович Пришвин	140
Москва-река	142
Константин Георгиевич Паустовский	149
Мещёрская сторона (<i>В сокращении</i>)	151
Николай Алексеевич Заболоцкий	163
«Не позволяй душе лениться!...»	164
Александр Трифонович Твардовский	167
«Прощаемся мы с матерями...»	168

«На дне моей жизни...»	168
Василий Теркин (<i>Главы из поэмы</i>)	170
Как был написан Василий Теркин (<i>Фрагменты</i>)	189
Лирика поэтов — участников Великой	
Отечественной войны	193
Борис Львович Васильев	197
Летят мои кони (<i>Отрывок</i>)	197
Экспонат №.....	200
Василий Макарович Шукшин	227
Слово о малой родине (<i>Фрагмент</i>)	232
Микроскоп	235
Русские поэты XX века о России	250

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ..... 256

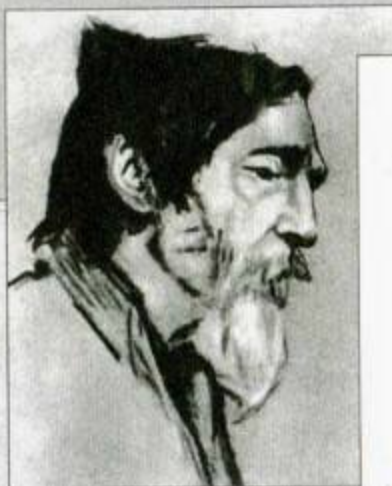
Уильям Шекспир	257
Сонеты	259
Роберт Бёрнс	263
Возвращение солдата	265
Джон Ячменное Зерно	268
Роберт Льюис Стивенсон	271
Остров сокровищ (<i>Избранные главы</i>)	272
Мацуо Басё	291
Антуан де Сент-Экзюпери	303
Планета людей (<i>В сокращении</i>)	305
Янка Купала	323
Мужик	327
А кто там идет?	328
Алеся	329

ПРИЛОЖЕНИЕ

Произведения для заучивания наизусть	332
Произведения для домашнего чтения	332
Краткий словарь	
литературоведческих терминов	334
Список книг, использованных при составлении	
изобразительного ряда учебника	341

Дом-музей В.В. Маяковского в селе Багдади в Грузии, в котором родился поэт

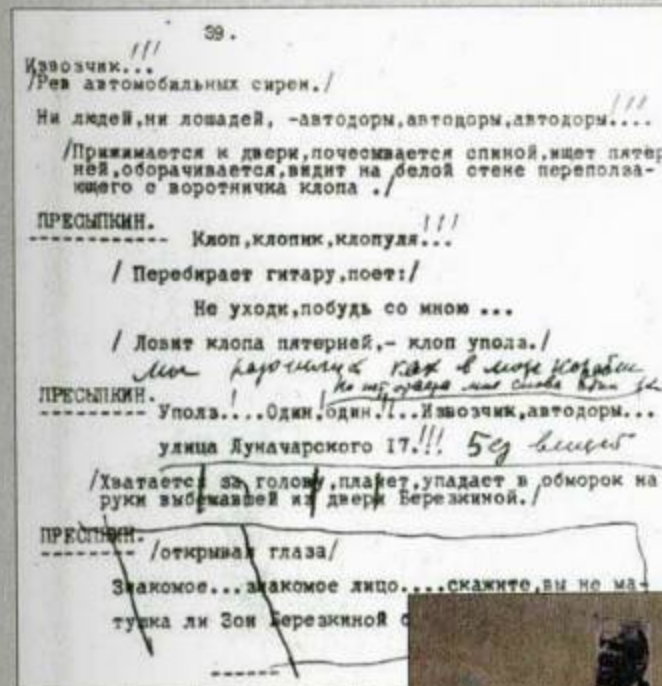

В. Маяковский

Рис. Текрыгина Л.И.

Прошение В.В. Маяковского
о допущении его к экзаменам
в Академию художеств и его рисунок;
обложка первого сборника
стихотворений В.В. Маяковского «Я»

Страница
рукописи пьесы
В.В. Маяковского
«Клоп»
с авторской
правкой

Дом, в котором
находилась
последняя квартира
В.В. Маяковского
(Москва,
Лубянский
проезд, д. 3/6)
и его рабочий стол
в этой квартире

